

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2022 № 2 (24)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 2 (24). 2022

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2022. № 2 (24)

Издается с 2016 г.

Редакция

Главный редактор

Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Алена Эдвартовна Исахаян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.А. Богомолов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лоцилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *П.М. Лавринец* (Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Фоскари, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна –Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25 а

Тел: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

Сайт: <http://litfact.ru/>

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for
Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296,
September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany /
St. Petersburg, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of
the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Nikolay A. Bogomolov* (Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute
of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of
Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic
Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA,
USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia),
Mikhail V. Stroganov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Scienc-
es, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great
Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky*
(Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Pavel M. Lavrinets* (Vilnius University,
Vilnius, Lithuania), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatinin*
(University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi*
(University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3,
Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel),
Lazar S. Fleishman (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schrubba* (Milan Univer-
sity, Milan, Italy)

Address: Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia

Phone: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

www.litfact.ru

Содержание

Литературный факт. 2022. № 2 (24)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Н.В. Гоголь. «Старосветские помещики». Черновой автограф. Подготовка текста и вступительная статья А.С. Шолоховой	8
<i>Н.В. Михаленко.</i> О работе В.В. Маяковского над текстами к плакатам (по материалам записных книжек)	37

БИОГРАФИКА

<i>Т.М. Девянина, С.Н. Морозов.</i> И.А. Бунин на пути в Палестину (1889–1903 гг.)	54
<i>Т.М. Девянина, С.Н. Морозов.</i> Палестинское путешествие И.А. Бунина 1907 года: хроника и контекст	64
<i>П.Ф. Успенский.</i> Павел Петрович ФИЛИП(П)ОЎВИЧ: статья для словаря «Русские писатели»	95
<i>И.Е. Лоцилов, Т.В. Соснора.</i> Сибирские поэтические туры Виктора Сосноры (1960-е гг.)	104

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

<i>Л.Г. Жуховицкая.</i> «Слушая великого художника, я нашел что-то великое и нужное...»: Письма Семена Фикса — Горькому и о Горьком (по материалам Архива А.М. Горького)	132
--	-----

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

<i>Д.В. Григорович:</i> «Кто виноват?» Подготовка текста и комментарий А.Е. Козлова	152
<i>К.В. Душенко.</i> «Толстый генерал» и князь Гремин: превращения литературного образа	169
<i>М.В. Стrogанов.</i> «Памяти Н. К. Михайловского». Особенности некрологического стихотворения	183
<i>М.В. Орлова.</i> Валерий Брюсов и его ученики. «Дело» Надежды Львовой	199

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Я.Д. Чечнёв.</i> Конфуций во «Всемирной литературе». Доклад В.М. Алексеева о китайском философе в 1921 году (по материалам Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН)	230
--	-----

Contents

Literary Fact. 2022, no 2 (24)

FROM CREATIVE HERITAGE

Gogol, N.V. "The Old World Landowners." Autograph, text prep. and comment. by A.S. Sholokhova.....	8
<i>Natalia Mikhailenko</i> . On the Work of Vladimir Mayakovsky with Poster Texts (According to his Notebooks).....	37

BIOGRAPHICS

<i>Tatiana Dvinyatina, Sergey Morozov</i> . Ivan Bunin on the Way to Palestine (1889–1903).....	54
<i>Tatiana Dvinyatina, Sergey Morozov</i> . Ivan Bunin's 1907 Palestine Journey: Chronicle and Context.....	64
<i>Pavel Uspensky</i> . Pavel Petrovich Filip(p)ovich: Article for the Dictionary "Russian Writers".....	95
<i>Igor Loshchilov, Tatyana Sosnora</i> . Victor Sosnora's Siberian Poetry Tours (1960s).....	104

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

<i>Larisa Zhukhovitskaya</i> . "Listening to a Great Artist, I Found Something Great and Necessary...": Simon Fix's Letters to Maxim Gorky and about Maxim Gorky (Based on the Materials of A.M. Gorky's Archive).....	132
--	-----

ARTICLES. NOTES. REPORTS

Dmitry Grigorovich: "Who is to Blame?" text prep. and comment. by A.E. Kozlov.....	152
<i>Konstantin Dushenko</i> . "The Fat General" and Prince Gremin: Transformations of the Literary Image.....	169
<i>Mikhail Stroganov</i> . "In Memory of N.K. Mikhailovsky." Features of an Obituary Poem ..	183
<i>Monika Orlova</i> . Valery Bryusov and his Students. The Case of Nadezhda L'vova.....	199

FROM SCIENTIFIC HERITAGE

<i>Yakov Chechnev</i> . Confucius in "World Literature." V.M. Alekseev's Report on the Chinese Philosopher in 1921 (Based on the Materials of A.M. Gorky Archive of IWL RAS).....	230
---	-----

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт.
2022. № 2 (24)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-8-36>
<https://elibrary.ru/AFFBBF>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (24), 2022

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Н.В. Гоголь
«Старосветские помещики».
Черновой автограф

© 2022, А.С. Шолохова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Подготовка текста и вступительная статья А.С. Шолоховой

Аннотация: Черновой автограф повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» публикуется полностью впервые. Это единственный рукописный источник, являющийся самой ранней существующей редакцией текста. Автограф отличается от печатной версии, вошедшей в сборник «Миргород» 1835 г., в основном стилистически. Вместе с тем, сделанные в процессе переработки текста многочисленные поправки, исправления и дополнения наглядно демонстрируют характер работы Гоголя над текстом. Отмененная Гоголем правка в рукописи отражена в подстрочных сносках.

Ключевые слова: русская литература, Гоголь, «Старосветские помещики», текстология, академическое издание.

Информация об авторе: Анна Сергеевна Шолохова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2325-9619>

E-mail: anna_sholokhova@mail.ru

Для цитирования: Н.В. Гоголь. «Старосветские помещики». Черновой автограф / подгот. текста и вступ. ст. А.С. Шолоховой // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 8–36. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-8-36>

Публикуемый впервые текст чернового автографа повести «Старосветские помещики» находится в Записной тетради Н.В. Гоголя 1832–1834 гг., хранящейся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (РНБ. Ф. 199. Ед. хр. 1)¹. Автограф предположительно датируется февралем–мартом 1834 г. Помимо «Старосветских помещиков» в тетради содержатся тексты «Тараса Бульбы» и «Вия», вошедшие в сборник «Миргород», изданный в 1835 г. [2]. Черновой автограф «Вия» был впервые опубликован И.А. Виноградовым в 2019 г. [1, с. 117–162], автограф первой редакции «Тараса Бульбы» печатался в вариантах. Между тем рукопись имеет важное самостоятельное значение, показывая характер работы Гоголя над текстами при их подготовке к печати.

Автограф «Старосветских помещиков» является единственным рукописным источником повести. Не имеющий заглавия текст расположен на л. 12–15а со слов: «Я очень люблю скромную жизнь...» и до: «...он рыдал, рыдал сильно, рыдал неутешно, и слезы лились как река» (л. 12–15 об.). Далее текст обрывается. В тетради видны следы вырезанного листа, на котором, возможно, было написано окончание повести. На вложенном затем крохотном листке 15а (л. 15а об. не заполнен) помещен небольшой отрывок из 16 строк, содержащий эпизод последней встречи повествователя с Афанасием Ивановичем: «“Это то блюдо”, продолжал [он] ~ поражал меня в самое сердце» (Ср. более распространенный вариант в редакции 1835 г.: «“Это то кушанье ~ поражал меня в самое сердце» [2, с. 49–51]).

Автограф представляет собой почти полный текст повести. Значительная линейная и над(меж)строчная правка была сделана по ходу записи теми же чернилами, что и основной текст и имеет характер редакционных поправок, исправлений и дополнений. Использование пера с различной степенью нажима и меняющийся почерк (л. 13, 14 об., 15 об.) свидетельствуют о том, что Гоголь работал над рукописью в несколько кратковременных этапов.

Черновой автограф отличается от печатной редакции 1835 г. В основном стилистически. Вместе с тем, многочисленные поправки и переработки делались Гоголем по всему произведению от начала и до конца. Имеющиеся в большом количестве разночтения носят различный характер. Некоторые можно интерпретировать как устранение случайных погрешностей (возможно, опечаток). Например, в черновом автографе: «Я отсюда»; «на ихних<?>»; «обирала». В пе-

¹ Далее текст чернового автографа повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» цитируется по этому источнику, в круглых скобках указываются листы.

чатном тексте читаем: «Я отсюда»; «на их»; «покрывала». В других случаях исправления более значительны и связаны в первую очередь с заменой редко употреблявшихся слов и выражений более литературными аналогами, а также с синтаксическими поправками. Ср.: «удовольствовалась этим ответом» (л. 13 об.) / «удовлетворялась этим ответом» [2, с. 19]; «не будучи замоченным дождем» (л. 12) / «не замочась дождем» [2, с. 4]; «а. добросердечие; б. простосердечие» (л. 12) / «чистосердечие» [2, с. 6]; «Но как бы то ни было, даже тогда» (л. 12) / «Как бы то ни было, но даже тогда» [2, с. 5]; «Я узнала секрет от попа отца Ивана» (л. 14 об.) / «я узнала секрет от отца Ивана» [2, с. 32]. Между черновым автографом и печатным текстом 1835 г. очень много мелких расхождений: от грамматических до стилистических, но все эти замены вполне укладываются в рамки редакторской правки.

Иногда Гоголь вводит в текст новые, очень значимые уточнения: «толстый бас шмеля, визжание ос» (л. 13) / «толстый бас шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаниями ос» [2, с. 16]; «эту половину наконец они привозили самую негодную» (л. 13 об.) / «эту половину привозили они заплесневшую или подмоченную, которую обраковали на ярмарке» [2, с. 19]; «добрых душ их» (л. 14) / «добрых, бесхитростных душ» [1, с. 27]. В ряде случаев детализируются и делаются более распространенными описания: «*Этот* треск горящей соломы и освещение делают сени очень приятными в зимний вечер, когда, прозябнувши на дворе, вбежали наконец в них, похлопывая ладонями» (л. 12 об.) / «Треск этой горящей соломы и освещение делают сени чрезвычайно приятными в зимний вечер, когда, прозябнувши от преследования за какой-нибудь брюнеткой, вбегаешь в них, похлопывая ладонями» [2, с. 11].

Новые мотивы появляются в печатной редакции 1835 г. лишь изредка — к ним можно отнести следующие случаи, отсутствующие в черновом автографе: 1) «Они никогда не имели детей, и оттого вся привязанность их сосредоточилась в них самих» [2, с. 9]; 2) «Гость <...> выводил свои догадки и рассказывал, что Француз тайно согласился с Англичанином выпустить опять на Россию Бонапарта, или просто рассказывал о предстоящей войне...» [2, с. 28–29]; 3) «Что же сильнее над нами: страсть или привычка? Или все сильные порывы, весь вихорь наших желаний и кипящих страстей — есть только следствие нашего яркого возраста и по тому одному только кажутся глубоки и сокрушительны. Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки» [2, с. 50–51].

Помимо авторских исправлений в печатном тексте 1835 г. встречается ряд мелких ошибок, сделанных переписчиком или наборщиком. Ср., например: «как дряхлые живописные дома, хороши своею пестротою и совершенн<ою> противоположностью строению гладкому» (л. 12). В печатной редакции 1835 г. слово «пестротою» прочитано как «простотою» [2, с. 4].

В полном виде рукопись «Старосветских помещиков» ранее не публиковалась. Впервые разночтения автографа с напечатанной редакцией 1835 г. были опубликованы Н.С. Тихонравовым в 1889 г. [4, с. 558–568], а затем дополнены в академическом собрании сочинений Гоголя 1937 г. [3, с. 457–475]. В настоящем издании текст повести представлен с максимально возможным сохранением его особенностей как чернового источника — то есть отражает незавершенность фраз, исправлений, специфику авторских написаний, даже если такие написания отклоняются от современных норм и представляют собой случайные описки (отдельные случаи оговорены с помощью формулы «*Так в рукописи*»). Сохранены также необычные лексические или грамматические формы, присущие языку эпохи («дома», «прикащик», «итти» и др.). Во всех текстологически значимых случаях в соответствии с источником воспроизводятся прописные буквы. В подстрочных сносках показаны исправления, сделанные по ходу письма.

СТАРОВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ (Черновой автограф)

<Л. 12> Я очень люблю скромную жизнь тех, которых² обыкновенно называют старосветскими, которые, как дряхлые³ живописные дома, хороши⁴ своею пестротою и совершенн<ою> противоположностью строению гладкому, строиному⁵ и ровному, которого стен⁶ не промыл еще дождь, крышу не покрыла отрывками зеленая плеснь⁷ и крыльцо⁸, лишенное шекотурки и глины⁹, не показывает живопис-

² *Вместо:* тех которых — *было:* а. наших прежних помещиков в Малороссии (наших — *осталось незначеркнутым*); б. тех людей которых.

³ *Далее зачеркнуто:* дом<ы?>.

⁴ *Далее зачеркнуто:* те<?>.

⁵ *Так в рукописи.*

⁶ *Вместо:* которого стен — *было:* по стенам которого.

⁷ *Так в рукописи.*

⁸ *Далее зачеркнуто:* непок<азывает?>.

⁹ и глины — *вписано.*

ных кирпичей безыскусственного плетня. Я иногда¹⁰ люблю сойти¹¹ на минуту в сверу¹² этой¹³ необыкновенно-уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за¹⁴ частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада¹⁵, наполненный яблонями и сливами, за деревенские избы, окружающие жилище, пошатнувшие¹⁶ на сторону, осененные Вербами¹⁷, бузиною и грушами¹⁸. Жизнь этих скромных владельцев так тиха, так тиха, что¹⁹ на минуту²⁰ забываешься и думаешь²¹, что страсти, желания и те беспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, не²² существуют²³ и ты их видел только в блестящем сверкающем сновидении. Я отсюда вижу низенький домик с галереей на тоненьких почерневших деревянных столбиках, идущих вокруг всего дома, чтобы²⁴ можно было во время грома и сильного града затворить ставни окон, не будучи замоченным дождем. За ним душистая черемха²⁵, целые ряды²⁶ низеньких фруктовых деревьев, потопленны<х> багрянцем²⁷ вишень, яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом; развестый²⁸ клен, в тени которого разос<т>лан для отдыха ковер. Перед домом просторный двор с низенькою свежеею травкою, с протоптанною²⁹ дорожкой от амбаров³⁰ до кухни и от кухни до барских покоев. Длинношейной гусь, пьющий воды с молоды<ми> и нежны<ми> как пух³¹ гусятами; частокол, обвешанный <I нрзб.> и сушеных яблок и [проветривае]мым<и>

¹⁰ Было: очень.

¹¹ Так в рукописи.

¹² Так в рукописи.

¹³ Далее начато и зачеркнуто: у<е>дине<нной?>.

¹⁴ Было: через.

¹⁵ Вместо: за плетень сада — было: через сад.

¹⁶ Так в рукописи.

¹⁷ Далее зачеркнуто: и груша<ми>.

¹⁸ Далее зачеркнуто: Когда бричка моя подъедет к такому домику.

¹⁹ Далее зачеркнуто: кажется как будто вовсе.

²⁰ Далее зачеркнуто: и.

²¹ Вместо: забываешь и думаешь — было: и забываешь, и думаешь.

²² не — вписано.

²³ В рукописи: [существ]ует.

²⁴ Было: для.

²⁵ Так в рукописи.

²⁶ Далее зачеркнуто: деревьев<?>.

²⁷ Вместо: потопленны<х> багрянцем — было: залитых красным багрянцем.

²⁸ Так в рукописи.

²⁹ В рукописи: протоптонаю.

³⁰ Было: от кухни.

³¹ молоды<ми> и нежны<ми> как пух — вписано.

коврами, воз с дынями, стоящий возле амбара, отпряженный вол, лениво лежащий возле своего ярма. Все это для меня и меня³² имеет неизъяснимую прелесть может быть оттого, что уже я не вижу ее³³ и что нам мило все то, с чем³⁴ мы в разлуке. Но как бы то ни было, даже тогда, когда брочка моя останавливалась около крыльца такого домика, душа принимала удивительно приятное и спокойное положение, лошади весело подкачивали под крыльцо, кучер преспокойно слезал с козел и набивал трубку, как будто бы он приезжал в собственный дом свой. Самый лай, который поднимали флегматические барбосы, бровки и жучки, был приятен моим ушам. Но более всего мне нравились самые владельцы этих скромных уголков, старички и старушки, заботливо выходившие³⁵ навстречу. Их лица мне представляются и теперь иногда в шуме и вихре среди модных фраков, и я предаюсь всегда какой-то полузадумчивости. На них всегда написана такая доброта, такое радушие и простосердечие³⁶, что невольно отказываешься сам, хотя на минуту³⁷, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь всеми <?> чувствами в низменную буколическую жизнь.

Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых увы теперь уже нет, но душа моя еще <?>³⁸ полна до сих пор жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда я воображу себе, что придет же время когда я посету³⁹ когда-нибудь их⁴⁰ прежнее теперь опустелое⁴¹ жилище, и увижу кучу развалившихся хат, заглохший пруд, заросший ров на том месте⁴² и ничего более. Грустно! Мне заранее грустно. Но обратимся к рассказу. Афанасий Иванович Сырогуб⁴³ и жена его Настасия⁴⁴ Ивановна Товстогубиха, по выражению окружающих мужиков, были те старики, о которых я хочу рассказывать. Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бав-

³² Так в рукописи.

³³ Вместо: уже я не вижу ее — было: уже не вижу больше ничего этого.

³⁴ Вместо: и что нам мило все то, с чем — было: и что над имеет неотразимую п<?>.

³⁵ Вместо: старички и старушки заботливо выходившие — было: живописные старички и старушки встречавшие.

³⁶ Было: добросердечие.

³⁷ хотя на минуту — вписано.

³⁸ еще <?> — вписано.

³⁹ В рукописи: посету.

⁴⁰ В рукописи: когда их нибудь их.

⁴¹ теперь опустелое — вписано.

⁴² заросший ров на том месте — вписано.

⁴³ Было: Товстогуб.

⁴⁴ Так в рукописи.

киду⁴⁵, я бы никогда не избрал другого оригинала кроме их. Афанасию⁴⁶ Ивановичу было 60 лет, Пульхерии Ивановне 55. Афанасий Иванович был высокого роста, ходил всегда в бараньем тулупчике, покрытом камлотом, и сидел⁴⁷ согнувшись и всегда почти улыбался, когда рассказывал или слушал. Пульхерия Ивановна была несколько сурьзна, почти никогда не смеялась, но на лице и в глазах было написано столько доброты, столько готовности угостить вас всем, что было у них лучшего, что вы даже нашли бы улыбку уже через чур приторную для ее доброго лица. Легкие⁴⁸ морщины на⁴⁹ ихних лицах были расположены с такою приятностию, что художник украл бы их без сомнения с торопливостью и жадностью. По ним можно было, казалось, читать всю жизнь их, ясную, спокойную жизнь, которую вели старые национальные, простосердечные и вместе богатые фамилии, ту жизнь, которая вовсе противоложна тем низким Малороссиянам, которые выдираются из черного дна⁵⁰ дегтярей, торгашей, наполняют саранчею⁵¹ палаты и присутственные места, <Л. 12 об.> дерут последнюю копейку с своих же земляков и наполняют Петербург ябедниками, и наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, обыкновенно оканчивающейся на о⁵², слог: *въ*. Нет, они не были похожи на этих презренных и жалких животных как все малороссийские старинные и коренные фамилии. Нельзя было глядеть без участия на их взаимную любовь. Они никогда не говорили друг другу ты, но всегда вы: Вы, Афанасий Иванович, вы, Пульхерия Ивановна. «Это вы продавили стул, Афанасий Иванович». — «Ничего, не сердитесь, Пульхерия Ивановна: это я» — отвечал Иванович⁵³. Когда-то в молодости Афанасий Иванович служил в компанейцах, был после секунд-майором, но это было⁵⁴ уже очень⁵⁵, уже прошло, уже сам Афанасий Иванович никогда почти⁵⁶ не вспоминал о нем. Афанасий Иванович женился 30 лет, когда был молодцом, носил

⁴⁵ В рукописи: Баквиду.

⁴⁶ В рукописи: Аванасию (в тексте рукописи встречается вариативность написания имени: Аванасий, Авфанасий, Афанасий).

⁴⁷ Далее зачеркнуто: всегда.

⁴⁸ Было: Приятные.

⁴⁹ на — вписано.

⁵⁰ Далее зачеркнуто: дегт<ярей?>.

⁵¹ саранчею — вписано.

⁵² Далее зачеркнуто: или енко.

⁵³ Так в рукописи.

⁵⁴ было — вписано.

⁵⁵ Так в рукописи.

⁵⁶ почти — вписано.

шитый камзол, он даже увез до<во>льно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него. Но и об этом уже он очень мало помнил, по крайней мере никогда не говорил о нем. Все эти давние необыкновенные происшествия давно⁵⁷ превратились или заменились спокойною и уединенною жизнью, теми дремлющими и вместе какими-то гармоническими грезами⁵⁸, которые ощущаете вы, сидя на деревенском балконе, обращенном в сад, когда чистый⁵⁹ дождь роскошно шумит⁶⁰, хлопая по древесным листьям, стекая журчащими ручьями⁶¹ с крыши⁶², вами невольно овладевает дрема, а между тем радуга крадется и<з>-за деревьев и померкши посередине⁶³ на разрушенном своде светит матовыми лучами в сером⁶⁴ небе. Или когда качивает вас коляска, ныряющая между зелеными⁶⁵ кустарниками, когда гремит степной⁶⁶ перепел, и⁶⁷ душистая трава вместе с хлебными колосьями и степными цветами лезет в дверцы вашей коляски и приятно ударяют вас по лицу.⁶⁸ Он всегда слушал с приятною улыбкою гостей, приез<жавших?> к нему, иногда и сам говорил⁶⁹, но более расспрашивал. Он принадлежал к числу тех стариков, которые не надоедают вечными похвалами⁷⁰ старому времени или презрением⁷¹ ко всему новому. Он, напротив того, расспрашивая вас⁷², показывал участие, любопытство знать обстоятельства вашей собственной жизни, удач и случаев, которое обыкновенно добрым старикам, хотя оно несколько похоже на⁷³ любознатель<ного> ребенка, который в то время, когда

⁵⁷ *Далее зачеркнуто:* слились<?>.

⁵⁸ *Было:* чувствами.

⁵⁹ *Далее зачеркнуто:* шумный.

⁶⁰ *Далее зачеркнуто:* бьет в кровлю Ваше<го?>.

⁶¹ *Вместо:* стекая журчащими ручьями — *было:* стекая ручьями.

⁶² *Далее зачеркнуто:* чувст<в>ами.

⁶³ *Вместо:* и померкши посередине — *было:* и разорвавши посередине.

⁶⁴ сером — *вписано.*

⁶⁵ *Было:* раскидистыми.

⁶⁶ *Было:* полевой.

⁶⁷ *Далее зачеркнуто:* тр<ава?>.

⁶⁸ *Слова:* теми дремлющими ~ ударяют вас по лицу — *написаны отдельно в нижней трети Л. 12 об. без обозначения места вставки, после слов:* после употребятся.

⁶⁹ *Было:* рас<с>прашив<ал>.

⁷⁰ *Вместо:* вечными похвалами — *было:* вечною хваст<ливостью> (вечною — *осталось неисправленным*).

⁷¹ *Было:* бранью.

⁷² *Вместо:* напротив того, расспрашивая вас — *было:* напротив всегда заводил.

⁷³ *Вместо:* показывал участие ~ похоже на — *было:* показывал то участие к вам, которое так неразлучно с истинно добрыми стариками, хотя это любопытство [во мне всегда возб<уждало?>] казалось (добрыми стариками — *осталось неисправленным*).

говорит с вами, рассматривает печатку ваших часов или другие безделушки, которые на вас видит. Комнаты дома⁷⁴, в которых жили наши Старички, были маленьки, низеньки, какие обыкновенно бывают <I нрзб.>⁷⁵ у старосветских панов.⁷⁶ В каждой комнате была⁷⁷ огромная печь, занимавшая почти третью часть ее. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна очень любили теплоту. Топки их были все проведены в сени⁷⁸, всегда почти до самого верху наполненные соломою, которую обыкновенно употребляют в Малороссии вместо дров. Это<t> треск горящей соломы и освещение⁷⁹ делают сени очень приятными в зимний вечер, когда, прозябнувши⁸⁰ на дворе⁸¹, вбежали наконец в них, похлопывая ладонями. Стены комнат убраны несколькими картинами⁸² и картинками в старинных узеньких⁸³ рамах. Я уверен, что хозяева давно позабыли сами содержание своих картин и если бы⁸⁴ некоторые из них были унесены, то они без сомнения не заметили бы пропажи <?>. Два портрета были больших, писанных масляными почернев<шими?>⁸⁵ истрескавшимися красками. Один представлял какого-то архи<ерея?>, другой⁸⁶ Петра III. Из узеньких рамок глядела герцогиня Лавальер, обпачканная мухами. Вокруг окон и над дверями находилось множество картинок, которых как-то привыкаешь почитать за пятна на стене и потому их⁸⁷ вовсе не рассматриваешь. Пол был во всех почти комнатах глиняный, но так чисто вымазанный⁸⁸, содержался с такою опрятностью, с какою⁸⁹ не содержался <?>⁹⁰ ни один паркет в⁹¹ богатом⁹², лениво подметаемый невыспавшимся господин<ом> в Ливрее. Комна-

⁷⁴ дома — вписано.

⁷⁵ I нрзб. — вписано.

⁷⁶ Далее зачеркнуто: огро<мная?>.

⁷⁷ была — вписано.

⁷⁸ Далее зачеркнуто: кото<рые?>.

⁷⁹ Вместо: и освещение — было: I нрзб.

⁸⁰ Далее зачеркнуто: вы входите.

⁸¹ Далее зачеркнуто: вы наконец в них входите.

⁸² Было: порт<етами?>.

⁸³ В рукописи: узеньких.

⁸⁴ Далее зачеркнуто: кто-нибудь.

⁸⁵ почерневш<ими?> — вписано.

⁸⁶ Далее зачеркнуто: императора.

⁸⁷ их — вписано.

⁸⁸ Далее зачеркнуто: с такою.

⁸⁹ Далее зачеркнуто: верно.

⁹⁰ не содержался<?> — вписано.

⁹¹ Далее зачеркнуто: самом.

⁹² Не дописано.

та Пульхерии Ивановны была вся уставлена сундуками⁹³, ящиками и сундучечками. Бездна узелков и мешочков с семенами⁹⁴ цветочными, огородными, арбузн<ыми> висели по стенам. Множество клубков с разноцветною шерстью, лоскутков старинных платьев, шившихся за⁹⁵ полстолетия прежде, были уложены по углам между сундучками и в сундучках⁹⁶. Пульхерия Иванов<на> была большая хозяйка и все собирала, хотя сама не знала, на что⁹⁷ они после употребятся. <Л. 13> Но самое замечательное в доме — были поющие двери. Как только наставало утро, пение дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего они пели, перержавевшие ли петли были тому виною⁹⁸ или сам механик, делавший их, скрыл в них какой-нибудь секрет, но замечательно то, что каждая дверь⁹⁹ имела свой особенный голос. Дверь, ведущая в спал<ь>ню, пела самым¹⁰⁰тоненьким дишкантом. Дверь, ведшая в столовую, <х>рипела басом, но та, которая была в сенях, имела какой-то¹⁰¹ странный¹⁰² дребезжащ<ий> и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно, наконец, слышалось: батюшки, я ябну! Я знаю, что многим¹⁰³ очень не нравится этот звук, но я его очень люблю. И если¹⁰⁴ мне случится иногда здесь услыш<ать> скрип дверей, тогда перед мною так и запахнет деревней, низенькой комнаткой, озаренной¹⁰⁵ свечкой в старинном подсвешнике, ужином ожидающим¹⁰⁶, майскою темною ночью, глядящую из сада сквозь растворенное окно на стол, уставленный приборами, соловьем, обдающим весь сад и дом и дально¹⁰⁷ реку своими раскатами, страхом и шорохом ветвей. И боже!¹⁰⁸ какая тогда¹⁰⁹ длинная навеваается мне вереница воспоминаний¹¹⁰! Стулья в комнате были массивные, какими

⁹³ *Далее зачеркнуто*: ящиками маленькими.

⁹⁴ *Далее зачеркнуто*: разных.

⁹⁵ *Далее зачеркнуто*: целое.

⁹⁶ *В рукописи*: в сундучками.

⁹⁷ *Было*: что куда.

⁹⁸ были тому виною — *вписано*.

⁹⁹ *Далее зачеркнуто*: состоявшая из цель<?>

¹⁰⁰ *Было*: совершен<но?>.

¹⁰¹ *В рукописи*: какотой.

¹⁰² *Далее зачеркнуто*: звук так.

¹⁰³ *Вместо*: что многим — *было*: многих людей которым.

¹⁰⁴ *Было*: и когда.

¹⁰⁵ *Было*: а. светло освещенной; б. 2 нрзб.

¹⁰⁶ *Было*: стоящим.

¹⁰⁷ *Так в рукописи*.

¹⁰⁸ *Далее зачеркнуто*: чего не приходит тогда на ум мне.

¹⁰⁹ тогда — *вписано*.

¹¹⁰ *Было*: мечтаний.

всегда отличается старина, они были все с высокими выточенными спинками¹¹¹ без всякого лака и краски, но просто в натуральном виде, они не были даже обиты материею и несколько похожи были на те стулья, на которые садятся Архиереи. Треугольные столики по углам и четырехугольные перед¹¹² диваном и зеркалом, всегда почти¹¹³ маленьким, с тоненькими золотыми рамами в виде листьев, которых мухи¹¹⁴ усеяли черными точками, ковер перед диваном с птицами, похожими на цветы, и цветами, похожими на птиц, вот все почти убранство¹¹⁵ их невзыскательного домика, где жили наши старики.¹¹⁶ Вся деви<чья> была набита молодыми и немолодыми¹¹⁷ девушками в полосатых исподниц<ах>, которым иногда Пульхерия Ивановна давала шить какие-нибудь безделушки¹¹⁸, заставляла чистить¹¹⁹ ягоды, но которые большею частию бегали на кухню и спали. Пульхерия Ивановна почитала¹²⁰ необходимостию¹²¹ держать их в доме и строго смотрела за их нравственностью. Но <к> чрезвычайному изумлению ее не проходило нескольких месяцев, чтобы у которой-нибудь из ее девушек стан не делался гораздо полнее обыкновенн<ого>, тем более это казалось удивительно, что в доме почти никого не было из холостых людей, выключая разве только комнатного мальчика, который ходил в кафтане с босыми ногами и если не ел, то уж¹²² верно спал. Пульхерия Ивановна обыкновен<н>о бранила виновную и наказывала строго, чтобы вперед этого не было.¹²³ На стеклах окон¹²⁴ звенело множество мух, которых всех покрывал толстый бас шмеля¹²⁵, визжание ос, как только зажигали¹²⁶ свечи, вся эта ватага отправляла<сь> на ночлег и обирала

¹¹¹ *Далее зачеркнуто*: редко да.

¹¹² *Вместо*: Треугольные столики по углам и четырехугольные перед — *было*: Треугольные и офальные столики перед.

¹¹³ всегда почти — *вписано*.

¹¹⁴ *Так в рукописи*.

¹¹⁵ *В рукописи*: обранство.

¹¹⁶ *Далее зачеркнуто*: кроме того.

¹¹⁷ *Было*: и пожилыми.

¹¹⁸ *Далее зачеркнуто*: которые.

¹¹⁹ *Было*: *1 нрзб*.

¹²⁰ *Далее зачеркнуто*: не д<?>.

¹²¹ *Было*: необходимым <?>.

¹²² уж — *вписано*

¹²³ *Далее знаком # обозначено место вставки*.

¹²⁴ *Вместо*: На стеклах окон — *было*: По окнам.

¹²⁵ *Далее зачеркнуто*: или пронзительное гуде<ние?>.

¹²⁶ *Было*: подава<ли>.

черною тучею весь потолок.¹²⁷ Афанасий Иванович очень мало занимался хозяйством, хотя впрочем иногда ездил к косарям и жнецам и смотрел довольно пристально на их работу. Все бремя правления лежало на Пульхерии Ивановне.¹²⁸ Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспрестанном¹²⁹ отпирании и запираании кладовой, в солении, печении, варении myriad разных¹³⁰ фруктов и растений. Ее дом был совершенно похож на химическую¹³¹ лабораторию. Под яблонею вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с¹³² железного треножника котел или медный¹³³ таз с вареньем, железом, пастилою на меду, в сахаре. Под другим деревом кучер вечно перегонял в лембике водку на персиковые листья, на черемховый¹³⁴ цвет, на золототычячник, на вишневые косточки¹³⁵, и к концу этого процесса совершенно не был в состоянии поворотить языком, болтал такой вздор, что Пульхерия Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насаливалось, насушивалось такое множество, что вероятно они¹³⁶ потопили бы наконец весь двор, потому что Пульхерия Ивановна всегда¹³⁷ сверх расчисленного на потребление прибавляла на запас. Если бы большая половина этого не съедалась дворовыми девками, которые, забираясь в кладовую, так объедались, что целый день жаловались на животы свои.

В хлебопашество и прочие¹³⁸ статьи хозяйства вне дома¹³⁹ Пульхерия Ивановна мало имела возможности входить. Прикашик, соединившись с войтом, обрабатывали <?> немилосердным¹⁴⁰ образом. Они завели обыкновение в господские леса входить <как> в свои собственные, наделявали из него¹⁴⁰ множество саней и продавали их на ближней ярманке¹⁴¹, кроме того все толстые дубы продавали на

¹²⁷ Слова: На стеклах окон ~ весь потолок. — написаны отдельно, внизу Л. 12 об. с обозначением места вставки: #2.

¹²⁸ Вместо: Все бремя ~ на Пульхерии Ивановне — было: Хозяйством большею частью занималась Пульхерия Ивановна.

¹²⁹ беспрестанном — вписано.

¹³⁰ Было: тысячи разных.

¹³¹ химическую — вписано.

¹³² Далее вписано и зачеркнуто: него.

¹³³ медный — вписано.

¹³⁴ Так в рукописи.

¹³⁵ В рукописи: косточку.

¹³⁶ они — вписано.

¹³⁷ Далее зачеркнуто: то.

¹³⁸ Было: другие.

¹³⁹ вне дома — вписано.

¹⁴⁰ из него — вписано.

¹⁴¹ Так в рукописи.

сруб для мельниц¹⁴². Один только раз пожелала¹⁴³ Пульхерия Ивановна обревизировать свои леса. Для это<го> были запряжены дрожки¹⁴⁴ с огромными кожаными фартухами, имевши странное свойство: как только кучер стряхивал вожжами и лошади, бывшие еще в милиции, трогались с своего места¹⁴⁵, воздух наполнялся странными звуками. Тогда от<?>¹⁴⁶ <1 нрзб.> них были слышны вдруг¹⁴⁷ и флейта, и бубны, и барабан, каждый гвоздик и железная скобка звенела¹⁴⁸ так, что возле мельниц еще¹⁴⁹ слышно было, как пани выезжала со двора, хотя это именно расстояние было не менее двух верст. Пульхерия Ивановна не могла не заметить страшного опустошения в лесу <Л. 13 об.> и потери тех дубов, которых она еще в детстве знавала столетними..

«Отчего это у тебя, Ничипор», сказала она, обратясь к своему прикащику¹⁵⁰, находившемуся тут же: «даже <?> дубки сделались редки. Гляди, чтобы у тебя волосы не были редки».

«Отчего редки», говорил прикащик: «Пропали... Так-таки совсем пропали: и громом побило, и червь проточила. Пропали».

Пульхерия Ивановна совершенно удовольствовалась этим ответом и, приехавши домой, дала¹⁵¹ повеление удвоить только стражу вдвое шпанских вишень и больших зимних дулей¹⁵² в саду.

Эти достойные правители, прикащик и войт, нашли, что на-пр<асно> всю муку¹⁵³ привозить в панские амбары и что с них будет довольно и половины, и эту половину наконец они привозили самую негодную. Но удивительное дело¹⁵⁴ [сколько ни обкрадывали] прикащик и войт, как много <1 нрзб.> ни пропало¹⁵⁵, сколько ни ели все в дворе, начиная от ключницы до тех неблагоприятных животных, которых не любят жиды и которые истребляли страшное множ<е-ство> слив и яблок, иногда даже собственною мордою¹⁵⁶ толкавшие

¹⁴² кроме того ~ для мельниц — *вписано*.

¹⁴³ *Было*: [обр] захотела.

¹⁴⁴ *Далее зачеркнуто*: кото<рые?>.

¹⁴⁵ *Далее зачеркнуто*: они все бы<?>.

¹⁴⁶ Тогда от<?> — *вписано*.

¹⁴⁷ вдруг — *вписано*.

¹⁴⁸ *Так в рукописи*.

¹⁴⁹ еще — *вписано*.

¹⁵⁰ *Далее зачеркнуто*: от чего это.

¹⁵¹ *Так в рукописи*.

¹⁵² *Вместо*: и больших зимних дулей — *было*: и слив венге<рских?>.

¹⁵³ *Вместо*: всю муку — *было*: весь хлеб.

¹⁵⁴ удивительное дело — *вписано*.

¹⁵⁵ как много <1 нрзб.> ни пропало — *вписано*.

¹⁵⁶ *Далее зачеркнуто*: встр<яхивали?>.

деревья, чтобы стряхнуть с них целый дождь фруктов, кроме того их клевали воробьи и вороны¹⁵⁷, вся дворянка носила в гостинцы и даже таскала из амбаров старые полотна и пряжу, которое все обращалось к своему источнику, то ес<ть> к шинку. Но¹⁵⁸ благословенная земля производила всего в таком множестве¹⁵⁹, Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне так было мало нужно, что все эти страшные хищения казались вовсе незаметными в их хозяйстве.

Оба старички по старинному обычаю старосветских помещиков очень любили покушать. Как только занималась заря (они вставали очень рано) и¹⁶⁰ двери заводили свой разнострунный концерт, они уже сидели за столиком и пили кофий. Напившись кофию, Афанасий Иванович выходил в сени и, стряхнув платком, говорил: «Киш, киш! Пошли, гуси, с крыльца!» На дворе ему обыкновенно попадался ему¹⁶¹ прикащик. Он по обыкновению вступал с ним<?> в разговор, расспрашивал о работах с величайшею подробностью и такие сообщал ему замечания и приказания, которые бы удивили всякого необыкновенным познанием хозяйства, и какой-нибудь новичок не осмелился бы и подумать, чтобы можно было что-нибудь украсть у такого зоркого хозяина. Но прикащик его был обстрелянная птица, он знал, как отвечать¹⁶², а еще лучше знал, <как> хозяйничать.

После этого Афанасий Иванович возвращался в покои и говорил, приблизившись к Пульхерии Ивановне: «А что, Пульхерия Ивановна, может быть закусить бы чего-нибудь».

«Чего бы закусить, Афанасий Иванович, разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков соленых».

«Пожалуй¹⁶³, хоть и рыжиков или пирожков», отвечал Афанасий Иванович, и¹⁶⁴ на столе вдруг являла¹⁶⁵ скатерть с пирожками и рыжиками.

¹⁵⁷ *Вместо:* кроме того их клевали воробьи и вороны — *было:* сколько ни клевали воробьи и вороны их (их — *осталось незачеркнутым*).

¹⁵⁸ *Далее зачеркнуто:* Пульхерия.

¹⁵⁹ *В рукописи:* множество.

¹⁶⁰ *Далее вписано и зачеркнуто:* завод<или?>.

¹⁶¹ *Так в рукописи.*

¹⁶² *Вместо:* он знал, как отвечать — *было:* а. слушая он; б. он ушел слушать с необыкновенным вниманием.

¹⁶³ *Было:* хорошо.

¹⁶⁴ *Далее зачеркнуто:* стол<е?>.

¹⁶⁵ *Так в рукописи.*

За час¹⁶⁶ до обеда Афанасий Иванович закушивал, выпивал¹⁶⁷ старинну¹⁶⁸ серебряную чарку водки и заедал грибочками, разными сушеными рыбками и прочим. Обедать садились в двенадцать часов. Кроме блюд и¹⁶⁹ соусников на столе появлялось множество горшечков с замазанными крышка<ми>, чтобы не могло выдохаться какое-нибудь аппетитное изделие старинной вкусной кухни. За обедом¹⁷⁰, во время которого стоявшие за стульями девки с огромными грудями, дрожавшими за рубашкой, махали над головами¹⁷¹ Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны¹⁷² кленовыми ветвями, прогоняя мух¹⁷³, шел обыкновенно разговор о предмет<ах> самых близких к обеду.

«Мне кажется, как будто эта каша», говаривал обыкновенно Афанасий Иванович, «немного пригорела. Вам не кажется этого, Пульхерия Ивановна?».

«Нет, Афанасий Иванович, вы¹⁷⁴ положите побольше масла¹⁷⁵, то она и не будет казаться пригорелою, или вот возьмите этого соуса с грибка<ми> и подлейте к ней».

«Пожалуй», говорил Афанасий Иванович и подставлял свою тарелку, «попробуем, как оно будет». После обеда Афанасий Иванович шел отдохнуть один часик, после чего Пульх<ерия> Ивановна приносила¹⁷⁶ разрезанный Арбуз и говорила: «Вот попробуйте, Афанасий Иванович, какой хороший Арбуз».

«Да вы не верьте, Пульхерия Ивановна, что он красный в середине», говорил Афанасий Иванович, принимая порядочный ломоть: «бывает что и красный, да нехороший».

Но арбуз немедленно исчезал. После это<го> Афанасий Иванович съедал еще несколько груш и отправля<лся> погулять по саду вместе с Пульхерией Ивановной. Пришедши с саду, Пульхерия Ивановна отправля<лась> по своим¹⁷⁷, он садил<ся> на дворе под навесом и глядел, как кладовая беспрестанно то отворялась, то затворялась, и девки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякого

¹⁶⁶ Было: Перед.

¹⁶⁷ Далее зачеркнуто: ча<рку>.

¹⁶⁸ Так в рукописи.

¹⁶⁹ Далее зачеркнуто: 1 нрзб.

¹⁷⁰ После слов: За обедом — обозначено место вставки: #.

¹⁷¹ Вместо: махали над головами — было: обмахивали сво<их?>.

¹⁷² Далее зачеркнуто: 2 нрзб.

¹⁷³ Слова: во время которого ~ прогоняя мух — написаны внизу Л. 12 об.

¹⁷⁴ Далее зачеркнуто: може<те?>.

¹⁷⁵ Далее зачеркнуто: или хоть по<длейте?>.

¹⁷⁶ Далее зачеркнуто: Арбуз.

¹⁷⁷ Пульхерия Ивановна отправля<лась> по своим — вписано и не закончено.

съестного дря<з>гу в <I нрзб.> деревянных ящиках, решетях, но-
чевках и прочих фруктохранилищах. Немного погодя он посылал за
Пульхерией Ивановной, или сам отправлялся к ней и говорил: «чего
бы такого съест мне, Пульхерия <Л. 14> Ивановна».

«Чего ж бы тебе¹⁷⁸ такого», говорила Пульхерия Ивановна, «разве
я пойду скажу, <что>бы вам принесли вареников с ягодами, которых
я приказала для вас оставить».

«И то добре», отвечал¹⁷⁹ Афанасий Иванович.

«Или может быть вы съели бы киселику».

«И то хороше», отвечал Афанасий Иванович. После чего все это
немедленно было приносимо и, как следуемо, было съедано.

Перед ужином Афанасий Иванович еще кое-чего закушивал¹⁸⁰.
В половине 10-го садилась ужинать. После ужина тотчас отправля-
лись спать и всеобщая тишина водворялась в этом деятельно-споко-
инном уголке.

Комната, в которой спали Афанасий Иванович и Пульхерия Ива-
новна, была так жарка, что редкий бы в состоянии был остаться в ней
несколько часов. Но Афанасий Иванович еще сверх того, что<б>
было теплее, спал на лежанке, хотя сильный жар иногда заставлял
его¹⁸¹ несколько раз вставать среди ночи и прохаживаться по комнате.
Иногда Афанасий Иванович стонал, ходя по комнате. Тогда Пульхе-
рия Ивановна спрашивала: «чего вы стонете, Афанасий Иванович?».

«Не знаю, Пульхерия Ивановна, так как будто живот болит»,
говорил Афанасий Иванович.

«Может бы<ть>, вы чего-нибудь бы съели».

«Не знаю, будет ли оно хорошо, Пульхерия Ивановна, впрочем,
чего ж бы такого съест».

«Кислого молочка или узвару¹⁸² с вареными грушами».

«Пожалуй, разве только попробую», говорил Афанасий Ивано-
вич. Сонная девка отправлялась рыться¹⁸³ по шкафам, и Афанасий
Иванович съедал тарелочку, после чего он говорил: «так как будто
бы сделалось легче».

---

¹⁷⁸ тебе — *вписано*.

¹⁷⁹ Было: отвечала.

¹⁸⁰ Далее зачеркнуто: и.

¹⁸¹ Далее зачеркнуто: 2 нрзб.

¹⁸² Было: жиденькой кашки или <?>.

¹⁸³ Было: 4 нрзб.

Иногда, если было хорошее время¹⁸⁴, Афанасий Иванович, разве-селившись, иногда любил пошутить над Пульхерию Ивановною¹⁸⁵, о чем-нибудь поговорить постороннем.

«А что, Пульхерия Ивановна», говорил он: «если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись».

«Вот это Боже сохрани!» говорила Пульхерия Ивановна, крестясь.

«Ну, да положим, что дом бы наш сгорел, куда бы мы перешли тогда».

«Бог знает, что вы говорите, Афанасий Ивано<ви>ч, как можно, чтобы дом сгорел. Бог этого не попустит».

«Ну, а если бы сгорел».

«Ну, тогда бы мы перебрались на время в кухню. Вы бы заняли ту комнатку, что занимает ключница».

«А если бы и кухня сгорела!»

«Это бы уже Бог знает что, чтобы и дом, и кухня сгорели. Ну, тогда бы мы<?>¹⁸⁶ в кладовой¹⁸⁷ покамест жили».

«А если бы и кладовая сгорела?»

«Бог знает, что вы говорите, я и слушать вас не хочу. Хрех¹⁸⁸ это говорить, и Бог наказывает за такие речи».

Но Афанасий¹⁸⁹ довольный, что подшутил над Пульхерию Ивановно<ю>, улыбал<ся>, сидя в своем стуле^{190,191}.

Но интереснее всего казались для меня¹⁹² старички в то время, когда бывали у них гости. Тогда все в доме принимало совсем другой вид.¹⁹³ Эти добрые старички, можно сказать, жили для гостей. Все, что у них ни было лучшего, все это¹⁹⁴ выносилось. Они¹⁹⁵ наперерыв старали<сь> угостить всем, что ни было у них лучшего. Но главное,

¹⁸⁴ если было хорошее время — *вписано*.

¹⁸⁵ *Далее зачеркнуто*: о чем ни<будь>?>.

¹⁸⁶ мы<?> — *вписано*.

¹⁸⁷ *Далее зачеркнуто*: бы жили<?>.

¹⁸⁸ *Так в рукописи*.

¹⁸⁹ *Так в рукописи*.

¹⁹⁰ *Вместо*: в своем стуле — *было*: в своих кр<еслах>?>.

¹⁹¹ *Слова*: Иногда, если было хорошее ~ в своем стуле. — *написаны ниже без обозначения места вставки после слов*: жили для гостей. *Отчеркнуты начало и конец вставленного текста*.

¹⁹² *Вместо*: казались для меня — *было*: бывало что<?>.

¹⁹³ *Вместо*: Тогда все в доме ~ другой вид. — *было*: Тогда совершенно все <1 нрзб.> принимало совсем другой вид в их доме.

¹⁹⁴ *Далее зачеркнуто*: уг<?>.

¹⁹⁵ *Далее зачеркнуто*: хотели бы.

что мне приятно¹⁹⁶ всего было в них, это то, что во всей их¹⁹⁷ услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так кротко выражалось на их лицах, так было даже трогательно¹⁹⁸, что вы поневоле соглашались на их просьбы.¹⁹⁹ Оно было следствием²⁰⁰ чистой, ясной простоты их добрых, бесхитростных душ²⁰¹. Это радушие вовсе не то, с каким угощает вас иногда чиновник казенной палаты, вышедший в люди вашими стараниями, называющи<й> вас благодетелем и ползающий у ног ваших.

Гость никаким образом не был отпускаем того же дни²⁰², он должен был непременно переночевать.

«Как можно такую позднюю порою и отправляться в такую дорогу», обыкновенно говорила Пульхерия Ивановна (Гость обыкновенно жил от них в трех, а когда и в 4 верстах).

«Конечно», говорил Афанасий Иванович: «неравно всякого случая нападут разбойники или другой недобрый человек».

«Пусть Бог милует от разбойников», говорила Пульхерия Ивановна. «И к чему на ночь говорить о них²⁰³. Разбойники не разбойники, а время темное. Да и ваш кучер, я знаю вашего кучера, он такой хилый²⁰⁴, его всякая кобыла побьет, да притом²⁰⁵ он теперь уже, верно, наклюкался и спит где-нибудь».

И гость должен был непременно остаться, но, впрочем, вечер в низенькой теплой комнатке, радушный, греющийся и усыпляющий разговор²⁰⁶, несущийся пар от поданного на стол кушанья, всегда питательного и мастерски сготовленного, бывает для него наградою. Я вижу²⁰⁷ как теперь, как Афанасий Иванович согнувшись сидит на стуле²⁰⁸ с всегдашною своею улыбкой и слушает со вниманием и наслаждением гостя. <Л. 14 об.> Часто речь заходила и об политике²⁰⁹. Гость, тоже весьма редко выезжавший из своей деревни,

¹⁹⁶ Было: лучше (осталось незачеркнутым).

¹⁹⁷ их — вписано.

¹⁹⁸ Вместо: было даже трогательно — было: было мило.

¹⁹⁹ Далее зачеркнуто: Они <?>.

²⁰⁰ Далее зачеркнуто: их.

²⁰¹ Вместо: добрых, бесхитростных душ — было: добрых душ.

²⁰² Вместо: того же дни — было: в вечу<?>.

²⁰³ и к чему на ночь говорить о них — вписано.

²⁰⁴ он такой хилый — вписано.

²⁰⁵ притом — вписано.

²⁰⁶ радушный, греющийся и усыпляющий разговор — вписано.

²⁰⁷ В рукописи: живу.

²⁰⁸ В рукописи: стулу.

²⁰⁹ Было: 2 нрзб.

иногда²¹⁰ с значительным видом и таинственным выражением лица выводил догадки о предстоящей войне, и тогда Афана<сий> Иванович иногда вдруг говорил²¹¹, не глядя на Пульхерию Ивановну:

«Я сам думаю пойти на войну. Что ж от чего я не могу итти на войну».

«Вот уже и пошел», прерывала Пульхерия Ивановна. «Вы не верьте ему», говорила²¹², обращаясь к гостю. «Где уже ему старому итти на войну. Его первый солдат застрелит. Ей богу, застрелит. Вот так-таки прицелится и застрелит».

«Что ж», говорил Афанасий Иванович: «и я его застрелю».

«Вот слушайте, что он говорит!» подхватывала Пульхерия Ивановна: «куда ему итти на войну.²¹³ Там, если бы вы видели, и пистолы у него давно заржавели и лежат в коморе. И такие, что еще прежде нежели выстрелит, разорвет²¹⁴ их порохом. И руки себе поотбивает и лице искалечит и навеки несчастным останется».

«Что ж», говорил Афанасий²¹⁵: «я куплю себе новое вооружение. Я возьму саблю или козачкую пику».

«Это все выдумки. Так вот сдуру придет в гол<ову>²¹⁶», подхватывала Пульхерия Ивановна с некоторою досадою. «Я и знаю, что он шутит, так все-таки скучно и неприятно слушать. Вот этакое он всегда говорит, иной раз слушаешь, слушаешь, да и страшно станет...»

Но Афанасий²¹⁷ Иванович довольный тем, что²¹⁸ несколько напугал Пульхерию Ивановну, смеялся, сидя согнувшись на своем стуле.

Но Пульхерия Ивановна для меня была интереснее всего тогда подводила гостя²¹⁹ к закуске.²²⁰ «Вот это», говорила она, снимая пробку с графина: «настоянная²²¹ на деревий и шалфей²²². Если у кого болят лопатки или поясница, так она очень помогает. Вот это на золототысячник, если в ушах звенит или²²³ по лицу лишаи делают, то

²¹⁰ *Далее зачеркнуто*: выводил дога<дки?>.

²¹¹ *Далее зачеркнуто*: вовсе не как будто вовсе.

²¹² *Не дописано*.

²¹³ *Далее зачеркнуто*: Там и пистолы.

²¹⁴ *Было*: то разорвет.

²¹⁵ *Так в рукописи*.

²¹⁶ *Вместо*: Это все ~ в голову. — *было*: а. Такое говорит неподобное!; б. Вот.

²¹⁷ *В рукописи*: Аванасий.

²¹⁸ что — *вписано*.

²¹⁹ *Далее зачеркнуто*: сво<его?>.

²²⁰ *Так в рукописи*.

²²¹ *Так в рукописи*.

²²² *В рукописи*: шалвей.

²²³ *Далее зачеркнуто*: коле<т?> в.

очень помогает. А вот это перегнан<ная>²²⁴ на персиковые косточки, вот возьмите рюм<ку>, прекрасный запах. Если как-нибудь вставая с кровати ударился²²⁵ об угол шкафа или <1 нрзб.> и пробежит на лбу гугля²²⁶, то стоит только одну рюмочку выпить перед обедом, то как рукой снимет, так все и пройдет в ту же минуту, как будто вовсе не бывало». После²²⁷ этого такой перечет следовал и другим графинам²²⁸, всегда почти имевшим какие-нибудь целебные свойства. Нагрузивши гостя всею этою Аптекою²²⁹, она предводила ко множеству стоявших тарелок. «Вот это грибки с чебрецом. Это с гвоздиками и волошскими орехами. Это выучила меня туркенья, когда турки еще были²³⁰ у нас в плену. Такая была добрая туркенья и не заметно, чтобы турецкую веру исповедывала. Так совсем и ходит почти, как только свинины не ела, говорит, что у них как-то там в законе запрещено. Вот это грибки с смородиновым листом и мушкатным орехом. А вот это большие травянки, я их еще в первый раз мариновала, не знаю, как-то они будут. Я узнала секрет²³¹ от попа отца Ивана. В маленькой кадлушке прежде всего разостлать дубовые листья и потом посыпать перцем и селитрою и²³² что бывает на нечуйвитере, цвет, так цвет этот взять и хвостика<ми> вверх разостлать. А вот это пирожки! Это пирожки с сыром. Это с урдою.²³³ А вот это те, которые Афанасий Иванович очень любит, с капустою, и гречневою кашею».

«Да», прибавлял Афанасий Иванович: «Я их люблю, они мягкие и немножко кисленькие». Вообще Пульхерия Ивановна была чрезвычайно в духе, когда были гости. Добрая старушка, она вся жила для гостей. Я любил бывать у них и хотя объедался страшным образом, как и все бывавшие в них, хотя это мне было очень вредно, однако ж я всегда бывал рад к ним ехать. Впрочем, я думаю, что не имеет ли самый воздух в Малороссии какого-то особенного свойства, помогающего пищеварению, потому что если бы где-нибудь в других

²²⁴ *перегнан<ная>* — *вписано*.

²²⁵ *Далее зачеркнуто*: нечаянно.

²²⁶ *Вместо*: Если как-нибудь ~ на лбу гугля — *было*: а. И если колет в боку или бурчит в животе; б. И если у кого-ни<будь?> колет в боку (*Слова*: Если как-нибудь ~ на лбу гугля — *написаны на нижнем поле Л. 14 об. без обозначения места вставки*).

²²⁷ *Было*: Наскучив.

²²⁸ *В рукописи*: гравинам.

²²⁹ *Вместо*: всею этою Аптекою — *было*: всеми этими лекарствами (всеми — *осталось неисправленным*).

²³⁰ *Вместо*: когда турки еще были — *было*: когда были турки еще.

²³¹ *Вместо*: я узнала секрет — *было*: Их мне открыл.

²³² *Далее зачеркнуто*: взять.

²³³ *Вместо*: Это с урдою. — *было*: а. Это с; б. А вот с маком.

местах кто-нибудь вздумал таким образом накушаться, то верно он бы²³⁴ вместо постели очутился бы лежащим столе²³⁵.

Добрые старички! Но повествование мое приближается к тому месту, когда [счастье] этого мирного уголка²³⁶ было нарушено одним печальным событием. Тем более оно покажется разительным, что произошло от самого маловажного случая. Но по странному устройству²³⁷ всегда ничтожные причины родили великие события и, наоборот, великие предприятия²³⁸ оканчивались ничтожными следствиями. Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются и наконец оканчивается²³⁹ все это приобретением клочка земли, на котором негде картова<?> посеять, а иногда, напротив, два какие-нибудь колбасника двух городов передерутся между собою за вздор и ссора объеделет наконец города, потом веси и деревни, а наконец и целые государства. Но оставим эти рассуждения, они не идут сюда. Притом я не люблю рассуждать, когда рассуждения²⁴⁰ остаются<ся> только рассуждениями <?>.

<Л. 15>²⁴¹ У Пульхерии Ивановны была серинькая сибирская кошечка, которая почти лежала, свернувшись клубком, у ног ее. Пульхерия Ивановна иногда гладила и щекотала пальцем по ее шейке²⁴², которую балован<ная> кошка²⁴³ вытягивала как можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерия Ивановна слишком любила ее²⁴⁴, но просто²⁴⁵ привязалась, привыкли ее всегда видеть. Афанасий Иванович однако ж часто подшучивал над такою привязан<ностью>.

«Я не знаю, Пульхерия Ивановна, что вы такое находите в кошке, на что она. Если бы вы имели собаку, тогда бы другое дело, собаку можно на охоту взять, а кошка на что».

«Уж молчите, Афанасий Иванович», говорила Пульхерия Ивановна: «вы любите только говорить и больше ничего. Собака

²³⁴ Далее: 2 нрзб.

²³⁵ Вместо: очутился лежащим на столе — было: очутился бы на столе.

²³⁶ Вместо: [счастье] этого мирного уголка — было: а. их взаимное счастье; б. это сч<астие?>.

²³⁷ по странному устройству — вписано.

²³⁸ Было: намерения.

²³⁹ Так в рукописи.

²⁴⁰ Далее зачеркнуто: тол<ько?>.

²⁴¹ Начато и не зачеркнуто: (так.

²⁴² Вместо: по ее шейке — было: у.

²⁴³ Было: она.

²⁴⁴ ее — вписано.

²⁴⁵ Было: так.

нечистоплотная, собака нагадит, собака перебьет все, а кошка тихое творение, она никому не сделает зла».

Впрочем, Афанасию Ивановичу было все равно, что кошки, что собаки, он для того только говорил так, чтобы немножко пошутить над Пульхерией Ивановной.

За садом²⁴⁶ находился у них большой лес, который был совершенно пощажен²⁴⁷ предприимчивым прикащиком, может быть оттого, что стук топора доходил бы²⁴⁸ до самых ушей Пульхерии Ивановны. Он был глух, запущен, <1 нрзб.> древесные²⁴⁹ стволы были закрыты разросшимся орешником и походили на голубей с мохнатыми лапами. В этом лесу обитали дикие коты. Лесных диких котов не должно смешивать с теми²⁵⁰ удалцами, которые бегают по крышам домов. Находясь в городах, они <?> несмотря на серость <?> свою²⁵¹ гораздо более цивилизованы²⁵², нежели обитатели лесов. Это напротив того большею частью народ мрачный и дикий²⁵³, они всегда ходят тощие, худые, мяукают грубым²⁵⁴, необработанным голосом. Они подрывают иногда²⁵⁵ подземным ходом под самые амбары и крадут сало <2 нрзб.>²⁵⁶ иногда даже в самой кухне, впрыгнувши внезапно в растворенное окно, когда заметят, что повар пошел в бурьян срать²⁵⁷. Вообще никакие благородные чувства им не известны, они живут хищничеством и душат маленьких воробьев в самых их гнездах. Эти коты долго обнюхивались через <?> дыру под амбаром²⁵⁸ с кроткою²⁵⁹

²⁴⁶ Было: Возле сада.

²⁴⁷ Так в рукописи.

²⁴⁸ Вместо: стук топора доходил бы — было: стук топора был слишком <м?> бы сли <?>.

²⁴⁹ Вместо: <1 нрзб.> древесные — было: 2 нрзб.

²⁵⁰ Вместо: Лесных диких котов не должно смешивать с теми — было: Лесные дикие коты были совершенно не похожи.

²⁵¹ несмотря на серость <?> свою — вписано.

²⁵² Так в рукописи.

²⁵³ Далее зачеркнуто: чрезвычайно они подрываются иногда.

²⁵⁴ Было: стр <ашным?>.

²⁵⁵ иногда — вписано.

²⁵⁶ 2 нрзб. — вписано.

²⁵⁷ В рукописи слово может быть прочтено двояко. Н.С. Тихонравов дал к нему следующий комментарий: «В рукописи одно из тех слов, которые Гоголь называл “крепкими”» [4, с. 559]. В издании «Миргород» 1835 г. фраза читается: «когда заметят, что повар пошел в бурьян» [1, с. 36]. В вариантах академического издания 1937 г. прочитано как: «в бурьян спать» [3, с. 471].

²⁵⁸ через <?> дыру под амбаром — вписано.

²⁵⁹ Вместо: с кроткою — было: с скромною.

кошечкою Пульхерии Ивановны²⁶⁰, наконец подманили скромную серинькую кошку как отряд солдат подманивает глупую крестьянку. Пульхерия Ивановна заметивши пропажу кошки, послала искать ее, но кошки нигде не могли сыскать. Прошло три дни. Пульхерия Ивановна пожалела и наконец вовсе позабыла о ней. В один день, когда она ревизировала свой огород и возвращалась²⁶¹ вырвавши свою²⁶² несколько зеленых свежих огурцов для Афанасия Ивановича, слух ее поразил²⁶³ самое жалкое мяуканье. Она как будто по инстинкту произнесла²⁶³: кис, кис, кис! и вдруг из бурьяна вышла ее серинькая кошка²⁶⁴, худая, тощая, заметно было, что несколько уже дней не брала она в рот никакой пищи. Она продолжала ее звать, но кошка стояла перед нею, мяукала, не смела подойти близко, заметно было, что она очень одичала с того времени. Пульхерия Ивановна пошла вперед, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самого <забора?>. Наконец, увидевши прежние, прежние²⁶⁵ знакомые места, вошла в самую комнату. Пульхерия Ивановна тотчас приказала подать ей молока и мяса. Сидя <I нрзб.> нею²⁶⁶, глядя²⁶⁷ как бедная ее фаворитка с необыкновенною жадностью глотала²⁶⁸ кусок за куском и хлебала молоко. Серинькая беглянка почти в глазах ее потолстела и ела уже не так жадно. Она протянула руку, чтобы погладить, но неблагодарная²⁶⁹ кошка, видно, уже слишком свыклась с хищными котами или набралась романических правил, что бедность лучше палат, потому что кот был гол как со<кол?>. Как бы то²⁷⁰ ни было, она выпрыгнула в окошко, и никто из дворовых не мог поймать ее.

Задумалась старушка: «Это смерть²⁷¹ моя приходила за мною!» сказала она сама в себе: и ничто не могло ее рассеять. Весь день она была скучна. Напрасно Афанасий Иванович шутил и²⁷² хотел узнать, отчего она так вдруг загрустила. Пульхерия Ивановна<на> была почти

²⁶⁰ Слова: долго обнюхивались ~ Пульхерии Ивановны — написаны на нижнем поле л. 15 со знаком вставки: #.

²⁶¹ Было: шла.

²⁶² своею — вписано.

²⁶³ Вместо: произнесла — было: начала звать.

²⁶⁴ Далее зачеркнуто: было.

²⁶⁵ Так в рукописи.

²⁶⁶ Вместо: Сидя <I нрзб.> нею — было: Сидя возле нее она.

²⁶⁷ Было: видя.

²⁶⁸ Было: ела.

²⁶⁹ неблагодарная — вписано.

²⁷⁰ Далее зачеркнуто: это.

²⁷¹ Вместо: Это смерть — было: Это видно смерть.

²⁷² и — написано дважды.

безответна или отвечала совершенно не так, чтобы можно было удовлетворить Афанасия Ивановича. На другой она заметно похудела.²⁷³

«Что это с вами, Пульхерия Ивановна, уж не больны ли вы?»

«Нет, я не больна, Афанасий Иванович. Слушайте, что я вам скажу: я знаю, что я этого лета умру, смерть моя уже приходила за мною²⁷⁴».

Уста Афанасия Ивановича как<-то> болезненно искривил<ись>. Он хотел однако ж²⁷⁵ победить стран<н>ое в душе своей чувство и улыбнувшись сказал: «Бог знает, что вы говорите, Пульхерия Ивановна. Вы, верно, вместо того декохта²⁷⁶, что часто пьете, выпили персиковой».

«Нет, Афанасий Иванович, я не пила персиковой», сказала Пульхерия Ивановна.

И Афанасию Ивановичу сделалось жалко, что он так пошутил над Пульхерией Ивановной, и он смотрел на нее, и слеза повисла на его реснице.

«Я прошу вас²⁷⁷, Афанасий Иванович, чтобы вы исполнили мою волю», сказала Пульхерия Ивановна. «Когда я умру, то²⁷⁸ похороните меня возле церковной ограды. Платье наденьте на меня серинькое, то, что с небольшими цветочка<ми> по²⁷⁹ коричневому полю. <Л. 15 об.> Атласного платья, что с малиновыми²⁸⁰ полосками, не надевайте на меня. Мертвой уже²⁸¹ не нужно платье. На что оно ей? А вам оно пригодится: из него сошьете себе²⁸² парадный халат на случаи приедут когда-нибудь гости, то чтобы можно было вам²⁸³ прилично показаться и принять их».

«Бог знает, что вы говорите, Пульхерия Ивановна», говорил Афанасий Иван<ович>: «когда еще смерть, а вы уже страшаете такими словами».

«Нет, Афанасий Иванович, я уже знаю, когда моя смерть. Вы однако ж не горюйте²⁸⁴ за мною: я уже старуха, и довольно пожила, да и вы уже стары, мы скоро увидимся на том свете».

---

²⁷³ Так в рукописи.

²⁷⁴ Вместо: уже приходила за мною — было: приходила уже за мною.

²⁷⁵ Было: это.

²⁷⁶ Было: лекарст<ва>.

²⁷⁷ Вместо: Я прошу вас — было: Слушайте.

²⁷⁸ Когда я умру, то — вписано.

²⁷⁹ Далее зачеркнуто: черн<ому?>.

²⁸⁰ Было: желтым.

²⁸¹ уже — вписано.

²⁸² Вместо: из него сошьете себе — было: вы можете.

²⁸³ вам — вписано.

²⁸⁴ Было: не плачьте.

Но Афанасий Иванович рыдал, как ребенок.

«Грех плакать, Афанасий Иванович. Не грешите и бога не гневите своею печалью. Я не жалею о том, что умираю. Об одном только жалею я». Тяжелый²⁸⁵ вздох прервал на минуту речь ее: «я жалею о том, что не знаю, кому²⁸⁶ я оставлю вас, кто за вами присмотрит, когда я умру. Вы как дитя маленькое²⁸⁷, нужно, чтобы вас любило то²⁸⁸, что будет ухаживать за²⁸⁹ вами». ²⁹⁰ При этом на лице ее выразилась такая глубокая горесть, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, мог ли бы кто-нибудь <I нрзб.> взглянуть²⁹¹ в то время не залившись слезами.

«Смотри мне, Явдоха», говорила она, обращаясь к ключнице, которую нарочно велела позвать: «Когда я умру, чтобы ты гляде<ла> за паном, чтобы берегла его, как глаза своего, когда²⁹² свое родное дитя²⁹³. Гляди, чтобы на кухне готовилось бы <?> то, что он любит. Чтобы белье и платье ему подавала ты всегда чистое, чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично, а то пожалуй он иногда выйдет в старом халате, потому что и теперь²⁹⁴ он часто позабывает, когда бывает²⁹⁵ праздничный день, а когда буднич<ный>. Не своди с него глаз, Явдоха²⁹⁶, я буду молить на том свете²⁹⁷ тебя Богу, и Бог наградит тебя. Не забывай же, Явдоха, ты уже стара, тебе не долго жить, не набирай на душе. Когда же не будешь за ним присматривать, то не будет тебе счастья на свете. Я сама буду просить у Бога, что<бы> не давал тебе благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дети твои будут несчастны, и весь род ваш не будет²⁹⁸ либо чем благословения Божия²⁹⁹».

²⁸⁵ Было: тревожн<ой?>.

²⁸⁶ Было: на.

²⁸⁷ Далее зачеркнуто: за вами.

²⁸⁸ Далее зачеркнуто: кото<рое>.

²⁸⁹ Было: смотреть.

²⁹⁰ На нижнем поле к фразе дано примечание Н.В. Гоголя: [Малороссийский оборот]. Малороссийская фраза в духе украинского народа.

²⁹¹ взглянуть — вписано.

²⁹² Далее зачеркнуто: <I нрзб.> ты будешь.

²⁹³ Далее зачеркнуто: чтобы ты.

²⁹⁴ и теперь — вписано.

²⁹⁵ Было: даже.

²⁹⁶ Вместо: Не своди с него глаз, Явдоха — было: Гляди, Явдоха.

²⁹⁷ на том свете — вписано.

²⁹⁸ Было: будет несчастен.

²⁹⁹ Так в рукописи.

Бедная старушка³⁰⁰, она в это время³⁰¹ не думала ни о той великой минуте, которая ее ожидает, ни о душе своей, ни о будущей своей жизни, она думала только о бедном своем спутнике, с которым провела жизнь и которого оставляла сирым и бесприютным. Она с необыкновенною расторопностью распорядила вовсе таким образом, чтобы после [Афанасий] Иванович не заметил³⁰² ее отсутствия.

Уверенность ее в близосте<?> своей кончине³⁰³ так была сильна³⁰⁴, и состояние души ее так было к этому настроено, что действительно через два<?> дня³⁰⁵ слегла в постелю и не могла уже принимать никакой пищи. Афанасий Иванович весь превратился во внимательность, не отходил от ее постели. «Может быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерия Иван<овна?>» говорил он³⁰⁶, с беспокойством смотря в глаза ей. Но Пульхерия Ивановна ничего не говорила. Наконец после долгого молчания как-будто хотела она что-то сказать, пошевелила губами — и дыхание ее улетело.

Афанасий Иванович был совершенно поражен этим. Это так казалось ему дико <1 нрзб.>, что даже не заплакал. Мутными глазами глядел он на нее и не знал, что это такое труп.

Покойницу положили на стол³⁰⁷, одели в то самое платье, какое она сама назначила, сложили ей руки крестом, положили восковую свечу. Он на все это глядел с раскрытым ртом совершенно бесчувственно. Множество гостей приехало на похороны³⁰⁸, длинные столы³⁰⁹ расставлены были по двору, кутья, наливки, пироги лежали кучами, гости говорили, плакали, глядели на покойницу³¹⁰, рассуждали о покойнице <?>, глядели на него; но он сам³¹¹ на все это глядел странно. Покойницу понесли наконец³¹², народ повалил следом, и он пошел за нею; священники в³¹³ облачении, солнце светило³¹⁴, грудные ребенки

³⁰⁰ Далее зачеркнуто: покидая <2 нрзб.>.

³⁰¹ в это время — вписано.

³⁰² Было: мало заметил <1 нрзб.>.

³⁰³ Так в рукописи.

³⁰⁴ Далее зачеркнуто: что через два.

³⁰⁵ Было: к концу дня.

³⁰⁶ он — вписано.

³⁰⁷ положили на стол — вписано.

³⁰⁸ Множество гостей ~ похороны — вписано.

³⁰⁹ Вместо: длинные столы — было: столы.

³¹⁰ Далее зачеркнуто: на него.

³¹¹ сам — вписано.

³¹² Далее зачеркнуто: священники пели.

³¹³ Было: при.

³¹⁴ Было: светило ясно.

плакали на руках матерей, жаворонки пели³¹⁵, дети в рубашенках бегали и резвились по дороге. Наконец гроб поставили над ямой, ему велели подойти и поцеловать в последний раз покойницу. Он подошел, поцеловал, на глазах его показались слезы, но какие-*<то>* бесчувственные слезы. Гроб опустили, священник взял заступ и первый бросил горсть земли, густ*<?>* протяжным *<1 нрзб.>* хором под чистым открытым³¹⁶ небом.³¹⁷ Земля покрыла и уже сравнила совсем яму. В это время он пробрался вперед, все расступились³¹⁸, ³¹⁹ дали ему место, желая знать, что он хотел³²⁰ сделать. Он поднял глаза свои, посмотрел смутно и сказал: «Так вот это вы уже и погребли ее! зачем?...» Он остановился и не закончил своей речи.

Но когда возвратился он домой, когда увидел, что пусто в его комнате, что даже тот стул³²¹, на котором сидела Пульхерия Ивановна, был вынесен, он рыдал, рыдал сильно, рыдал неутешно, и слезы лились как река.³²²

<Л. 15а> «Это то блюдо», продолжал [он]³²³, и я заметил³²⁴, что голос начал дрожать, слеза готов*<илась?>*³²⁵ было выглянуть из его тусклых глаз, но он собирал все усилия³²⁶ и как будто хотел удержаться, — «которое по... по... покой... покойни...» и вдруг брызнул слезами *<?>*³²⁷. Рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, упала на пол и разбилась, соус залил его всего³²⁸. Он сидел бесчувственно, бесчувственно³²⁹ держал ложку, и слезы, ка*<к>* ручей, как немолчно точущий фонтан, лились, лились ливмя на³³⁰ застилывшую³³¹ салфетку.

³¹⁵ жаворонки пели — *вписано*.

³¹⁶ *Вместо*: густ*<?>* ~ открытым — *было*: «Вечная память!» раздалось всем хором.

³¹⁷ *Так в рукописи*.

³¹⁸ *Далее зачеркнуто*: 1 нрзб.

³¹⁹ *Далее зачеркнуто*: с почтением.

³²⁰ *Было*: хочет.

³²¹ *Вместо*: что даже тот стул — *было*: что стула нет того.

³²² *Далее текст обрывается*.

³²³ *Было*: начал он.

³²⁴ *Так в рукописи*.

³²⁵ *Было*: нависла *<1 нрзб.>*.

³²⁶ *Далее зачеркнуто*: уд*<ержаться?>*.

³²⁷ *Далее зачеркнуто*: 3 нрзб.

³²⁸ *Вместо*: его всего — *было*: его во всю.

³²⁹ *Было*: *<2 нрзб.>* и рыдал Боже.

³³⁰ лились ливмя на — *вписано*.

³³¹ *Было*: 2 нрзб.

Боже, думал я, глядя на него, пять лет всеистребляющего³³² Времени, Старик уже бесчувственный, Старик, [которого вся] жизнь, <I нрзб.> казалось³³³, ни разу не возмущало ни одно³³⁴ движение души. Которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и <I нрзб.> — и такая долгая, такая жаркая <I нрзб.> печаль! Несколько раз силился он выговорить имя покойницы... и не мог. На половине слова³³⁵ спокойное и обыкновенное³³⁶ лицо³³⁷ его судорожно исковеркивалось, и плач дитяти поражал³³⁸ меня в самое сердце.

Литература

1. *Виноградов И.А.* Единственный автограф повести Н.В. Гоголя «Вий» // От истории текста к истории литературы: Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 117–162. <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0585-0>
2. *Гоголь Н.В.* Миргород. Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки». СПб.: В тип. Департамента Внешней Торговли, 1835. Ч. 1: Старосветские помещики. Тарас Бульба. 244 с.
3. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 2: Миргород. 762 с.
4. *Гоголь Н.В.* Сочинения Н.В. Гоголя / 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М.: Кн. маг. В. Думнова под фирму «Наследники бр. Салаевых», 1889. Т. 1. С. 558–568.

Research Article and Publication of Archival Documents

N.V. Gogol “The Old World Landowners.” Autograph

© 2022. Anna S. Sholokhova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Text prepared and commentaries by Anna S. Sholokhova

---

³³² всеистребляющего — *вписано*.

³³³ Было: было.

³³⁴ Далее *зачеркнуто*: сильное.

³³⁵ Было: речей.

³³⁶ спокойное и обыкновенное — *вписано*.

³³⁷ Было: его лицо.

³³⁸ Далее *зачеркнуто*: словно стрела<?>.

Abstract: The author of the article publishes autograph of N.V. Gogol's story "The Old World Landowners" — the earliest edition of the text — for the first time. This is the only handwritten source, which is different mainly stylistically from the printed version of "Mirgorod" (1835). At the same time, numerous amendments, corrections and additions made in the process of text transformation clearly demonstrate the nature of Gogol's work. The footnotes show the revision canceled by Gogol in the manuscript.

Keywords: Russian literature, Gogol, "The Old World Landowners," textology, academic edition.

Information about the author: Anna S. Sholokhova — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2325-9619>

E-mail: info@imli.ru

For citation: Gogol, N.V. "The Old World Landowners.' Autograph," text prep. and comment. by A.S. Sholokhova. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 8–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-8-36>

References

1. Vinogradov, I.A. "Edinstvennyi avtograf povesti N.V. Gogolia 'Vii'." ["The Only Autograph of the Story by N.V. Gogol 'Viy'."]. *Ot istorii teksta k istorii literatury: Nauchnoe izdanie [From the History of the Text to the History of Literature: Academic Publication]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 117–162. <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0585-0> (In Russ.)
2. Gogol', N.V. *Mirgorod. Povesti, sluzhashchie prodolzheniem "Veчерov na khutore bliz Dikan'ki"* [Mirgorod. Stories that Serve as a Continuation of "Evenings on a Farm near Dikanka"], pt. 1: Starosvetskie pomeshchiki. Taras Bul'ba [The Old World Landowners. Taras Bulba]. St. Petersburg, V Tip. Departamenta Vneshnei Torgovli, 1835. 244 p. (In Russ.)
3. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t. [Complete Works : in 14 vols.]*, vol. 2: Mirgorod [Mirgorod]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1937. 762 p. (In Russ.)
4. Gogol', N.V. *Sochineniia N.V. Gogolia [N.V. Gogol's Work]*, vol. 1, 10th ed., the text is verified with the author's own manuscripts and the original editions of his works by N. Tikhonravov. Moscow, Knizhnyi magazin V. Dumnova pod firmoiu "Nasledniki brat'ev Salaevykh" Publ., 1889. 718 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.04.2022
 Одобрена после рецензирования: 19.05.2022
 Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 11.04.2022
 Approved after reviewing: 19.05.2022
 Date of publication: 25.06.2022

О работе В.В. Маяковского над текстами к плакатам (по материалам записных книжек)

© 2022, Н.В. Михаленко

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-012-00477 «Поэтика и текстология записных книжек В.В. Маяковского (1917–1930)».

Аннотация: Статья посвящена записной книжке Маяковского № 8 (январь–май 1921 г.), предоставленной Государственным музеем В.В. Маяковского. В ней отразилась работа поэта над подписями к двенадцати «Окнам Главполитпросвета»: «Смотри!», «Эй, уралец! Без помощи твоего рудника не победить разруху никак!», «Эй, товарищи, за труд!», «День в маевочку мою...» и др. Некоторые из этих плакатов, освещающих важные социально-экономические темы, не сохранились, поэтому записная книжка стала важным источником информации о принципах работы Маяковского в агитационном жанре. Здесь же представлен небольшой фрагмент второго варианта пьесы «Мистерия-буфф», а также сохранилась расписка об аренде дачи на Акуловой горе, проясняющая некоторые подробности жизни поэта. На основе целостного историко-литературного и текстологического рассмотрения записной книжки была скорректирована дата создания помещенных в ней текстов в связи с контекстом времени и другими произведениями этого периода, проанализированы особенности внесенной Маяковским правки, порядок ее внесения, а также детально сопоставлены черновые тексты плакатов «Эй, уралец! Без помощи твоего рудника не победить разруху никак!», а также «Эй! Шахтер-приискатель!» с беловыми автографами. На материале подобного анализа исследованы особенности творческой интерпретации поэтом актуальных тем современности. Тексты записной книжки публикуются впервые.

Ключевые слова: В.В. Маяковский, записные книжки, «Окна» Главполитпросвета, записная книжка Маяковского № 8.

Информация об авторе: Наталья Владимировна Михаленко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Для цитирования: Михаленко Н.В. О работе В.В. Маяковского над текстами к плакатам (по материалам записных книжек) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 37–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-37-53>

В статье «Как делать стихи» В.В. Маяковский о записной книжке замечал: «Об этой книжке пишут обычно только после писательской смерти, она годами валяется в мусоре, она печатается посмертно и после законченных вещей, но для писателя эта книжка — всё» [16, т. 12, с. 91].

О записных книжках Маяковского писали многие исследователи: Н.В. Реформатская [17], В.А. Арутчева [2], З.С. Паперный [16], В.Ф. Земсков [8], В.В. Тренин [18], В.А. Катанян [9], Л.В. Хачатурян [19, 20] и др.

Записные книжки Маяковского представляют важные материалы для текстологического и историко-литературного анализа. Поэт использовал их для фиксации черновых набросков к своим произведениям, для записи рифм и других подготовительных материалов. В них также можно встретить номера телефонов, адреса, заметки личного характера, рисунки, хозяйственные записи и др. Как отмечал З.С. Паперный, «первое впечатление — беспорядочность, хаотичность записей. Отдельные строки — как поэтические осколки... Тут же рисунки... адреса, телефоны, фамилии... шуточные записи. Набросок воображаемой речи бюрократа, предлагающего “действия Коперника одобрить, признать, что земля вертится” <...> А рядом — запись предельно серьезной, выстраданной мысли: “Без искусства человек жить не может”» (зап. кн. 1924) [16, с. 108].

В Полном собрании произведений В.В. Маяковского в 20 т.¹, которое в настоящее время подготавливается группой научных сотрудников Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, впервые будут полностью опубликованы и прокомментированы записные книжки В.В. Маяковского (т. 19). Благодаря этим ценным материалам исследователи и читатели смогут проследить ход работы поэта над многими текстами, увидеть, как рождался замысел того или иного стихотворения, агитационного материала. В записных книжках отразилась и работа Маяковского в плакатном жанре, которая требовала от него творчества на стыке словесного и графического искусства.

¹ Вышли первые четыре тома. *Маяковский В.В.* Полн. собр. произведений: в 20 т.; Российская акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 2013. Т. 1: Стихотворения, 1912–1923 / подгот. Р.В. Дуганов, А.Т. Никитаев, А.П. Зименков, В.Н. Терехина, отв. ред. В.Н. Терехина. 612 с. 2014. Т. 2: Стихотворения, 1924–1926 / подгот. А.А. Козловский, отв. ред. В.Н. Терехина. 636 с. 2014. Т. 3: Стихотворения, 1927 — первая половина 1928 / подгот. В.Н. Дядичев, отв. ред. В.Н. Терехина. 558 с. 2016. Т. 4: Стихотворения, вторая половина 1928–1930; Стихи детям, 1925–1929 / подгот. В.Н. Дядичев, С.А. Коваленко, В.Н. Терехина, отв. ред. В.Н. Дядичев, А.М. Ушаков. 778 с.

С осени 1919 г. по январь 1922 г. он готовил подписи и рисовал плакаты, которые выпускались сначала Российским телеграфным агентством (РОСТА), а затем Главным управлением политико-просветительных учреждений Наркомпроса РСФСР (Главполитпросветом)². Вместе с Маяковским над плакатами работали художники И.А. Малютин, А.М. Лавинский, А.С. Левин, О.М. Брик, Д. Моор (Д.С. Орлов), А.М. Нюренберг, М.М. Черемных, темы и тексты для них приносили Грамен (Н.К. Иванов), О. Брик, Р.Я. Райт, М.Д. Вольпин (См. [1, 3, 5, 11, 14]).

Как вспоминал М.М. Черемных, «темы “Окон” были очень разнообразны. Материал для них давали сводки телеграмм, получавшихся РОСТА, постановления партии и правительства, календарные даты революционных годовщин или праздников. <...> Заданий ни от кого не получали: мы были так увлечены работой, что сами понимали, что нужно было делать» [21]. Плакатов было выпущено очень много, поскольку «события сменялись одно другим, каждое требовало от нас отклика, и на каждое мы откликались. Работали все с колоссальным увлечением. Работоспособность была неимоверная. Если бы кто-нибудь мне рассказал, что он делал пятьдесят плакатов за ночь, я не поверил бы, но я сам делал столько. Работали весело и бодро» [21].

Тексты для «Окон» писали М. Вольпин, Р. Райт, О. Брик и другие авторы, но большинство текстов создал Маяковский. Черемных отмечал, что были случаи, когда поэт «писал до восьмидесяти тем в день. Пока наша группа делала плакаты на первые темы, он успевал написать остальные и сам начинал рисовать. <...> Работать ему помогала Л.Ю. Брик. Он рисовал, а она раскрашивала» [21].

Многие плакаты этого периода были утеряны или не разысканы. Следы поэтической работы над плакатными подписями остались в записных книжках, и эти заметки приобрели особую ценность.

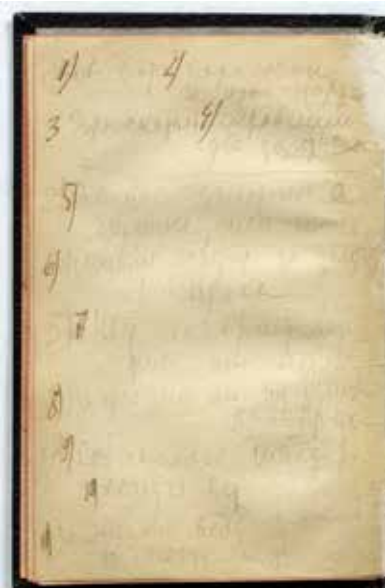
В качестве примера рассмотрим записную книжку № 8. Она датируется по времени создания содержащихся в ней материалов январем–маем 1921 г.³, представляет собой небольшой блокнот (14,2 × 9,6 см) в кожаном тисненном переплете черного цвета с кла-

² В начале февраля 1921 г. РОСТА прекратило выпуск «Окон сатиры», и производство «Окон» вместе со всем аппаратом перешло в Главполитпросвет Наркомпроса. Нумерация плакатов РОСТА прекратилась на девятисотых номерах и была начата Главполитпросветом сначала.

³ Датировка работы Маяковского в данной записной книжке обусловлена тем, что стихотворные подписи для плакатов, представленных здесь, подготовлены в связи с различными общественно-политическими событиями, происходившими с января по май 1921 г., а также тем, что премьера второго варианта «Мистерии-буфф», фрагмент из которого (л. 30 — «Полакаю молока...»), реплика Купца из

паном, кармашком и петлей для карандаша, изначально в ней было 65 листов (вырваны листы 12, 13, 19–23, 28–31, 33, 35–55, 61–63, заполнено 40 страниц, остальные страницы чистые). Книжка заполнялась как с начала, с первого листа, так и с конца. В ней представлены тексты к 12 плакатам Главполитпросвета, часть из которых не сохранилась. Все эти тексты созданы в один период — с января до середины апреля 1921 г., о чем свидетельствуют поднимаемые в них проблемы, события, которые они освещают. Часть плакатов тематически связана. «Окна», созданные в весенние месяцы, вероятно, могли быть написаны в книжку Маяковским во время его поездок на электричке на дачу в поселке Пушкино и на работу в РОСТА, когда для экономии времени он записывал в дороге новые подписи к плакатам в блокнот.

По записной книжке можно установить порядок работы Маяковского над текстом. Например, ни «Окна Главполитпросвета», ни фотографии плаката, обращенного к шахтерам — «А вот нарисован

*Записная книжка № 8. Л. 15 об.,
Государственный музей
В.В. Маяковского
Notebook no. 8. P. 15 back,
Mayakovsky State Museum*

на этой картинке...» (л. 15 об.) — не сохранилось. В подписи к этому плакату в записной книжке проставлены две нумерации: первая — от 1 до 4 — записана, как и весь текст, карандашом. Вторая, позднейшая, чернилами, от 1 до 11. Вероятно, Маяковский первоначально написал этот текст для четырехрисуночного плаката, а затем сделал более дробное деление. Текст для первого рисунка разделил на части (сюжеты) 1–4 (1. «А вот / 2. нарисован на этой картинке / 3. приискатель, / 4. скравший две золотинки» [13, т. 3, 308]), второго — на 5–6 («5. Принес золотинки матушке или женке. / 6. «Пожалте, — говорит, — за золотинки деньжонки» [13, т. 3, 309]), третьего — на 7–8 (7. «Нет, — говорит матушка, — денег никаких, 8. не угодно ли на

второго действия) помещен в данном блокноте, прошла в Театре РСФСР Первом 1 мая 1921 г. См.: [6, 7].

яйца поменять их» [14, т. 3, с. 309]) и четвертого — на 9–11 («9. Соблазнился шахтер, / 10. хочется есть, / 11. золотишки ведь яйца не смогут снести» [13, т. 3, с. 309]).

Этот плакат, как и окна «Смотри!» (л. 14 об., л. 15, рис. В. Маяковского), «Эй, уралец! Без помощи твоего рудника не победить разруху никак!» (л. 3, л. 3 об.) делались по специальному заданию ЦК горнорабочих в связи со II Всероссийским съездом горнорабочих, состоявшимся 25 января — 2 февраля 1921 г. Предшествовало ли какое-либо «Окно» газетным сообщениям о данном съезде или наоборот, не установлено [4, с. 546–547].

Подготовительные материалы к Окнам «Эй, товарищи, за труд!» (ГПП № 150, рис. В.О. Роскина), «Чем без дел...» (ГПП № 151, не разыскано), «День в маевочку мою...» (ГПП № 152, рис. А.М. Нюренберга), «При буржухах...» (ГПП № 153, рис. М.М. Черемных), «Вот за то, что я пою...» (ГПП № 154 (?), не разыскано) представляют собой пять четверостиший, записанных на двух страницах записной книжки (л. 23 об., л. 24) как одно стихотворение (См. [4, с. 556]). Первое, третье и четвертое четверостишия совпадают с текстом сохранившихся трафаретных оттисков «Окон» ГПП №№ 150, 152 и 153. Второе и пятое, по-видимому, были использованы в не дошедших до нас «Окнах» № 151 и № 154 (или № 155). «Окна» делались к празднику 1 мая, но, по-видимому, были подготовлены заблаговременно, в середине апреля 1921 г.

*Записная книжка № 8. Л. 23 об.–24,
Государственный музей В.В. Маяковского*

*Notebook no. 8. Pp. 23 back–24,
Mayakovskiy State Museum*

На л. 34 об. записан текст «Рабочий! Работай не покладая рук ты...». Поскольку тематически он близок к «Окнам ГПП» № 141 «Эй, рабочий! 7 марта подписан важнейший декрет» и № 143 «Чтоб с голодом справиться и с разрухой-дурой, введена Совнаркомом премия натурой» — в нем разясняются декреты Совета Народных

Комиссаров «Об урегулировании оплаты труда рабочих», «О натурпремировании» и «О потребительской кооперации», которые были опубликованы в газете «Известия» 9 апреля 1921 г., № 76, — его

можно с достаточным основанием считать относящимся к «Окну ГПП» № 142 [4, с. 510].

*Записная книжка № 8. Л. 34 об.,
Государственный музей В.В. Маяковского
Notebook no. 8. P. 34 back,
Mayakovskiy State Museum*

В этой записной книжке есть еще один текст на ту же тему («Декрет Совнаркома об урегулировании оплаты труда рабочих или о том, чтоб вовремя и больше платили», л. 4 об.–9 об.), вероятно, также подготовленный для «Окна ГПП»: «Плохо оплачивался рабочий труд — / поди получи заработанное тут. / Ведомость подашь, а на ведомости сей / собери этак штук пятьдесят подписей», «Безобразия это / устраняется изданием настоящего декрета. / Ограничения заработка нету. / От добросовестности и производительности плата увеличивается по этому декрету» [13, т. 3, с. 350]. Содержательно он связан с одноименным декретом Совнаркома от 7 апреля

1921 г. № 154 (см. «Известия», 1921, 9 апреля, № 76). Текст написан почти без помарок. Судя по тому, что он частично совпадает с текстами «Окон» № 141 «Эй, рабочий! 7 <апреля> подписан важнейший декрет» и 144 «Если вы не знаете об урегулировании оплаты декрета, осмотрите это» и перекликается с текстом «Окна» № 143 «Чтоб с голодом справиться и с разрухой-дурой, введена Совнаркомом премия натурой», — это, очевидно, первоначальный вариант, на основе которого Маяковский сделал затем самостоятельных плаката. Вероятно, также, что это «текст одного из “Окон Главполитпросвета”, ближайших по номеру к «Окнам» 140–146 (139? 147? 148?), либо (что менее вероятно) — это первоначальный вариант «Окон» № 141, № 143 и № 144» [4, с. 555].

Текст «Чтоб голод нас не передушил к лету...» (л. 58 об.–60), вероятно, был подготовлен для плаката, поскольку он тематически связан с «Окнами ГПП» № 141–145, № 156–157⁴. Эти строки («С введением продналога будет у крестьян остатков много. / А раз свободные продукты есть, / кооперативам разрешается и закупки произвести. / Хотите есть, / хотите пить ли, / припишитесь к одному из обществ потребителей», «С крестьянами, с кустарями, с ремесленниками кооперативы обмениваются и торгуют. / Могут лишки крестьянские купить, могут кустарные изделия, могут любую вещь другую» [13, т. 3, с. 356]) служили откликом на опубликованный 28 марта 1921 г. декрет Совета Народных Комиссаров «О свободном обмене хлеба, зернофуража, картофеля и сена в губерниях, закончивших разверстку» («Известия», 1921, 29 марта, № 67) и декрет Совета Народных Комиссаров «О потребительской кооперации» от 9 апреля 1921 г. Однако достоверно не установлено, было ли выпущено такое «Окно».

О работе Маяковского над подписями к плакатам можно судить по его заметкам в записной книжке, черновым автографам, приведенным здесь, и опубликованному беловому тексту. Например, в этой записной книжке сохранился черновой автограф подписей к плакату «Эй, уралец! Без помощи твоего рудника не победить разруху никак!» (л. 3, л. 3 об.), который можно сравнить с окончательной версией этих стихов (см. Таблица 1).

Поэт почти полностью изменил порядок записи частей текста. Можно предположить, что сначала у него сложились яркие, образные строки, в которых нелюбезно изображались «буржуи» (3, 4). Характерно, что первые написанные строки («Жуя ананас / забавляясь винцом...») аллюзивно связаны с революционным двестишием Маяковского — «Ешь ананасы, рябчиков жуй...» [12, с. 114]. Позднее же, вероятно, были созданы строки, кратко рассказывающие историю молодой Советской республики, а также сформулирован призыв «в сто крат увеличьте добычу!» Интересно, что сначала поэт записал наиболее хлесткие строки, вызывающие эмоциональный отклик, а впоследствии была выстроена логика рассказа и императива.

Поэтический текст развивался от более абстрактных вариантов к более конкретным, выразительным, понятным и доступным широким народным массам. Например, вместо труднопроизносимого «на нас разруха взлезла» появляется «на нас разруха надела». Отчего между подписями к 5 и 6 рисункам появляется каламбур: «разруха

⁴ ГПП № 156 — «Права кооперации расширены декретом...», ГПП № 157 — «Этот декрет для помощи рабочим создан».

насела» — «разруха не съела». Вместо «сидел на России / помазанник-царь» появилась строка — «сидел на шее помазанник-царь». Дать отпор разрухе нельзя с помощью «жалкой пули» (как в первом варианте) «сбить» ее «крохотной пулькой» (как в окончательном тексте) тем более.

Маяковский стремился к лаконичности и точности текста. Из подписи к 6 рисунку исчезла излишняя детализация, осталась только первая строка: «Бей, товарищ, разруху свинцом / И медью бей, и железом».

Работая над текстом, поэт скорректировал дату свержения царизма. В первоначальном варианте такой датой был назван октябрь, а впоследствии появился более достоверный февраль: «Сидел на шее помазанник-царь / всему народу на́ зло, / пока куском твоего свинца / его в феврале не смазало».

Таблица 1. «Эй, уралец! Без помощи твоего рудника не победить разруху никак!»⁵

Table 1. "Hey, you, the Urals mining worker! Without the help from your mine, it is impossible to put an end to the havoc in economy!"

Записная книжка	Беловая запись
<p>Л. 3. 3. Жуя ананас <i>забавляясь винцом</i> Буржуй разселся на теле.</p>	<p>1. Сидел <i>на шее</i> помазанник-царь всему народу на́ зло,</p>
<p>4. Буржуев шарахнули вашим свинцом и к чорту буржуи слетели</p>	<p>2. пока куском твоего свинца его в <i>феврале</i> не смазало.</p>
<p>1. <i>сидел на россии</i> помазанник царь <i>России</i> народу назло</p>	<p>3. Жуя ананас, <i>попивая вино</i>, буржуй расселся на теле.</p>
<p>2. пока куском твоего свинца Его в <i>октябре</i> не смазали</p>	<p>4. Буржуев шарахнули вашим свинцом, и к черту буржуи слетели.</p>

⁵ Разночтения отмечены курсивом.

<p>Л. 3. об. 5. Теперь закрывши солнце лицом <нрзб.> На нас разруха <i>взлезла</i></p>	<p>5. Теперь, закрывши солнце лицом, на нас разруха <i>насела</i>.</p>
<p>6. Бей товарищ разруху свинцом И медью бей и железом чтоб нас разруха не съела</p>	<p>6. Бей, товарищ, разруху свинцом, чтоб нас разруха не съела.</p>
<p>7. <i>но жалкой пулей</i> ее не собьем.</p>	<p>7. <i>Но крохотной пулькой</i> ее не собьем.</p>
<p>8. чтоб шею свернуть ей бычью Миллионом пудов придавите ее</p>	<p>8. Чтоб шею свернуть ее бычью, миллионом пудов придавите ее,</p>
<p>9. в сто крат увеличте Добычу</p>	<p>9. в сто крат увеличьте добычу! [13, т. 3, с. 311]</p>

При работе над плакатом «Смотри!» («Эй! Шахтер-приискатель!..», л. 14 об., л. 15) Маяковский старался акцентировать наиболее семантически и эмоционально важные слова. Например, изменил порядок строк в подписи к рисунку 7: вместо «для того чтобы *заткнуть* буржуям рот» появилось «для того, чтоб *буржуям* заткнуть рот». В подписи к рисунку 9 акцент также был скорректирован: вместо «Чтоб Россия *занялась* мирным трудом» — «чтоб Россия *мирным* занялась трудом». Поэт шел и по пути упрощения фразы. Если в записной книжке еще была достаточно сложная и тяжеловесная, абстрактная формулировка — «Машинами *транспорт и промышленность* возродится», то в беловике появились простые и понятные слова — «Машинами *твое же хозяйство* возродится». Образ тяжелого труда шахтера усилило троекратное повторение глагола «работал»: «4. А сам ты ходил гол. 5. И все-таки работал, работал и работал, как вол».

Таблица 2. «Смотри!» («Эй! Шахтер-приискатель!...») ⁶
 Table 2. "Look!" ("Hey, mining worker!")

Записная книжка	Беловая запись
<p>Л. 14 об. Эй 1. Шахтер-приискатель 2. Раньше золота твое шло буржуям в брючки 3. Раньше золото твое украшало буржук ручки 4. <i>Сам же ты ходил гол</i> 5. <i>И все таки работал и работал как вол</i> 6. Теперь республика золото берет 7. для того чтоб <i>заткнуть буржуям рот</i> 8. Что б разбойники не нападали на твой дом 9. Что б Россия <i>занялась мирным трудом</i></p>	<p>1. Эй! Шахтер-приискатель! 2. Раньше золото твое шло буржуям в брючки. 3. Раньше золото твое украшало буржук ручки. 4. <i>А сам ты ходил гол.</i> 5. <i>И все-таки работал, работал и работал, как вол.</i> 6. Теперь республика золото берет. 7. Для того, чтоб <i>буржуям заткнуть рот.</i> 8. Чтоб разбойники не напали на твой дом, 9. чтоб Россия <i>мирным занялась трудом.</i></p>
<p>Л. 15 10. На <i>это</i> золото мы получим машины 11. Машинами <i>транспорт и промышленность</i> возродится 12. <i>Всем что промышленность даст ты же будешь насыщаться и рядиться</i> 13. <i>Это</i> золото пойдет чтоб тебя ж спасти от нищеты 14. Шахтер! Отчего же лодырничает ты?</p>	<p>10. На <i>золото</i> получим машины. 11. Машинами <i>твое же хозяйство</i> возродится. 12. <i>Будет на тебя работать, чтоб ты насытиться смог, чтоб ты же мог рядиться.</i> 13. Золото пойдет на то, чтоб тебя же спасти от нищеты. 14. Шахтер! Отчего же лодырничает ты? [13, т. 3, с. 308]</p>

⁶ Разночтения обозначены курсивом.

В записных книжках можно встретить не только творческие заготовки, но и имена, фамилии, телефоны, адреса. В данной записной книжке на л. 34 сохранилась расписка об аренде дачного дома на летний период, а также на л. 2 есть расписание пригородных поездов, которыми, вероятно, Маяковский ездил в Москву и возвращался из нее. Лето 1921 г. он провел подмосковном Пушкино, на даче, которую поэту сдал зажиточный крестьянин Василий Вячеславов: «Это была небольшая деревянная дача /дом/на склоне Акуловой горы. С открытой террасы, где по обыкновению пили чай в ясную, солнечную погоду, открывался чудесный вид на реку Учу с ее живописными берегами. Отсюда по липовой аллее по направлению к реке сбегала дорожка и пряталась в зарослях лугового разнотравья» [15].

Л. 34

Мною сдана Т. Маяковскому дача
 Пятьдесят тысяч рублей
 задатка от Влад. Маяковского
 получил. Педесять
 15/IV 21 г. тысячь получил
 Вячеславов

Вероятно, в статье Панченкова [15], посвященной дачным адресам Маяковского, указана ошибочная датировка времени пребывания Маяковского на этой даче — 1922 г., поскольку в расписке, представленной в данной записной книжке, цифра года видна очень четко. В книге В.А. Катаняна «Маяковский: литературная хроника», в главе о 1921 г. есть лишь краткое указание — «лето (июнь–август) Маяковский жил на даче в Пушкине, продолжая работать в Главполитпросвете (над «Окнами сатиры») и ежедневно приезжая в город» [10, с. 151]. Таким образом, расписка становится

важным свидетельством, помогает уточнить дату пребывания поэта в поселке на Акуловой горе.

В дачном поселке Пушкино Маяковский снимал жилье летом 1919–1922, 1924, 1927 гг. Об этих местах он писал в стихотворениях «Мы отдыхаем», «Дачный случай», поэме «Пятый Интернационал». Как отмечал В.В. Катанян, чьи родители именно в Пушкино познакомились с Маяковским и Лилей Брик, «жизнь на даче в Пушкине 1920–1921 годов ЛЮ вспоминала как самую спокойную и мирную. По воскресеньям приезжало много гостей. Аннушка всегда готовила котлеты. Если гостей было мало, давали две котлеты, если много — по одной. Маяковский и Лиля много гуляли, собирали грибы. Грибов в те годы было много, и они составляли большое подспорье в еде. Во время прогулок поэт был неразговорчив, думая о своем или сочиняя. Лиля сначала обижалась, потом поняла его» [10, с. 54].

В 1920 г. здесь было создано «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче (Пушкино. Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.)», в тексте которого было точно обозначено место его создания, указаны реалии жизни поэта — «...что-де заела Роста» [12, с. 145]. Как отмечал Б. Янгфельдт, это стихотворение «было первым за два года произведением, написанным не на злобу дня. Выражая веру в поэзию и собственные возможности Маяковского, оно явилось передышкой в поэтической гражданской службе, которой он посвящал себя со времен начала мировой войны» [22, с. 169]. Топос дачной жизни стал частью поэтического текста, важной заметкой, несколько раскрывающей то, в какой обстановке создавалось произведение.

Представленные в этой записной книжке тексты «Окон» РОСТА, вероятно, писались, когда поэт ехал в электричке в Москву или на дачу, не случайно здесь помещено расписание поездов, указано время отправления. Небольшой блокнот, в котором Маяковский делал заметки, стал свидетелем его работы. Можно предположить, что неразборчивые, плохо читаемые строки были написаны в вагоне, во время движения.

Изучение записных книжек Маяковского — увлекательная и интересная работа, которая позволяет уточнить датировку некоторых его произведений, восстановить и проанализировать особенности его творческого процесса, анализируя поэтическую работу от чернового автографа к беловому, прояснить круг его общения в определенный период.

Литература

1. *Алексеева Л.К.* Коллекция «Окон РОСТА» и ГПП в собрании Государственного литературного музея: к истории формирования, бытования, изучения // «Пятнами красок, звоном лозунгов...». Книжно-плакатное творчество Маяковского / сост. В.Н. Терехина. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 189–201.
2. *Арутчева В.А.* Записные книжки Маяковского // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 65: Новое о Маяковском. С. 325–396.
3. Документальное описание «Окон РОСТА» / подгот. А.П. Зименкова // «Пятнами красок, звоном лозунгов...». Книжно-плакатное творчество Маяковского / сост. В.Н. Терехина. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 287–399.
4. *Дувакин В.Д.* Примечания // *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 3: «Окна» Роста, 1919–1922. С. 467–581.
5. *Дядичев В.Н.* Исторический контекст «Окон РОСТА»: от факта к образу // «Пятнами красок, звоном лозунгов...». Книжно-плакатное творчество Маяковского / сост. В.Н. Терехина. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 159–178.
6. *Загорский М.Б.* Как реагирует зритель // Леф. 1924. № 2. С. 141–151.
7. *Загорский М.Б.* Театр и зритель эпохи революции // О театре / И. Аксенов, Б. Арватов, Э. Бескин. Тверь: [Б. и.], 1922. С. 102–112.
8. *Земсков В.Ф.* Одна из записных книжек В.В. Маяковского // Советские архивы. 1966. № 4. С. 94–95.
9. *Катанян В.В.* Лиля Брик: Жизнь. М.: Захаров, 2002. 287 с.
10. *Катанян В.А.* Маяковский: Литературная хроника. 3-е изд., доп. М.: Гослитиздат, 1956. 504 с.
11. Маяковский В.В.: Описание документальных материалов. М.: [Б. и.], 1964. Вып. 1: «Окна» РОСТА и Главполитпросвета. 1919–1922 гг. / сост. К.Н. Суворова. 287 с.
12. *Маяковский В.В.* Полн. собр. произведений: в 20 т. / подгот. Р.В. Дуганов, А.Т. Никитаев, А.П. Зименков, В.Н. Терехина; отв. ред. В.Н. Терехина. М.: Наука, 2013. Т. 1: Стихотворения, 1912–1923 / подгот. Р.В. Дуганов, А.Т. Никитаев, А.П. Зименков, В.Н. Терехина, отв. ред. В.Н. Терехина. 2013. 612 с.
13. *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Худож. лит., 1955–1961.
14. *Михаленко Н.В.* От «Сегодняшнего лубка» к «Окнам РОСТА» // «Пятнами красок, звоном лозунгов...». Книжно-плакатное творчество Маяковского / сост. В.Н. Терехина. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 150–158.
15. *Панченков В.В.* Дачные адреса Маяковского на Акуловой горе // Творчество В.В. Маяковского. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 4. Кн. 2: Владимир Маяковский в контексте мировой культуры. С. 237–238. <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0617-8>
16. *Паперный З.С.* Записные книжки Маяковского: (Из творческой лаборатории поэта) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. XIV. Вып. 2. С. 107–123.

17. *Реформатская Н.В.* Обзор рукописного наследия Маяковского. Материалы Библиотеки-музея В.В. Маяковского (Москва) // Владимир Маяковский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Сб. I. С. 301–317.
18. *Тренин В.В.* В мастерской стиха Маяковского. М.: Сов. писатель, 1978. 184 с.
19. *Хачатурян Л.В.* «Как делать стихи»: Свердловская записная книжка В.В. Маяковского. Часть 1 // Русская литература: историко-литературный журнал. № 4. 2020. С. 252–268. <https://www.doi.org/10.31860/0131-6095-2020-4-252-268>
20. *Хачатурян Л.В.* «Как делать стихи»: Свердловская записная книжка В.В. Маяковского. Часть 2 // Русская литература: историко-литературный журнал. № 1. 2021. С. 190–205. <https://www.doi.org/10.31860/0131-6095-2021-1-190-205>
21. *Черемных М.М.* Маяковский в РОСТА // Искусство. № 3. 1940. С. 40.
22. *Янгфельдт Б.* Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг / пер. со швед. А. Лавруши и Б. Янгфельдта. М.: CORPUS; АСТ, 2016. 526 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

On the Work of Vladimir Mayakovsky with Poster Texts (According to his Notebooks)

© 2022. N.V. Mikhailenko

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out in the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00477 “The Poetics and Textology of V.V. Mayakovsky's Notebooks (1917–1930).”

Abstract: The article deals with Mayakovsky's notebook no. 8 (January–May 1921), provided by the State Museum of Vladimir Mayakovsky. It demonstrates his work on the inscriptions for twelve Glavpolitprosvet Posters: “Look!,” “Hey you, the Urals mining worker! Without the help from your mine, it is impossible to put an end to the havoc in the economy!”, “Let’s get to work, comrades!”, “On my May-Day meeting...”, etc. Some of these posters, covering the important social and economic topics, have not survived to today, so the notebook becomes an important source of information about the principles of Mayakovsky’s propaganda work. A small fragment of the second version of Mayakovsky’s play “Mystery-Bouffe” can also be found in it, along with a receipt for the rent of a summer cottage in Akulova Gora that sheds some light on the details of the poet’s life.

A holistic historical, literary and textual examination of the notebook helped to reveal the dates of creation of particular notes, and these, in turn, were related to the context of time and other contemporary works of the poet. The article examines the characteristic features of edits made by Mayakovsky and the order of their introduction. Also the author compares the draft texts of the posters “Hey, you, the

Urals mining worker! Without the help from your mine, it is impossible to put an end to the havoc in economy!” and “Hey, mining worker!” to the final copies. The results of the research shows the characteristic features of the poet's creative vision of the actual topics of his time. The texts of the notebook are published for the first time.

Keywords: V.V. Mayakovsky, Notebooks, Glavpolitprosvet Posters, Mayakovsky's notebook no. 8.

Information about the author: Natalia V. Mikhalenko — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

For citation: Mikhalenko, N.V. “On the Work of Vladimir Mayakovsky with Poster Texts (According to his Notebooks).” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 2 (24), pp. 37–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-37-53>

References

1. Alekseeva, L.K. “Kollektsiia ‘Okon ROSTA’ i GPP v sobranii Gosudarstvennogo literaturnogo muzeia: k istorii formirovaniia, bytovaniia, izucheniia” [“The ROSTA Posters and GlavPolitProsvet in Collections of the State Literature Museum: to the History of Its Formation, Life and Study”]. *“Piatnami krasok, zvonom lozungov...” Knizhno-plakatnoe tvorchestvo Maiakovskogo* [“By Spots of Paint, by Cry of Posters...” *Books and Posters Created by Mayakovsky*], comp. by V.N. Terekhina. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 189–201. (In Russ.)

2. Arutcheva, V.A. “Zapisnye knizhki V.V. Maiakovskogo” [“V.V. Mayakovsky's Notebooks”]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 65: Novoe o Maiakovskom [New on Mayakovsky]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, pp. 325–396. (In Russ.)

3. “Dokumental'noe opisaniie ‘Okon ROSTA’.” [“Documentation of ROSTA Posters”], prep. by A.P. Zimenkova. *“Piatnami krasok, zvonom lozungov...” Knizhno-plakatnoe tvorchestvo Maiakovskogo* [“By Spots of Paint, by Cry of Posters...” *Books and Posters Created by Mayakovsky*], comp. by V.N. Terekhina. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 287–399. (In Russ.)

4. Duvakin, V.D. “Primechaniia” [“Comments”]. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.], vol. 4: “Okna” Rosta, 1919–1922 [ROSTA Posters, 1919–1922]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957, pp. 467–581. (In Russ.)

5. Diadichev, V.N. “Istoricheskii kontekst ‘Okon ROSTA’: ot fakta k obrazu” [“Historical Context of ROSTA Posters: from the Fact to the Image”]. *“Piatnami krasok, zvonom lozungov...” Knizhno-plakatnoe tvorchestvo Maiakovskogo* [“By Spots of Paint, by Cry of Posters...” *Books and Posters Created by Mayakovsky*], comp. by V.N. Terekhina. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 159–178. (In Russ.)

6. Zagorskii, M.B. “Kak reagiruet zritel’” [“How Does the Spectator React?”]. *Lef*, no. 2, 1924, pp. 141–151. (In Russ.)

7. Zagorskii, M.B. "Teatr i zritel' epokhi revoliutsii" ["Theatre and Spectator of the Revolutionary Era"]. *O teatre [About Theatre]*, I. Aksenov, B. Arvatov, E. Beskin. Tver, [S. n.], 1922, pp. 102–112. (In Russ.)

8. Zemskov, V.F. "Oдна iz zapisnykh knizhek V.V. Maiakovskogo" ["One of the V.V. Mayakovsky's Notebooks"]. *Sovetskie arkhivy*, no. 4, 1966, pp. 94–95. (In Russ.)

9. Katanian, V.V. *Lilia Brik: Zhizn' [Lilya Brik: The Life]*. Moscow, Zakharov Publ., 2002. 287 p. (In Russ.)

10. Katanian, V.A. *Maiakovskii: Literaturnaia khronika [Mayakovsky: Literary Chronicle]*, 3rd ed., rev. Moscow, Goslitizdat Publ., 1956. 504 p. (In Russ.)

11. *Maiakovskii V.V.: Opisanie dokumental'nykh materialov [Vladimir Mayakovsky: Description of Documentary Materials]*, issue 1: "Okna" ROSTA i Glavpolitprosveta. 1919–1922 gg. [The ROSTA and GlavPolitProsvet Posters. 1919–1922], comp. by K.N. Suvorova. Moscow, [S. n.], 1964. 287 p. (In Russ.)

12. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie proizvedenii: v 20 t. [Complete Works: in 20 vols.]*, vol. 1: Stikhotvoreniia, 1912–1923 [Poems (1912–1923)], prep. by R.V. Duganov, A.T. Nikitaev, A.P. Zimenkov, V.N. Terekhina, ex. ed. by V.N. Terekhina. Moscow, Nauka Publ., 2013. 612 p. (In Russ.)

13. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. [Complete Works: in 13 vols.]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1955–1961. (In Russ.)

14. Mikhalenko, N.V. "Ot 'Segodniashnego lubka' k 'Oknam' ROSTA." ["From 'Today's Lubok' to 'ROSTA Posters'."]. "Piatnami krasok, zvonom lozungov..." *Knizhno-plakatnoe tvorchestvo Maiakovskogo* ["By Spots of Paint, by Cry of Posters..." *Books and Posters Created by Mayakovsky*], comp. by V.N. Terekhina. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 150–158. (In Russ.)

15. Panchenkov, V.V. "Dachnye adresa Maiakovskogo na Akulovoi gore" ["Country Addresses of Mayakovsky on Akulovaya Gora"]. *Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo [Mayakovsky's Work]*, issue 4, book 2: Vladimir Maiakovskii v kontekste mirovoi kul'tury [Vladimir Mayakovsky in the Context of World Culture]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 237–238. <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0617-8> (In Russ.)

16. Papernyi, Z.S. "Zapisnye knizhki Maiakovskogo: (Iz tvorcheskoi laboratorii poeta)" ["Mayakovsky's Notebooks (From the Poet's Creative Laboratory)"]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i iazyka [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language]*, vol. XIV, issue 2. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ, 1955, pp. 107–123. (In Russ.)

17. Reformatskaia, N.V. "Obzor rukopisnogo nasledia Maiakovskogo. Materialy Biblioteki-muzeia V.V. Maiakovskogo (Moskva)" ["Review of Mayakovsky's Handwritten Heritage. Materials of the Library-Museum of V.V. Mayakovsky (Moscow)"]. *Vladimir Maiakovskii [Vladimir Mayakovsky]*, coll. I. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, pp. 301–317. (In Russ.)

18. Trenin, V.V. *V masterskoi stikha Maiakovskogo [In the Workshop of Mayakovsky's Verse]*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1978. 184 p. (In Russ.)

19. Khachaturian, L.V. "'Kak delat' stikhi': Sverdlovskaya zapisnaia knizhka V.V. Maiakovskogo. Chast' 1'" ["'How to Make Poems': V.V. Mayakovsky's Sverdlovsk

Notebook. Part 1”]. *Russkaia literatura: istoriko-literaturnyi zhurnal*, no. 4, 2020, pp. 252–268. <https://www.doi.org/10.31860/0131-6095-2020-4-252-268> (In Russ.)

20. Khachaturian, L.V. “‘Kak delat' stikhi’: Sverdlovskaiia zapisnaia knizhka V.V. Maiakovskogo. Chast' 2” [“‘How to Make Poems’: V.V. Mayakovsky's Sverdlovsk Notebook. Part 2”]. *Russkaia literatura: istoriko-literaturnyi zhurnal*, no. 1, 2021, pp. 190–205. <https://www.doi.org/10.31860/0131-6095-2021-1-190-205> (In Russ.)

21. Cheremnykh, M.M. “Maiakovskii v ROSTA” [“Mayakovsky in the ROSTA”]. *Iskusstvo*, no. 3, 1940, p. 40. (In Russ.)

22. Iangfel'dt, B. *Stavka — zhizn'. Vladimir Maiakovskii i ego krug* [*The Life is on the Line. Vladimir Mayakovsky and His Circle*], trans. from Sweden by A. Lavrusha and B. Iangfel'dt. Moscow, CORPUS Publ., AST Publ., 2016. 526 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.02.2022
Одобрена после рецензирования: 19.04.2022
Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 11.02.2022
Approved after reviewing: 19.04.2022
Date of publication: 25.06.2022

Литературный факт.
2022. № 2 (24)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (24), 2022

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-54-63>
<https://elibrary.ru/CDWHMN>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

И.А. Бунин на пути в Палестину (1889–1903 гг.)

© 2022, Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-012-41004 «И.А. Бунин и Палестина».

Аннотация: Путешествия на Ближний Восток занимали особое место в жизни и творчестве И.А. Бунина. Центральным для него стало путешествие в Палестину весной 1907 г. Однако эта поездка имела в жизни Бунина долгую предысторию. В настоящей статье прослеживается, как созрела у Бунина мысль о дальних странствиях, какое значение в его жизни и мироощущении имели Крым и Одесса, откуда открывались пути в дальние страны, описывается первое восточное путешествие в Константинополь весной 1903 г. Работа построена на биографическом и документальном материале.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Палестина, биография, путешествия, сборник «Храм Солнца» (1917).

Информация об авторах: Татьяна Михайловна Двинятина — доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-6910>

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Для цитирования: Двинятина Т.М., Морозов С.Н. И.А. Бунин на пути в Палестину (1889–1903 гг.) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 54–63. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-54-63>

Палестинское путешествие апреля–мая 1907 г. имело в жизни Бунина весьма долгую предысторию и особенное значение¹. «Со- всем как птица был я всю жизнь!» [8, с. 164] — говорил он о своей вечной бездомности. «Тень Птицы» — название первого и одно вре- мя заглавного очерка книги, получившей в прижизненных изданиях название «Храм Солнца»². Между этими параллелями нет прямого соответствия — в очерке шла речь о легендарной Птице Хумай, но образная перекличка не кажется вовсе случайной.

Южные «ворота» России открывались через Черное море, и свое первое большое путешествие за пределы «родного подстепья» Бунин совершил в апреле 1889 г. в Крым, о котором у него «еще в детстве составилось самое поэтическое впечатление, благодаря рассказам отца», участника Крымской кампании [3, с. 260]. Романтический ореол Крыму придавало и то, что в нем провел свои последние меся- цы недолгий кумир бунинской юности С.Я. Надсон. Но оказавшись в Крыму, Бунин прежде всего открыл свой мир — непривычный ландшафт (море и горы) и сохранившиеся следы древних цивилиза- ций заложили основы его собственной художественной метафизики. Через несколько лет, обретя уверенный поэтический голос, Бунин признавался, что именно там, в Крыму, его «душа исполнена пред- вечной / Красоты и правды неземной» (стихотворение «Поздний час. Корабль и тих, и темен...», 1895) [3, т. 1, с. 167], что именно там он ощутил свое родство с давно ушедшими людьми, более того — почувствовал себя одним из тех, кто некогда жил на земле (см. сти- хотворение «Ночь», 1901).

В следующий раз Бунин приехал в Крым в мае 1896 г., побы- вал в Бахчисарае, Ялте, Кикинеизе, Гурзуфе, затем отправился на пароходе в Одессу³. Вообще, с конца 1890-х гг. Крым и Одес- са — неперемный локус жизни Бунина, а морское сообщение между Ялтой и Одессой — один из его главных южных маршрутов. В Одессе (точнее, в Люстдорфе у А.М. Федорова⁴) Бунин гостит в сентябре 1896 г. и в мае 1897 г. Приехав в конце июня 1898 г., он заводит знакомство с семьей финансиста и фактического редак-

¹ О круге чтения Бунина, связанном с его восточными путешествиями, см.: [12]. Оставляя эту тему в стороне, мы сосредоточимся на биографическом аспекте бунинских странствий.

² См. подробнее: [11].

³ Точные даты и обстоятельства см.: [8].

⁴ Видимо, с А.М. Федоровым в том же 1897 г. Бунин планировал поездку на Алтай, которую тоже можно было бы рассматривать в контексте его дальних странствий, но «дело» не вышло, и в дальнейшем Бунин к нему не возвращался. Точно так же не состоялись и «надежды на Тихий океан», которыми Бунин делился с Брюсовым в апреле 1899 г. См.: [2, с. 237–238, 282].

тора-издателя газеты «Южное обозрение» Н.П. Цакни и вскоре (23 сентября 1898 г.) женится на его дочери А.Н. Цакни. В течение следующих полутора лет большую часть времени Бунин проводит на юге с семьей жены, много печатается в газете тестя, участвует в ее редактировании, приглашает к сотрудничеству молодых московских авторов (В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, Н.Д. Телешова и др.), входит в круг участников Товарищества южнорусских художников (Е.И. Буковецкий, П.А. Нилус, В.П. Куровский). Из Одессы Бунин ездит в Ялту — там в апреле 1899 г. начинается его дружба с Чеховым, происходит знакомство и сближение с М. Горьким. Но семейная жизнь не складывается, и Бунин в тоске пишет Н.Д. Телешову: «Хожу провожать пароходы дальнего плавания и мечтаю о дальних странах. С этой стороны очень хорошо» [2, с. 277; письмо от 18 марта 1899 г.]. В то же время он начинает строить планы поездки в Константинополь, наводит справки о пароходах и убеждает брата Ю.А. Бунина: «поедем туда <...> с денежной стороны поездка вздор⁵, а ведь это будут впечатления на всю жизнь. Да это ты и сам сообразишь, что значит побывать в Константинополе. <...> Дивную поездку совершим! Я вот ездил в Крым на днях — так забыть не могу этого очарования морского путешествия» [2, с. 282–283; письмо от 17, 18 апреля 1899 г.]. К этому времени планы путешествий на Дальний Восток⁶, которые Бунин время от времени строил в предыдущие годы, уходят на второй план: Крым манит его своим продолжением. «Поеду еще в Константинополь», — пишет он тогда же Брюсову [2, с. 282; письмо от 18 апреля 1899 г.], но пока это только мечта. Тем не менее и через год, в феврале 1900 г., когда положение Бунина по отношению к семье жены становится, по его словам, «трагическим», он снова спрашивает Ю.А. Бунина: «Когда ты освободишься? Когда мы можем уехать в Конст<антинополь>?» — и признается, что такая поездка была бы для него «спасением». Но путешествие требует средств, а у Бунина «ни копейки денег!» (см. письма от 24 и 26 февраля 1900 г.: [2, с. 311–312]).

После разрыва с женой в начале марта 1900 г. Бунин уезжает из Одессы в Москву, но оттуда снова — в Ялту: в апреле показать Чехову свои спектакли приехала труппа МХТ, Бунин постоянно возвращается в круг московских артистов, почти ежедневно видится

⁵ В том же письме Бунин пишет: «Дорога *туда и обратно* во 2-м классе с *продовольствием* стоит всего **25 р.** — 2-ой класс на этих пароходах отличается прямо-таки *роскошью*. В Константинополе ходят пароходики на Принцевы острова, что стоит копейки» (здесь и далее выделенные курсивом слова в письмах Бунина подчеркнуты им одной или двумя чертами).

⁶ См. примеч. 4.

с Чеховым и Горьким (тогда посвящает ему только что написанный «Листопад»), знакомится и на всю жизнь остается дружен с Рахманиновым. 30 августа 1900 г. у Бунина в Одессе рождается сын Николай, и в октябре Бунин из Москвы едет на юг в надежде уладить семейные отношения. И хотя сына повидать ему удастся, отношения с женой и ее семьей остаются крайне сложными и неопределенными, — зато открывается возможность первого заграничного путешествия. Вместе с другом, художником и хранителем Одесского музея изящных искусств В.П. Куровским, Бунин из Одессы едет... в Западную Европу. Казалось бы (учитывая близость южных стран и дальнейший интерес Бунина именно к Средиземноморью и Ближнему Востоку), можно было ожидать, что его первым большим путешествием за пределы России будет плавание через Черное море в южные страны, но тогда не столько желание Бунина, сколько стечение обстоятельств⁷ проложило маршрут на запад, и Бунин с Куровским посетили Варшаву, Берлин, Париж, Швейцарию, Германию, Австрию...

Подобными переездами расчерчена вся жизнь Бунина конца 1890-х–1900-х гг. В конце 1900 г. он снова приезжает в Ялту, два месяца живет в доме Чехова. Оттуда 22 февраля 1901 г. плывет в Одессу, первую половину апреля опять проводит в Ялте (с Куприным, у Чехова — «У Чеховых я как родной» [2, с. 369; письмо до 8 апреля 1901 г.], затем едет обратно в Одессу, заново пытается наладить встречи с сыном, но безуспешно. Через несколько месяцев маршрут повторяется: в августе 1901 г. Бунин отдыхает под Одессой, в начале сентября около десяти дней гостит у Чехова в Ялте (12 сентября Чехов навещает в Гаспре Л.Н. Толстого, и Бунин «с жадностью» слушает его рассказ [3, с. 203]).

То же самое происходит и в следующий год: в апреле 1902 г. Бунин у Чехова в Ялте, в июле — в Одессе, оттуда, спасаясь от чумы, снова в Ялту, был на даче Чехова в Гурзуфе, в начале августа на несколько дней вернулся в Крым... В конце декабря 1902 г. с С.А. Найденовым (на волне успеха его пьесы «Дети Ванюшина») опять приехал в Ялту, и там Бунина два месяца занимали, главным образом, «выступления, пиршества и свидания с друзьями» [10, с. 218]. Съездив по делам в Москву в марте 1903 г., Бунин возвращается в Ялту, в начале апреля плывет в Одессу, несколько дней проводит у Федорова в Люстдорфе, и наконец 9 апреля 1903 г. начинается его первое южное плавание — в Константинополь.

---

⁷ В.П. Куровский ехал по поручению Одесской городской управы для изучения музеев Европы, и Бунин составил ему компанию, см.: [10, с. 185–188].

В течение всей жизни Бунина, и особенно в первые годы его литературной работы, важным фактором его самоощущения была материальная незащищенность. До начала 1900-х гг. Бунин вынужден был постоянно обращаться за помощью к старшему брату Ю.А. Бунину — безденежье мучило его нещадно. Еще летом 1899 г. он просит брата выслать *«хоть десять рублей»* на дорогу [2, с. 288–289; письмо от 27 июля 1899 г.], еще в январе 1901 г. умоляет: «У меня **2 коп.** и не на что даже письма никуда послать» [2, с. 346; письмо от 5 января 1901 г.]. Только в 1900–1901 гг. положение стало постепенно меняться, и Бунин обрел некоторую материальную независимость. В январе 1901 г. в издательстве «Скорпион» выходит его главный поэтический сборник тех лет «Листопад». Однако успех у критики не подтвердился финансовым⁸, а художественные разногласия с Брюсовым положили предел дальнейшему сотрудничеству с символистами. В течение 1901 г. Бунин переориентируется на другую литературную и издательскую стратегию: с октября он ведет переговоры с издательством «Знание» и в декабре заключает с ним соглашение об издании тома своих «Рассказов» (книга выходит в марте 1902 г.). Осенью 1902 г. Бунин договаривается со «Знанием» об издании следующих томов, складывающихся в первое собрание его сочинений: новое издание «Рассказов» и том «Стихотворений» выходят в январе 1903 г., и директор издательства К.П. Пятницкий сообщает Бунину: «Ваши книги идут очень хорошо» (цит. по: [2, с. 688 (комм.)]). В запасе у Бунина подписанный договор на издание в «Знании» его переводов мистерий Дж.Г. Байрона «Каин» и «Манфред». Он становится одним из главных авторов нового издательства и вправе рассчитывать на высокие гонорары. Он может позволить себе дальние странствия и первым делом отправляется в Константинополь.

***

Если Крым и вообще весь северный берег Черного моря был для Бунина преддверием Востока, то собственно Восток начинался на Босфоре.

11 апреля 1903 г. «на пароходе “Нахимов”, идущем Македонским рейсом, т. е. через Афон»⁹, Бунин прибывает в Константинополь¹⁰. Дневников Бунина этого времени не сохранилось. Синхронные

⁸ См.: [6, с. 126, 141].

⁹ См. подробное описание в письме Ю.А. Бунину от 25, 26 (12, 13) апреля 1903 г.: [2, с. 423–425].

¹⁰ До 1930 г. официальное название города — Константинополь; Стамбул до тех пор — второе, параллельное название, отражающее исламский уклад жизни города.

впечатления от пути по морю остались только в большом письме к старшему брату, которое Бунин написал сразу после приезда в Константинополь¹¹. Спустя много лет В.Н. Муромцева-Бунина (еще не знакомая с будущим мужем в 1903 г.) обобщила опыт этой поездки в книге «Жизнь Бунина»: «Пребывание в Константинополе я считаю самым поэтическим из всех путешествий Ивана Алексеевича: весна, полное одиночество, новый, захвативший его мир» [10, с. 225]. Среди отдельных записей Бунина поздних лет сохранилась краткая заметка, начинающаяся словами: «Незабвенная весна (апрель 1903 г.), первый раз в Константинополе...». Вероятно, она предваряет фрагменты уничтоженного писателем дневника, среди которых осталась и такая запись: «Вход в Босфор, красный с белым полумесяцем флаг на корме фелюки — Боже мой, сколько воспоминаний, какое возвращение к годам мужества, сил, радостей, надежд, мечтаний, бесконечной дальности от смерти, от какого-то конца!» [9, с. 156–157].

Видимо, тогда сразу же после прибытия в Константинополь Бунин нанял проводника по имени Герасим, — в апреле 1907 г. тот будет встречать Бунина и Муромцеву прямо у парохода. Поездку 1903 г. Муромцева считала «одним из самых важных, благотворных и поэтических событий в его духовной жизни» [10, с. 225], — поездку 1907 г. сам Бунин в одном из ключевых своих рассказов «Роза Иерихона» описывал как «дальнее странствие, брачное путешествие, бывшее вместе с тем и паломничеством во святую землю Господа нашего Иисуса Христа» [1, с. 100]. Схожее возвышенное настроение, календарное наслоение приездов (оба пришлись на апрель), понятные совпадения дорожных впечатлений, тождество проводника (и в реальном, и в функционально-символическом плане) способствовали созданию синтетического образа Стамбула в путевом очерке «Тень Птицы», который Бунин поставил в начало своей книги «Храм Солнца». Общими в позднем изложении Муромцевой-Буниной и в написанном после поездки 1907 г. очерке Бунина оказываются и характерные приметы города: Босфор, Золотой Рог, Скутари (на азиатском берегу), Айя-София, Башня Христа в Галате (на европейском берегу), суфийские дервиши, переулки, торговцы, главные книги, которые Бунин брал с собой, отправляясь на Восток: Коран и «Тезкират» Саади.

¹¹ См. предыд. примеч. В этом письме Бунин, после первой в его жизни морской качки, едва ли не зарекался: «Нет, думаю, в жизни никогда больше не поеду», — но сойдя на берег и оказавшись в новом для себя мире, как будто забыл о тяготах пути и впоследствии много раз нарушал данное самому себе опрочечивое слово.

Слитность повествования не позволяет отделить опыт первой поездки от последующих переживаний. Очевидно, что путевой очерк, написанный после поездки 1907 г., послужил одним из источников и для жизнеописания, предпринятого его женой, — в нем она прямо ссылается на «Тень Птицы», оговаривая, что «там все из впечатлений его пребывания в Константинополе в 1903 году, в ту “незабвенную весну”» [10, с. 228]¹². При этом жена Бунина ошибается, когда пишет о его пребывании в Константинополе «в течение месяца», — в тот раз он провел там меньше недели¹³. Но, видимо, этого времени хватило, чтобы уже в апреле 1903 г. писатель успел составить себе о Константинополе весьма полное представление, так что через четыре года спутница Бунина «была поражена его знанием этого сказочного города» [10, с. 225].

По следам первой поездки в Константинополь будет создано около 50 стихотворений, главным образом посвященных исламу или овеванных общим восточным колоритом; 19 из них образуют в третьем томе собрания сочинений Бунина 1906 г. [5] цикл «Ислам»¹⁴. Как подытожила Муромцева-Бунина, «Византия мало тронула в те дни Бунина, он не почувствовал ее, зато Ислам вошел глубоко в его душу» [10, с. 225]. Иные акценты, обусловленные продлением восточного маршрута в Палестину и далее в Северную Африку, возникнут в ходе следующей поездки¹⁵.

Литература

1. *Бунин И.А.* Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 234 с.

¹² Очевидно, В.Н. Муромцева-Бунина опирается на запись Бунина в авторском экземпляре первого тома собрания сочинений 1934–1936 гг., сделанную под текстом «Тени Птицы»: «P.S. Это рассказ о моем первом посещении Турции (в 1903 г.), ничем не связанный с рассказами последующими (о путешествии во Св. Землю в 1907 г.), кроме общего заглавия («Тень Птицы»)» (РАЛ (Русский архив в Лидсе). MS 1066/10157. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1: Храм Солнца. С. 200.). Однако и ход повествования в первых главах очерка, во много построенный на воспоминании, и встреча с уже определенно знакомым Бунину проводником Герасимом, ожидавшим его в порту, опровергают это указание.

¹³ См.: [8, с. 503–505].

¹⁴ Подробнее см.: [7].

¹⁵ Любопытно, что как ялтинские встречи с Чеховым предваряли «рывок» Бунина через Черное море на юг, так и после возвращения в Россию Бунин именно с Чеховым (но уже в Москве, в мае 1903 г.) «делился своими впечатлениями <...> Антон Павлович из московских знакомых его был единственный, который побывал в Константинополе, хотя Востоком не увлекся» [10, с. 230].

2. *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.

3. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. 622 с.

4. *Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. (Новая Библиотека поэта.)

5. *Бунин И.А.* Соч. СПб.: Изд. «Знание», 1906. Т. 3: Стихотворения 1903–1906. 214 с.

6. *Двинятина Т.М.* Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т. СПб.: Вита Нова, 2020. (Жизнеописания.)

7. *Двинятина Т.М.* Стихотворения И.А. Бунина из книги «Храм Солнца» (1917): контекст и конспект ближневосточной лирики // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 890–899. (Академический Бунин; 3.) <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-890-899>

8. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1 (1870–1909) / сост. С.Н. Морозов. 944 с.

9. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: в 4 кн. Кн. 1 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. 1184 с.

10. *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. 512 с.

11. *Пonomарев Е.Р.* Книга очерков «Храм Солнца»: проблема заглавия и основного текста // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 881–889. (Академический Бунин; 3.) <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-881-889>

12. *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 934–952. (Академический Бунин; 3.) <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-934-952>

Research Article

Ivan Bunin on the Way to Palestine (1889–1903)

© 2022. Tatiana M. Dvinyatina, Sergey N. Morozov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-41004 “Ivan Bunin and Palestine.”

Abstract: Journeys to the Middle East occupied a special place in the life and works of Ivan Bunin. His journey to Palestine in the spring of 1907 was of central importance to him. However, this journey had a long pre-history in Bunin's life. This article tracks the development of Bunin's idea of distant voyages, the significance of the Crimea and Odessa in his life and perception of the world. From there began routes to distant lands, and the first for Bunin was his journey to Constantinople in the spring of 1903. The materials of the research includes biographical and documentary evidences.

Keywords: I.A. Bunin, Palestine, biography, travel, “The Temple of the Sun,” 1917.

Information about the authors: Tatiana M. Dvinyatina — DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-6910>

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

Sergey N. Morozov — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

For citation: Dvinyatina, T.M., Morozov, S.N. “Ivan Bunin on the Way to Palestine (1889–1903).” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 2 (24), pp. 54–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-54-63>

References

1. Bunin, I.A. *Vesnoi, v Iudee. Roza Ierikhona [Judea in Spring. Rose of Jerico]*. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1953. 234 p. (In Russ.)
2. Bunin, I.A. *Pis'ma 1885–1904 godov [Letters. 1885–1904]*, ex. ed. by O.N. Mikhaylov, ed. and comm. by S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. 768 p. (In Russ.)
3. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii: v 9 t. [Collected Works: in 9 vols.]*, vol. 9, ed. by A.S. Miasnikov, B.S. Riurikov, A.T. Tvardovsky. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967. 622 p. (In Russ.)
4. Bunin, I.A. *Stikhotvoreniia: v 2 t. [Poems: in 2 vols.]*, ed. and comm. by T.M. Dvinyatina, series: New Poet's Library. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., Vita Nova Publ., 2014. (In Russ.)
5. Bunin, I.A. *Sochineniia [Works]*, vol. 3: *Stikhotvoreniia. 1903–1906 [Poems. 1903–1906]*. St. Petersburg, Izdanie tovarishchestva “Znanie” Publ., 1906. 214 p. (In Russ.)
6. Dvinyatina, T.M. *Ivan Bunin: Biograficheskii punktir: in 2 vols. [Ivan Bunin: Biography: in 2 vols.]*. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2020. (Series: Biographies).
7. Dvinyatina, T.M. “Stikhotvoreniia I.A. Bunina iz knigi ‘Khram Solntsa’ (1917): kontekst i konspekt blizhnovostochnoi liriki” [“The Poems from Ivan Bunin's Book ‘The Temple of the Sun’ (1917): Context and Summary of Bunin's Middle-Eastern Lyrical Poetry”]. *Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva [Ivan Bunin and his Time: Context of Life — History of Work]*, ex. ed. by T.M. Dvinyatina, S.N. Morozov, ed. by A.V. Bakunsev, E.R. Ponomarev, series: Academic View on Bunin. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 890–899. <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-890-899> (In Russ.)

8. *Letopis' zhiznii tvorchestva I.A. Bunina* [*The Chronicle of Ivan Bunin's Life and Works*], vol. 1: (1870–1909) [(1870–1909)], comp. S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)

9. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 110: *Novye materialy i issledovaniia: v 4 kn.* [I.A. Bunin. *New Materials and Research: in 4 books*], book 1, comp. O.A. Korostelev, S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 1184 p. (In Russ.)

10. Muromtseva-Bunina, V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu* [*The Life of Bunin. Conversations with Memory*], ed. and comm. by A.K. Baboreko. Moscow, Vagrius Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)

11. Ponomarev, E.R. *Kniga ocherkov "Khram Solntsa": problema zaglaviia i osnovnogo teksta* ["The Temple of the Sun, a Book of Travel Sketches by Ivan Bunin: The Problems of the Title and the Main Text"]. *Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva* [*Ivan Bunin and his Time: Context of Life — History of Work*], ex. ed. by T.M. Dvinyatina, S.N. Morozov, ed. by A.V. Bakuntsev, E.R. Ponomarev, series: *Academic View on Bunin*. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 881–889. <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-881-889> (In Russ.)

12. Shavlinsky, M.S. "Khram Solntsa' I.A. Bunina — neokonchennyi proekt osvoeniia Vostoka" ["The Temple of the Sun' by Ivan Bunin: an Unfinished Project for the Exploration of the East"]. *Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva* [*Ivan Bunin and his Time: Context of Life — History of Work*], ex. ed. by T.M. Dvinyatina, S.N. Morozov, ed. by A.V. Bakuntsev, E.R. Ponomarev, series: *Academic View on Bunin*. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 934–952. <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-934-952> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.03.2022

Одобрена после рецензирования: 11.04.2022

Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 01.03.2022

Approved after reviewing: 11.04.2022

Date of publication: 25.06.2022

Палестинское путешествие И.А. Бунина 1907 года: хроника и контекст

© 2022, Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-012-41004 «И.А. Бунин и Палестина».

Аннотация: Статья продолжает тему, которая была заявлена в предыдущей работе авторов. В настоящей работе подробно восстановлена хроника главного паломничества И.А. Бунина по Палестине в апреле-мае 1907 г. На основании всех имеющихся документальных данных предпринята попытка воссоздать конкретную ткань тех дней, когда И.А. Бунин и В.Н. Муромцева совершали свое «первое дальнее странствие, брачное путешествие, бывшее вместе с тем и паломничеством во святую землю Господа нашего Иисуса Христа» («Роза Иерихона»). Вместе с тем отмечено, в каких произведениях Бунина отразились непосредственные впечатления той поездки и какие следы она оставила в художественном и личном мировоззрении писателя. Однако, в отличие от многих исследований, посвященных теме Востока в творчестве И.А. Бунина, эта работа носит прежде всего биографический, хроникальный характер.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Палестина, биография, путешествия, сборник «Храм Солнца» (1917).

Информация об авторах: Татьяна Михайловна Двинятина — доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-6910>

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Для цитирования: Двинятина Т.М., Морозов С.Н. Палестинское путешествие И.А. Бунина 1907 года: хроника и контекст // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 64–94. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-64-94>

Палестинскому путешествию 1907 г. суждено было стать главным «паломничеством» Бунина на Ближний Восток. Ему предшествовало знакомство (в ноябре 1906 г.) с Верой Николаевной Муромцевой, ставшей с тех пор его гражданской женой, — именно она и настояла на этом маршруте [8, с. 294].

Палестиной в то время считалась область, расположенная от восточного берега Средиземного моря до Аравийской пустыни, от горы Хермон (Бунин называет ее Гермон) на севере до залива Акаба на юге. Хроника поездки с некоторыми дополнениями и поправками восстанавливается по дневниковым записям Бунина¹, некоторым главам в книге В.Н. Муромцевой-Буниной «Беседы с памятью» (первая из них символично называется «Новая жизнь»), которые во многом перекликаются с путевыми очерками Бунина², и письмам, посланным ими с дороги. Кроме того, само собой разумеется, что узловы́е моменты и главные впечатления путешествия отражены в стихах и путевых очерках Бунина, собранных в книге «Храм Солнца», имеющих собственный хронотоп и носящих не только документальный, но и художественный характер³. В данном изложении мы ограничимся минимальными отсылками к ним: дальнейшие параллели между бунинскими произведениями и событиями конкретных дней могут быть предметом специального рассмотрения, уже вне этой статьи.

Собственно хроника этих дней выглядит следующим образом.

10 апреля около 6 часов вечера Бунин и Муромцева уезжают из Москвы с Брянского вокзала. Их провожают мать и отец В.Н. Муромцевой Лидия Федоровна и Николай Андреевич Муромцевы, ее братья, Дмитрий Николаевич и Павел Николаевич Муромцевы, брат Бунина Юлий Алексеевич, двоюродные племянники Бунина Николай Алексеевич и Дмитрий Алексеевич Пушешниковы, московские друзья Е.Е. и З.Е. Шрейдеры, С.К. Одарченко и др. «Погода была скверная, моросил дождь, — приметы, как говорят, хорошие» [8, с. 295].

¹ Как будет ясно из дальнейшего изложения, сохранились записи Бунина от 25 апреля (авторская датировка «23 апреля» ошибочна, см. далее), с 6 по 13 мая, затем от 15 и 16 мая 1907 г., см.: [7, с. 22–26].

² Вполне возможно, что В.Н. Муромцева тоже вела путевой дневник, на основе которого позже были созданы «Беседы с памятью», но ее записи 1907 г. не известны.

³ Маршрут, который можно восстановить по очеркам Бунина, отличается от реального. В «Храме Солнца» после Стамбула и Греции (очерки «Тень Птицы», «Море богов») идет подробное описание Египта («Зодиакальный свет») и только потом Палестины («Иудея» и др.). В реальной хронологии впечатления «египетских» очерков относятся к пребыванию в Александрии и Каире на обратном пути *после* Палестины. Здесь и далее за основной вариант заглавий путевых очерков Бунина приняты заглавия, зафиксированные в издании «Храма Солнца» 1917 г.; изменения заглавий и редакций текстов оговариваются отдельно.

Назавтра, **11 апреля**, около 6 часов вечера они приезжают в Киев. «Три-четыре часа отдыха от вагонной тряски. Взяли извозчика и поехали в Софийский собор. Там почти жуткие впечатления сумрачности, древности. Затем Крещатик с нарядной, уже по-южному легко одетой толпой. <...> С обрыва, над которым высится памятник св. Владимиру, открываются бесконечные дали <...>» [8, с. 297].

12 апреля — Одесса. На вокзале Бунин и Муромцеву встречает П.А. Нилус, вместе с ним и А.М. Федоровым они завтракают в ресторане «Петербургской гостиницы», где Бунин с Нилусом «сочинили очень тонкий завтрак из южных блюд», а Федоров, «большой любитель плаваний по морям, уже побывавший в Японии и недавно вернувшийся из Нью-Йорка», рассказывал о своих восточных странствиях. Это первая встреча Муромцевой с близкими друзьями Бунина в Одессе. Потом Бунин узнает пароходное расписание и покупает билеты до Константинополя на послезавтра, 14 апреля. В этот момент у него еще нет точного плана: «Доплывем до Константинополя, понравится — пойдем дальше, не понравится — сядем в экспресс и через двое суток в Вене». «Ян был очень возбужден Одессой, свежим весенним утром, предстоящим путешествием и с какой-то необыкновенной радостью стал поименно называть мне пароходы, объяснять, какому обществу принадлежит тот или другой <...>». Вечер Бунин проводит в компании своих друзей, членов Товарищества южнорусских художников [8, с. 298–301]⁴.

На следующий день, **13 апреля**, накануне отплытия, Бунин и Муромцева выбирают себе каюту на пароходе, на котором Бунин чувствует себя «как у себя дома». В пять часов вечера едут на дачу А.М. Федорова в Отраду, туда же приезжают П.А. Нилус, В.П. Куровский, Т.Я. Дворников. За столом шутят, говорят о литературе, Федоров и Бунин читают свои стихи, Бунин читает «Стамбул». Муромцева слышит его впервые, очевидно, что Бунин готовит ее ко встрече с этим городом. Затем все отправились в пивную Брунса, которая «была тогда одной из достопримечательностей Одессы» и куда «к 11 часам вечера стеклись все художники, желавшие легко и дешево закусить», и засиделись там допоздна (см.: [8, с. 301–304]).

Наконец, **14 апреля** пароход отправляется в рейс. Буниным владеет обычное возбуждение от предстоящей дороги. «Ян уже весь в нетерпении», — записывает Муромцева. В каюте он достает взятые

⁴ Здесь и далее ссылки на источники внутри изложения событий одного дня как правило даются суммарно; в случае нескольких источников соотнесенность их с цитатами определенно следует из контекста. За уточнение топонимических реалий бунинского путешествия благодарим Н. Хеймец и М.С. Цавлинского.

с собой книги, между ними Саади. «Он не говорит, но я чувствую, что и ему хотелось бы совершить подобный жизненный путь» (см.: [8, с. 305–306])⁵. В открытке, посланной по прибытии матери Муромцевой, Л.Ф. Муромцевой, сказано: «Доехали до Константинополя» очень спокойно. Не качало» [3, с. 47].

15 (28) апреля⁶ пароход входит в Босфор и прибывает в Константинополь. На подходе к городу Бунин вспоминает знакомые места. «Ян называет мне дворцы, мимо которых мы проходим, сады, посольство, кладбище <...> он знает Константинополь не хуже Москвы... /7<...> говорит о ветхости и запустении этого, по его словам, самого лучшего города в мире». Еще с борта парохода Бунин замечает знакомого проводника: «Толстый в очках человек с зонтиком под мышкой приветливо машет ему черной шляпой. Это и есть тот самый Герасим <...>» [8, с. 308]. В первый же день, остановившись на афонском подворье, Бунин и Муромцева посылают открытки родным и знакомым в Москву и идут в город. Брату Муромцевой Всеволоду Николаевичу пишут: «Сегодня уже успели пошататься по Константинополю» [3, с. 47]. Афонское подворье находилось в Галате, на европейском берегу Босфора. По воспоминаниям Муромцевой, от подворья они спустились к Золотому Рогу, по мосту Валидэ перешли на другой берег бухты, «в тихий и темный Стамбул. / Да, здесь смесь Византии и Востока, Турции. Ян восхищается всем турецким, а византийское его раздражает», — повторяет Муромцева главный вывод уже первого бунинского посещения этого города. «Мы долго бродим вокруг мечетей по темным улочкам, мимо деревянных домов с выступами и решетчатыми окнами... Потом попадаем на ухабистую площадь с тремя памятниками: это знаменитый Византийский ипподром. Белеет сквозь сумрак султанская мечеть Ахмедия со своими минаретами. Вокруг ветхость и запустение, это необыкновенно идет к Стамбулу. / <...> В Галате заходим в кофейню и пьем настоящий турецкий кофе» [8, с. 309]⁸.

⁵ Ср. цитаты из Саади в очерке Бунина «Тень Птицы», в т. ч.: «Родившись, употребил он тридцать лет на приобретение познаний, тридцать на странствования и тридцать на размышления, созерцание и творчество» [4, т. 9, с. 315], — Муромцева-Бунина приводила ее, когда писала о первой поездке 32-летнего Бунина в Константинополь [8, с. 226].

⁶ Даты, относящиеся к пребыванию Буниных за границей, даны по юлианскому и григорианскому (в скобках) календарям.

⁷ Здесь и далее знаком «слэш» (/) обозначены абзацные отступы в небольших цитатах, включенных в общее изложение.

⁸ Тут же Муромцева-Бунина замечает: «На каждом шагу собаки, безмятежно спящие среди улиц», — и спрашивает Бунина начальными строками недавно услышанного стихотворения «Стамбул»: «Облезлые худые кобели... Потомки тех,

На другой день, **16 (29) апреля**, Бунин и Муромцева в сопровождении Герасима гуляют по городу, приходят к Сералю, главному дворцу Османской империи, расположенному на мысу, который разделяет Золотой Рог и Мраморное море. Заходят в Айя-Софию — ей Бунин уже посвятил одноименное стихотворение («Айя-София»), и если судить по воспоминаниям его жены, то в это посещение повторяются бунинские впечатления первой поездки (возможно, Муромцева была подготовлена известным ей текстом и обращала внимание на детали, уже описанные Буниным⁹). Проходят Большой Базар, обедают в «восточном ресторане», поднимаются на Галатскую Башню. Здесь сказывается разность восприятия: радостного открытия — у Муромцевой, философской печали, оксюморонного выражения и его собственного мирозерцания — у Бунина. «Выйдя на вышку-балкон, опоясывающий Башню, я положительно забываю все; Малоазиатский берег с волнистыми хребтами, Мраморное море, Босфор с крохотными судами, весь Константинополь со своими пригородами — всё у нас под ногами... <...>

— И все это Поля Мертвых, — грустно говорит Ян. — И в этом запустении и умирании и есть бесконечная прелесть этой страны.

что из степи пришли?» — Бунину это нравится [8, с. 309]. Можно было бы сказать, что в Галате впервые проявила себя его Галатея.

⁹ Так, в мемуарах жены остается главное впечатление: «Все огромное пространство храма так наполнено светом и солнцем, что охватывает радость. Вверху летают голуби...», — и оно варьирует строки бунинской «Айя-Софии», которые она вспоминает и цитирует тут же:

А утром храм был светел. Все молчало
В смиренной и священной тишине,
И солнце ярко купол озаряло
В непостижимой вышине.

И голуби в нем, рея, ворковали,
И с вышины, из каждого окна,
Простор небес и воздух сладко звали
К тебе, Любовь, к тебе, Весна! [8, с. 311].

Примечательно, что не попавшие в мемуары детали, отраженные в начальных строках построенного на контрастах стихотворения Бунина (чтение Великим Шейхом Корана перед молящимися, отнесенное к вечернему времени), появляются в тексте открытки, которую Муромцева на другой день пишет А.Г. Гусакову: «Айя-София очаровательна. Интересно, как там преподают Коран. На полу сидит “профессор”, а вокруг него “студенты” слушают “лекцию»» (цит. по: [5, с. 653]). Ту же картину, как «будущие служители Аллаха» сидели «вокруг почтенного муллы» и «отвечали наизусть Суры Корана», Бунины застанут и при посещении Айя-Софии на обратном пути в Одессу, 20 мая (2 июня) (см.: [8, с. 364]), а также стихотворение Бунина «Люцифер» (1908), начинающееся словами: «В святой Софии голуби летали, Гнусил мулла <...>».

Последние два часа мы решили провести, по совету Герасима, на Сладких Водах¹⁰. Наняли ялик с бархатными подушками и медленно поплыли» [8, с. 309–313]. Вечером они возвращаются на пароход, который наутро продолжает свой путь на юг¹¹.

Весь следующий день, **17 (30) апреля**, занимает плавание по Мраморному морю, — позже Бунин посвятит ему путевой очерк «Море богов». Утром пароход проходит вдоль стамбульских берегов, и Муромцева описывает их так: «Справа тянулись стены дворца Константина, а слева, на скутарийском берегу, темная стена кипарисов. Впереди, в голубой дымке, смутно намечались Принцезы острова, а за ними в небесной высоте — Малоазиатские горы со своим снежным Олимпом». По ее словам, Бунин «говорил об “алтарях” солнца, то, что он потом развил в своей книге “Храм Солнца”, высказывал пожелание уехать на несколько лет из России, совершить кругосветное путешествие, побывать в Африке, Южной Америке, на островах Таити...» [8, с. 314]. Вечером корабль проходит мимо Галлиполи и уже совсем в темноте — через Дарданеллы. Кажется, как раз вернувшись с палубы в каюту, Бунин пишет Д.А. Пушешникову едва ли не самое большое из сохранившихся писем этой поездки:

«17-го апр. 9 часов вечера. Сейчас прошли Дарданеллы. Уже темно, видели только разноцветные огни на берегах. Весь день прохладно, приятно и штиль. Пока — путешествие дивное. Целую. Вера кланяется. Ив. Бунин» [3, с. 48].

18 апреля (1 мая) пароход прибывает в греческий порт Пирей. Еще утром, когда шли мимо островов Архипелага¹², Бунин вспоминает Аю-Даг и Балаклаву, выходит с биноклем на палубу и смотрит на Акрополь, который поражает его своей древностью: «Акрополь — совсем из какого-то другого мира, тогда и человечество было другое», — говорит он Муромцевой. После завтрака они едут на поезде в Афины, там нанимают экипаж, и, когда подъезжают к Акрополю, Бунин «выскакивает из экипажа, бежит к входу, пробитому в гранитной стене, окружающей Акрополь внизу, и быстро

¹⁰ Район богатых vill на азиатском берегу Босфора.

¹¹ Билеты на дальнейший путь Бунин купил, видимо, прямо в этот день или накануне.

¹² «Архипелаг» как имя собственное используется для обозначения группы островов в Эгейском море. Стихотворение Бунина «В Архипелаге» (1908), во многих своих чертах совпадая с описанием этого (и следующего) дня в книге Муромцевой-Буниной (вплоть до сна, внезапно наступившего Бунина на другой день на палубе корабля в море), все-таки не является поэтическим переложением реальных событий, отвергая эту напрашивающуюся возможность уже в первых словах: «Осенний день в лиловой крупной зыби...». См. также далее о впечатлениях от Архипелага 17 (30) мая (на обратном пути из Пирея в Одессу) и примеч. 39.

поднимается по широкой мраморной лестнице к Пропилеям». Потом они сидят на ступенях Парфенона, смотрят на простирающуюся перед ними даль, Бунин «поднимает небольшой кусок мрамора и говорит, что ни за что не расстанется с ним, тайком унесет с собой...». К 6 часам вечера Бунин и Муромцева возвращаются на пароход, едва успевая к его отплытию — дальше, через Эгейское море на Крит (см.: [8, с. 315–317]).

Весь день **19 апреля (2 мая)** — на корабле. Он идет мимо Крита, не останавливаясь. Бунин и Муромцева «сидели в креслах на спардеке, говорили о том, что завтра Африка, Египет, Александрия... Зной чувствовался уже на пароходе <...>» [8, с. 317].

«На следующее утро <**20 апреля (3 мая)**> мы с волнением увидели берег Африки. <...> Медленно надвигался на нас песчаный берег с белым городом, с финиковыми пальмами, необыкновенно высокими и тонкими» (там же). В Александрии, сойдя на берег, Бунин и Муромцева нанимают экипаж и едут в гостиницу недалеко от порта, остаются там, пока не спадет жара, пишут открытки родным и друзьям. Бунин пишет Н.А. Пушешникову, М.П. Чеховой, с которой они еще в прошлом году думали о совместных путешествиях: «Кланяюсь Вам, дорогой друг, из Африки!», и короткое деловое письмо в контору «Знания» С.П. Боголюбову, заканчивающееся словами: «Шатаюсь по Востоку. Из Египта иду в Сирию и Палестину» (см.: [3, с. 48–49]). Затем выходят в город, берут билеты на завтрашний пароход до Яффы, заходят на почту и осматривают достопримечательности, которых «немного: катакомбы, <...> Колонна Помпея, маяк, конный памятник Али — вот, кажется, и все». Но в отсутствии памятников «бросается в глаза смешение туземных кварталов с европейскими домами и отелями на широких улицах и просторных площадях». И вообще, в Александрии «еще больше, чем в Константинополе, поражает пестрота Востока, смешанная с щегольством Европы». Ужин — в ресторане, где подают «необыкновенно вкусный кебаб — род шашлыка на коротеньких деревянных палочках» и к нему красное вино, которое кажется «очень терпким и тяжелым». Вечером Бунин «был так хорошо настроен, что даже читал <...> стихи» (см.: [8, с. 318–319]). Впечатления от Александрии отразились и в путевом очерке Бунина «Зодиакальный свет» (позднее заглавие «Свет Зодиака», при этом часть первоначального текста была выделена Буниным в очерк «Дельта»).

Утром **21 апреля (4 мая)** в кафе Бунин и Муромцева пишут еще несколько открыток. Это Страстная суббота, их мысли обращены к родным, которые готовятся к Пасхе, в то время как им предстоит

провести Светлую ночь в открытом море. После завтрака Бунин «томительно-долго» ходит по табачным лавкам, а потом уже пора собираться на пароход. Среди его пассажиров они замечают русских евреев, направляющихся в Иерусалим, одно лицо кажется им знакомым, — назавтра оказывается, что это пианист Давид Соломонович Шор, который вместе со своим отцом Соломоном Моисеевичем тоже плывет в Палестину: у Д.С. Шора там намечены концерты, для его отца это первое долгожданное посещение Земли обетованной. Муромцевой Д.С. Шор известен по музыкальным вечерам в Москве (см.: [8, с. 319–320]).

На другой день, **22 апреля (5 мая)**, маленький пароход, на котором плыли путешественники, ненадолго пристает в Порт-Саиде на северо-восточном побережье Египта. Муромцева-Бунина описывает его как «плоский треугольный городок с очень высокими домами, гостиницами, построенными из стекла и железа». Оттуда снова посылаются несколько открыток в Россию. Тем же днем пароход совершает следующий переход: из Порт-Саида — в Яффу. На берегу «происходит процедура с паспортами... И наконец вступаем во Святую землю»¹³. Еще не поздно: Бунины останавливаются в том же отеле, где Шоры, и «часа в четыре» выходят «побродить по городу». Меняют деньги, снова пьют турецкий кофе («привыкаем пить его по несколько раз в день»), осматривают базар, выходят на окраину Яффы. Бунин «говорит о Христе, о том, что он “чувствует Его живым, каким Он ходил по этой знойной земле”...» (см.: [8, с. 320–322]). Вечер проводят, видимо, вместе с Шорами, обсуждая дальнейший маршрут: решают завтра ехать в Иерусалим.

Наутро **23 апреля (6 мая)** Бунин и Муромцева идут на базар запастись едой на дорогу. Позже, сравнивая базар в Яффе с другими, Муромцева скажет: «<...> Яффа еще не Палестина в смысле религиозном, здесь только Восток, здесь нет ни строгости Иудеи, ни нежности Галилеи. Яффа могла бы быть приморским городом какой угодно восточной страны». В полдень Бунины и Шоры отправляются в Иерусалим. Поезд идет по долине, в окнах видны «Лидда и Рамлэ — крохотные арабские городки с ярко-белыми домиками»,

¹³ «Процедура с паспортами» заключалась в том, что паспорта Бунина и Муромцевой были отданы вместе с паспортами Шоров: они, как еврей-паломники, получали вместо паспортов «розовые билеты», имевшие ограниченный срок действия и не дававшие права свободного передвижения. Чтобы вернуть паспорта Бунин перед поездкой в Галилею посетил русского консула в Иерусалиме А.Г. Яковлева, тот в просьбе отказал, и паспорта Бунину и Муромцевой были возвращены только в Яффе, откуда они и отправились в Галилею, см. ниже, события 8–11 (21–24) мая 1907 г. Это и ряд других существенных обстоятельств бунинского путешествия описаны в [9].

по местам, «где Давид сразил Голиафа, где Иисус Навин воскликнул: “Стой, солнце!”»¹⁴, — начинается «как бы овеществление Библии». Железная дорога поднимается по Иудейским горам наверх, под вечер поезд прибывает в Иерусалим. Бунины вместе с Шорами и, видимо, по их совету едут «в какой-то еврейский пансион» в Новом Иерусалиме, находящемся к северо-западу от Старого города¹⁵. «Здесь, на скатах холмов, много вилл, садов, маслиновых рощ, каких-то больших скучных белых зданий: это всякие приюты, школы, госпиталя, миссии различных вероисповеданий»¹⁶. Вечером Бунин и Муромцева гуляют, Бунин снова «говорит о Христе» и дает Муромцевой читать Евангелие (см.: [8, с. 322–323]).

В течение следующей недели Бунин и Муромцева живут в Иерусалиме, совершая оттуда поездки по окрестностям. Позже Бунин опишет их в очерках «Иудея» (в издании 1931 г. из него будет выделен очерк «Камень»), «Пустыня дьявола», «Мертвое море» (позднее заглавие «Страна Содомская») и «Геннисарет».

24 апреля (7 мая) они осматривают Старый город. Еще до завтрака идут через Западные (Яффские) ворота мимо Цитадели (Башни) Давида к Храму Гроба Господня, застают там греческую службу (это Светлая Среда). Муромцева-Бунина подробно рассказывает о своих переживаниях, только один раз объединяя их с бунинскими: «Голгофа — второй этаж церкви. Тут мы довольно долго стоим в сумрачной тишине, в каком-то жутком оцепенении... Православная служба идет внизу, в подземной церкви. Но мы еще во власти впечатления от Голгофы, и блеск, пышность богослужения оставляют нас холодными». На обратном пути в отель Бунин договаривается с хозяевами другой гостиницы. Это «Central Hotel» у Яффских ворот¹⁷, через два дня в нем освободится комната, Бунины переедут в него, чтобы жить внутри стен

¹⁴ Сюжет, который лег в основу стихотворения Бунина «Стой, солнце!» (1916).

¹⁵ Видимо, это был «Kaminitz Hotel» на пересечении ул. Яффо и современной ул. Пророков (Ха-Невиим), принадлежавший семье Каминиц, которая владела сетью отелей в Хевроне, Яффе, Иерихоне и Иерусалиме. Сохранился счет Бунина за проживание, оплаченный 30 апреля (13 мая) 1907 г.: ОГЛИМТ. Ф. 14, № 2945/6 оф.

¹⁶ Среди отмеченных Муромцевой примет «русские паломники <...>, францисканские монахи в сандалиях на босу ногу, опоясанные веревкой, евреи с пейсами в круглых черных шляпах <...>, мрачные, греческого типа монахи, наконец, обыкновенные туристы, которые здесь кажутся очень необыкновенными...», — все эти «населники» Святой земли еще не раз будут упоминаться в «Беседах с памятью», а францисканский монах появится в стихотворении Бунина «Смерть» (1907; поздний вариант этого заглавия — «Воскресение»).

¹⁷ «Central Hotel» (гостиница «Центральная») принадлежал И. Амдурскому. Сохранился счет Бунина за проживание, он оплачен 13 мая (год не указан, по всей видимости, это был именно 1907 г.): ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2945/56 оф. См. описание этого отеля в рассказе Бунина «Весной, в Иудее» (1946). Историю обоих адресов Бунина в Иерусалиме см.: URL: <https://new.antho.net/wp/jj03-goldman/>.

Старого города. В своем пансионе Бунин и Муромцева завтракают с Шорами и соглашаются на предложение (видимо, старшего из них) поехать завтра в Хеврон и Вифлеем. Во второй половине дня нанимают «фаэтон» (Муромцевой привычнее называть его коляской, и она берет это слово в кавычки; в бунинских очерках оно идет без них) и, огибая Иерусалим с севера, едут на Елеонскую (Масличную) гору. Дорога идет мимо Дамасских (Шхемских) ворот и затем по долине Кедрона, она же Иосафатова долина и место будущего Страшного Суда¹⁸, о чем Бунин рассказывает по пути своей спутнице, и она признается: «Меня все более удивляют его знание Библии, Корана и его замечательная память». На Елеонской горе посещают «православный храм» (видимо, Спасо-Вознесенский монастырь), поднимаются на его колокольню (ее высота 64 м, и это самое высокое здание в городе). Уже вечереет, они оглядываются, смотрят, как солнце «обливает» Иерусалим «золотым блеском», и различают на востоке «ярко-голубую полоску — Мертвое море». На обратном пути думали остановиться у Гефсиманского сада и Гробницы Богородицы — вероятно, так оно и было, но Муромцева-Бунина пропускает их в своем описании и рассказывает дальше: «У Дамасских ворот мы отпускаем извозчика и идем в Иерусалим тем же путем, каким шел Христос на Голгофу, то есть по Виа Долороза. Все время этого крестного пути мы находились в каком-то напряженном состоянии, и сейчас, когда я пишу, я еще испытываю жуткое чувство...» (см.: [8, с. 323–326]).

Поездка Буниных с С.М. и Д.С. Шорами по Иудейским горам, в Вифлеем и Хеврон **25 апреля (8 мая)** оказывается одним из самых поэтически насыщенных событий всего путешествия¹⁹. Через Гигонскую (Енномову) долину и долину Рефаимов, имеющих «жи-

¹⁸ См. стихотворение Бунина «Долина Иосафата» (1908).

¹⁹ Описание Муромцевой-Буниной насыщено дорожными приметами, которые попадают в бунинские стихи: «встречные овечьи отары с ветхозаветными пастухами в полосатых абаях» (они привлекли внимание Буниных и в следующие дни) — в стихотворение «Бедуин», черные козы — в стихотворение «Бог полдня» («Я черных коз пасла с меньшей сестрой...»), звезда на полу храма Рождества Христова (на том месте, где стояли ясли) — в стихотворение «Источник Звезды. Сирийский апокриф», услышанное от Шоров предание о том, как кровь убитых окрашивает цветы мака, — в стихотворение «Иерусалим», сам Хеврон — в стихотворение «На пути под Хевроном...», гробница Рахили, которую путники посетили в Хевроне, — и в предыдущее из названных стихотворений (с финальным «и темно было в древней гробнице Рахили»), и в стихотворение «Гробница Рахили», и т. д. Видимо, Буниным владело в тот день приподнятое поэтическое настроение, в Вифлееме он «неожиданно прочел» свое стихотворение «Авраам. Коран, IV» — переложение одного из сказаний шестой суры Корана о том, как Бог наставлял Авраама в веру. Очевидно, что всё виденное и прочувствованное Буниным во время палестинского путешествия оставило глубокий след в его душе и творчестве, но даже на этом фоне 25 апреля выделяется особо.

вописный и радостный вид», они приезжают в Вифлеем и посещают храм Рождества Христова. Потом завтракают, и Бунин покупает себе пробковый шлем²⁰. За Вифлеемом характер дороги резко меняется: паломникам кажется, что перед ними «настоящая Иудея», безлюдная местность, в которой почти нет «возделанной земли — только сизо-серые глыбы и повсюду мак»²¹. Перед Хевроном путешественники осматривают водоемы Соломона и «остатки крепости Саладина» (так Муромцева называет руины турецкого форта, построенного в XVII в. для солдат, охранявших бассейны с водой и торговые пути, идущие мимо них). В Хевроне, который находится «в руках мусульман» и кажется Буниным грязным «даже для восточного города», они приходят к пещере Патриархов, где похоронены Авраам, Исаак и Иаков и их жены Сарра, Ревекка и Лия. На обратном пути заезжают поклониться гробнице Рахили (это «небольшая белая ротонда под куполом» на северной окраине Вифлеема). Спускается ночь, «кругом тишина, пустыньность, звезды», «ощущение поэзии этого мирного вечера над могилой праматери» нарушается скандалом местных жителей, и путники в молчании возвращаются в Иерусалим (см.: [8, с. 327–329]). К этому дню относится первая за всю поездку запись Бунина, кратко фиксирующая события дня: «На пути из Хеврона, в темноте, вдали огни Иерусалима. Часовня Рахили при дороге. Внутри висят фонарь, лампа и люстра с лампадками. Но горит, трещит только одна из них. Старик Шор зашел за большую гробницу, беленую мелом, прислонился к стене и начал, качаясь, молиться. / Наш извозчик еврей из Америки. Когда вышли, услышали крик в темноте возле нашей повозки: он чуть не подрался с каким-то проезжим, дико ругался, не обращал ни малейшего внимания на гробницу своей праматери»²².

На **26–27 апреля (9–10 мая)** была намечена поездка на Мертвое море. Утром 26 апреля Бунин и Муромцева еще идут к Стене Плача. По пути заходят в ту гостиницу, которую присмотрели позавчера, и отдают распоряжение насчет переноса туда их багажа²³. Затем,

²⁰ По-видимому, в нем Бунин запечатлен на фотографиях, сделанных во время поездки на Цейлон 1911 г.

²¹ Ср. в стихотворении Бунина «Караван» (1908): «И млечной синью горы Иудеи / Свой зыбкий кряж означили во мгле».

²² См.: [7, с. 22]. Датировка «23 апреля 1907 г.» по всей вероятности, является ошибкой Бунина при позднем переписывании. В записях Д.С. Шора фиксируется несдержанное поведение Бунина в этой ситуации, см. в частности [9, с. 135].

²³ Вероятно, тогда же зашли и на почту, см. почтовую открытку Бунина А.Н. Чеботаревской («Поклон из Ерусалима!»), датированную этим днем. Позже, вечером этого дня, уже из Иерихона, Бунин пишет короткие открытки Ю.И. Айхенвальду и В.С. Миролюбову. См.: [3, с. 49–50].

как и было условлено накануне, вместе Д.С. Шором (он попросил взять за компанию еще одного человека) отправляются в Вифанию. «До Вифании мы не останавливались и уже как на знакомые места смотрели на Кедрон, Иосафатову долину, на Гефсиманский сад, на Елеонскую гору». Преодолев около 30 км с двумя привалами — в Вифании («крохотное селение, состоящее из серых домиков, фиговых деревьев, кривых улочек, чумазных детей, убогих стариков» и т. д.), где они посетили могилу Лазаря, и у источника Апостолов, где поили лошадей, а внимание Бунина вновь привлекли бедуины²⁴, — путники к вечеру добираются до Иерихона (перед ним еще заезжают к горе Искушения на северо-западной окраине города). Переживание звездной тропической ночи, напоенной «всевозможными ароматами <...> и звоном цикад», осталось в стихотворении Бунина «Иерихон», его очерке «Пустыня дьявола» и подробно описаны в воспоминаниях В.Н. Муромцевой-Буниной (см.: [8, с. 329–332]).

27 апреля, затемно выехав из Иерихона, расположенного к северу от Мертвого моря, путешественники едут на восточный берег и встречают рассвет в Моаве. Муромцева-Бунина описывает это как одно из самых сильных переживаний тех дней: «Поднимаемся на пригорок и ждем. <...> / И когда этот шар <т. е. солнце> “вырвался” <из-за гор> и залил своим блеском всю лежащую перед ним страну, мы сразу почувствовали всю мощь его и тот страх, который он внушал древним и заставлял обожествлять себя. Недаром по всей этой пустыне разбросаны огромные каменные диски, которые попадались и нам по пути, — жертвенники Ваалу-Солнцу». Далее путники отправляются к Иордану («на первый взгляд — небольшая речка средней России <...> Как-то не верится, что это именно было здесь Крещение Господне <...>») и на Мертвое море, впечатления от которого оказались смазаны из-за жгучего зноя, усталости и дремоты. Обратный путь в Иерусалим «был очень тяжок», но вечер на крыше нового отеля — «И до чего там было хорошо!», — видимо, искупил тяготы дороги (см.: [8, с. 333–334]).

Следующий день, **28 апреля (11 мая)**, Бунины провели в Иерусалиме. Сначала вместе с Д.С. Шором были на могиле царя Давида и, видимо, в Куполе Скалы на Храмовой горе (Муромцева-Бунина следует распространенной ошибке и называет его мечетью Омара); туда нужны были пропуска, их доставал Шор. Затем уже вдвоем — в храме Гроба Господня и, выйдя за стены Старого города, дошли до Сионской горницы на вершине горы Сион, где совершалась Тайная

²⁴ См. примеч. 1.

Вечеря («Небольшая, с низким потолком комната, неправильной формы, длинный узкий стол»). Вечером простились с Шором: на завтра он «ехал в Яффу давать концерты, потом в еврейские колонии» (см.: [8, с. 335–336]).

Утром **29 апреля (12 мая)** оказывается, что в Иерихоне насекомые искушали Бунину руки, и надо идти в аптеку, где ему прописывают «смазывать вспухнувшие места какой-то желтой мазью». Потом Бунин уходит, оставляя Муромцеву в отеле: ему «очень хотелось объехать верхом вокруг стен Иерусалима»²⁵, а она нуждается в отдыхе. Через несколько часов Бунин возвращается²⁶, и они вместе снова идут в храм Гроба Господня. По дороге покупают «Библию на тончайшей бумаге, а на паперти Храма кипарисовые четки, перламутровые образки, деревянные кресты и ящички», Муромцева несет освятить их к Гробу Господню. До заката бродят по городу, проходят по Виа Долороза и проводят последний вечер на крыше своего отеля. Еще утром они получили телеграмму от Шора: «Послезавтра отходит пароход в Бейрут, если едете, то будьте завтра в Яффе» — и решили воспользоваться этим предложением (см.: [8, с. 336–338]).

Перед отъездом из Иерусалима **30 апреля (13 мая)** Бунин и Муромцева идут на базар за провизией в дорогу. «Затем уже знакомое: фаэтон, вокзал, маленький поезд, путь в Яффу... Яффа, базар, взморье на закате. Наш пансион, Хаим²⁷, Шоры. Все нам рады. Вечером разработка плана дальнейшего путешествия. Выбираем морской путь до Бейрута, а оттуда на Баальбек, Дамаск, Генисаретское <так!> озеро, Тивериаду, Назарет, Кайфу, Порт-Саид, Каир и Александрию, из Александрии же прямо в Одессу, из Одессы в Москву, а на лето в деревню» [8, с. 338].

Видимо, Бунины и Шоры еще на два дня задержались в Яффе. Они могли осматривать сам город или ездить по его окрестностям, возможно, хлопотали о паспортах — более точными сведениями на сей счет мы не располагаем²⁸. Только вечером **3 (16) мая** Бунины и Шоры уплыли из Яффы в Бейрут и прибыли туда на следующий

²⁵ В юности Бунин часто ездил на лошади, но это, кажется, единственное свидетельство, что он ездил верхом и в Палестине.

²⁶ Тогда между ними происходит разговор, в котором Бунин объясняет особенность своего творческого восприятия. На вопрос, многое ли он записывает на память, отвечает: «В ранней молодости пробовал, старался, по совету Гоголя, все запомнить, записать, но ничего не выходило. У меня аппарат быстрый, что запомню, то крепко, а если сразу не войдет в меня, то, значит, душа моя этого не принимает и не примет, что бы я ни делал».

²⁷ Неустановленное лицо.

²⁸ Счет за проживание в «KamnitzHotel» оплачен 3 (16) мая 1907 г. (ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2945/8 оф.), см.: [5, с. 662]. В воспоминаниях Муромцевой-Буниной эти

день, — дорога описана в финале очерка Бунина «Иудея» (в издании 1931 г. эта часть стала самостоятельным очерком «Шеол»). В Бейруте «ездили по городу, выезжали за заставу: там много садов, вилл, увитых глициниями и другими цветами. За обедом пили густое палестинское красное вино», сам Бейрут — город «сирийский, восточный, без всяких памятников» (см.: [8, с. 338–340]).

4 (17) мая, в день прибытия в Бейрут, Бунин послал письмо Н.Д. Телешову: «Дорогой друг, совершаем отличное путешествие. Были в Царьграде, в Афинах, Александрии, Яффе, Иерусалиме, Иерихоне, Хевроне, у Мертвого моря! Теперь пишу тебе из Сирии, — из Бейрута. Завтра — в Дамаск, потом в Назарет, Тивериаду, Порт-Саид, Каир и, посмотревши пирамиды, —домой, снова через Афины» (см.: [3, с. 50]). Тем же вечером Бунины «распрощались со стариком Шором, прощанье было сердечное» [8, с. 340].

Утром **5 (18) мая** Бунин и Муромцева вместе с Д.С. Шором на поезде едут в Баальбек. Муромцева передает это так: «Дорога между Бейрутом и Баальбеком красива и разнообразна: сначала море, сплошные сады, виллы в цветах, затем мы поднимаемся по змеевидной дороге, которая на некотором расстоянии делается зубчатой. <...> Едем мы в третьем классе, — на Востоке мы ездим всегда в третьем классе, — здесь обычно можно увидеть что-либо интересное из туземной жизни, всмотришься в лица, в нравы» (ср. рассказ Бунина «Третий класс», основанный на цейлонских впечатлениях 1911 года). Далее следует подробное изложение маршрута: «Чем выше взбирается наш поезд, тем становится все прохладнее. <...> / После Софара²⁹ море пропало, мы уже в глубинах Ливана, и перед нами радостно сверкает над горной цепью какая-то новая снежная гора, вся как бы в серебряных галунах. / Перевал мы делаем около 11 часов утра. Тут уже настоящая горная свежесть, хотя высота и небольшая, всего 5000 футов над уровнем моря. <...> / После перевала — большой туннель. За ним огромная долина, на которой много распаханной земли. Теперь мы находимся между Ливаном и Антиливаном³⁰. <...> /

дни (1 и 2 мая) пропущены. О путанице с паспортами, которая могла привести к задержке в Яффе, см. примеч. 13.

²⁹ Софар (Sawfar, Сафар, Сауфар) — деревня в Горном Ливане, расположена рядом с главной дорогой Бейрут — Дамаск, населена преимущественно друзами.

³⁰ Отсюда Бунин впервые видит Хермон (Гермон), самую высокую гору (2236 м) высот Джаулана, см. стихотворение «Гермон» (1907). То же имя носит горный хребет на восток от Ливана, большую часть года покрытый снегом. Он был виден Бунину во время путешествия по Святой земле в течение нескольких дней с разных точек, см. далее.

В Райяке³¹ пересадка на Баальбек. / Почва тут красноватая, в редких посевах. / — Недаром, — говорит Ян, — существуют легенды, что рай был именно здесь, — вот и та самая глина, из которой Бог вылепил Адама...». В Баальбеке, древнейшем (XIV в. до н. э.) сирийском «городе Ваала» (греческое название города — Гелиополь), путешественники осматривают Храм Солнца. Первоначально посвященный богу солнца и плодородия Ваалу, он был перестроен римлянами и обращен в храм Юпитера. После землетрясения 1759 г. окончательно пришел в упадок: из 52 колонн храма осталось только шесть, каждая двадцать два метра в высоту и около семи метров в объёме. Первый осмотр храма прерывает гроза — Бунины и Шор едва успевают добраться до отеля. Но как только она стихает, снова идут к главной цели своего путешествия. «Мы долго бродим среди этих циклопических развалин, с каким-то недоумением взираем на колонны, которые вблизи кажутся еще более исполинскими». Они остаются там до заката, пока сторож не закрывает вход, и то Бунин еще «отвоевывает» у него «лишние полчаса». За обедом, который по времени скорее соответствует ужину, Бунин «восхищается тем, что он видел у колонн: сочетанием бледно-голубого неба с этими оранжево-красноватыми “поднебесными стволами”, безбрежной зеленой долиной, простирающейся за ними до хребтов, тишиной, нарушаемой лишь шумом воды...». После обеда Д.С. Шор играет Бетховена³², затем все вместе идут гулять. Жена Бунина вспоминает: «Вышли пройтись, полумесяц высоко стоял над развалинами и лил на них свой волшебный свет. Тут Ян неожиданно стал читать стихи. Он читал (все восточные свои стихотворения) как-то особенно, я никогда раньше, да, пожалуй, и потом не слыхала такого его чтения» (см.: [8, с. 340–343]).

Этим же днем датированы короткие восторженные открытки к Л.Ф. Муромцевой и М.П. Чеховой, на следующий день Бунин чуть более подробно пишет Н.А. Пушешникову: «Мы в Сирии, в Баальбеке, где находятся циклопически-грандиозные руины Храма Солнца — древнеримского. <...> Впечатления от дороги среди гор Ливана и Анти-Ливана, а также в Баальбеке не поддаются, как говорится, никакому описанию. Из Дамаска поедem в Тивериаду, на места юно-

³¹ Райяк (Raijak, Рияк) — город в 60 км от Бейрута, важный железнодорожный узел.

³² В жизни Бунина эта ситуация — «рифма» к одному из дней путешествия по Швейцарии осенью 1900 г., во время которого Бунин и В.П. Куровский после долгого перехода оказались в Мюррене: «Там мертвая зимняя горная тишина. Пустой отель опять. Обед в столовой холодной, но славный Куровский играл из Бетховена, и я почувствовал на мгновение все мертвое вечное величие снежных гор» [2, с. 338].

сти Христа, оттуда — в Кайфу возле Яффы, а из Кайфы в Египет, к пирамидам. От пирамид через Афины — домой» [3, с. 50–51].

6 (19) мая утром Бунин «убежал еще раз взглянуть до отъезда на Храм Солнца». Днем путешественники садятся на поезд до Райяка, там завтракают на вокзале в ожидании поезда на Дамаск. «Дамасский поезд идет сначала по той же долине, над которой царствует Гермон. / <...> Чем ближе к Дамаску, тем становится все шире и пустынное, а земля приобретает тон светло-коричневой глины. / Дамаск — оазис, стоит на ровном месте, окружен садами, из-за которых высятся белые минареты» (см.: [8, с. 343–345]).

Как уже упоминалось выше, сохранились дневниковые записи Бунина с 6 по 16 мая (за исключением 14 мая). Они представляют собой переписанные и перепечатанные на машинке тексты — вполне возможно, выдержки из путевого дневника. В них крайне бегло и фрагментарно зафиксированы точки маршрута и самые броские впечатления дороги³³.

Так, 6 мая после кратких заметок о дороге Бунин записывает первые впечатления от нового города: «4 ч. Дамаск. / Огромная долина среди гор, море садов и в них — весь желто-глиняный город, бедный, пыльный, перерезанный этой быстро бегущей мутно-зеленоватой Барадой³⁴, скрывающейся возле вокзала под землю. Остановились в Hôtel Orient. После чая на извозчике за город. Удивительный вид на Дамаск. Я довольно высоко поднимался на один из холмов, видел низкое солнце и Гермон, а на юге, по пути к Ерусалиму <так!>, три сопки (две рядом, третья — дальше) — синих, синих. Возвращались вдоль реки — ее шум, свежесть, сады» [7, с. 23].

Следующий день, **7 (20) мая**, Бунины проводят в Дамаске. Благодаря Шору и его знакомствам, посещают «какую-то фабрику, где изготавливаются медные вещи» (покупают там «на память несколько пепельниц³⁵ и медную чернильницу с ручкой-пеналом, которую можно засунуть за пояс»), попадают «в чей-то очень богатый дом», «совершенно восточный, с внутренними двориками, где журчит фонтан, с какими-то переходами, балкончиками и галереями», угощаются там кофе, осматривают «главную мечеть», ходят по базару, смотрят там «на ковры необыкновенных тонов, и на шарфы, вышитые золотом и серебром, и на кашемировые шали, и на оружие, на изделия из

³³ См. примеч. 1.

³⁴ Барада (Вади-Барада) — долина вблизи Дамаска, образована одноименной рекой.

³⁵ Возможно, среди них была и пепельница, описанная В.П. Катаевым в книге «Трава забвения».

слоновой кости, из серебра, золота, и на всякие парчовые ткани, — словом, на все, что делает Восток таким роскошным и заманчивым» [8, с. 345–346].

В этот день Бунин и Муромцева посылают короткие открытки Л.Ф. Муромцевой и Н.Д. Телешову, кроме того, Бунин пишет З.И. Гржебину (см.: [с. 3, с. 51]). В дневнике записывает (сначала в 9 часов утра, продолжает, видимо, вечером): «На минарете. Вся грандиозная долина и желто-кремовый город под нами. Вдали Гермон в снегу (на юго-западе). И опять стрижи — кружат, сверлят воздух³⁶. Город даже как бы светит этой мягкой глинистой желтизной, весь в плоских крышах, почти весь слитный. Безобразные длинные серые крыши галерей базара. / Потом ходили по этому базару. <...> / Магазин Nassan'a. / В 3 часа поехали за город. <...> / Большая мечеть — смесь прекрасного и безобразного, нового. Лучше всего, как всюду, двор мечети. Зашли в гости к гиду. / Вечером на крыше отеля. Фиолетовое на Гермоне. Синева неба на востоке мягкая, нежная. / Лунная ночь там же. Полумесяц над самой головой» [7, с. 23]. Вместе с тем впечатления поездки в Баальбек и Дамаск остались в стихотворениях Бунина «Храм Солнца» (судя по авторской дате, оно и написано 6 мая 1907 г.), «Нищий», «Гермон», «Мекам», «Мандрагора», «Закон», «Каин», «За Дамаском» (все они написаны в 1907–1908 гг.), а также в очерке «Храм Солнца».

Ранним утром **8 (21) мая** Бунины и Д.С. Шор уезжают из Дамаска. Их путь лежит в Тивериаду, на берег Геннисаретского озера (другие названия — Тивериадское озеро, Галилейское море). Бунин сначала сидит отдельно, потом подсаживается к своим спутникам и разговаривает с Шором о Куприне, Эртеле (его дочерям Шор давал уроки музыки) и о шампанском (Шор не понимает, как можно тратить на него деньги, а Бунин говорит, что можно). В дневнике он отмечает: «Путь поразительно скучный — голые горы и бесконечная, глинистая долина, камень на камне. Ни кустика, ни травки, ни единого признака жизни». Дорога оказывается долгой и утомительной. Приехав в 6 часов вечера на станцию «близ Геннисаретского <так!> озера, недалеко от истока Иордана», идут пешком. Пейзаж поражает пустынностью и простотой, тропинка выводит на берег озера, «к бледному глиняному селению без всякой зелени» [8, с. 347]. Там они нанимают лодку и плывут в Тивериаду. Вечером Бунин записывает: «Нашли лодку с 4 гребцами (за 10 фр.). Пройдя по

³⁶ Стрижи оказались для Бунина яркой приметой Святой земли, см. стихотворения «Иерусалим» («И мелькали, сверлили стрижи тишину, / И далеко я видел страну»), «Стрижи» и др.

совершенно дикарской и кажущейся необитаемой глиняной деревушке, вышли к озеру. Скромный, маленький исток Иордана. Озеро бутылочного цвета, кругом меланхолические, коричневые в желтых пятнах горы. Шли сперва на веслах, потом подняли парус. Стало страшно — ветер в сумерках стал так силен, что каждую минуту нас могло перевернуть. / В Тивериаде отель Гросмана, оказалось, весь занят. Пошли ночевать в латинский монастырь. После ужина — на террасе. Лунно, полумесяц над головой, внизу в тончайшей дымке озеро. Ночью в келье-номере было жарко. Где-то кричал козленок³⁷) (см.: [7, с. 23–24])³⁸.

Возможно, еще утром **9 (22) мая** Бунин посылает открытку В.С. Миролубову: «Поклон с Тивериадского озера!» [3, с. 51]. Муромцевой нездоровится, но Д.С. Шор уговаривает «проводить его до Табхи и подождать его там до следующего дня» (оттуда он должен был съездить «в какую-то отдаленную сионистскую колонию»). Все вместе они плывут на лодке сначала в Капернаум. «В нем ничего не осталось, кроме развалин знаменитой синагоги», — вспоминала жена Бунина. Сам писатель отмечает в дневнике: «Капернаум. Жарко, сухо, очаровательно. У берега олеандры³⁹. Развалины синагоги. Раскопки. Монах итальянец⁴⁰». Оттуда плывут в Табху, маленькое селение между Капернаумом и Магдалой, Шор уезжает, Бунины останавливаются там в «странноприимном немецком доме», завтракают, отдыхают, вечером идут гулять. Описание плавания по абсолютно спокойному тихому озеру, где рыбачили будущие апостолы братья Петр (Симон) и Андрей, Иоанн и Иаков Зеведееви по водам которого ходил Христос, а потом и самого местечка, куда они прибыли, Бунин заканчивает словами: «Несказанная красота!» [7, с. 24]. Муромцева-Бунина признается:

Пребывание наше в Табхе было самым счастливым временем за все время нашего пути. / <...> Насколько Старый Завет слит с Иудеей, настолько в Галилее и особенно на этом озере понятно Евангелие».

Тем вечером Бунин читает «свои новые стихи, которые он написал

³⁷ Ср. в более позднем (1914) стихотворении «Плакала ночью вдова...»: «Звезды светили, и плакал в закуте козленок».

³⁸ Схожие впечатления, с некоторыми уточняющими деталями, см.: [8, с. 346–348].

³⁹ Ср.: «Когда мы выпрыгиваем из нашего челна на берег, мы ничего не видим, кроме колонн, камней, между которыми коричневыми пятнами выделяется сожженная солнцем трава и розовеет дикий олеандр, с которого я срываю и прячу в путеводитель цветков...» [8, с. 348].

⁴⁰ Ср. образ монаха-францисканца в стихотворении Бунина «Смерть» (см. примеч. 16).

по дороге из Дамаска о Баальбеке⁴¹, и сонет “Гермон”, написанный уже здесь. <...> / Потом он заговорил о Христе:

— Вот в такие самые вечера Он и проповедовал... Надо всегда представлять прошлое, исходя из настоящего... Правда, зелени здесь было больше, край был заселен, но горы были такие же, и солнце садилось все в том же месте, где и теперь, и закаты были столь же просты и прелестны...». Разговор переходит на апостолов: Бунин «больше всего любит Петра за его страстность», Муромцева — Иоанна («как самого нежного»), Бунин думает написать о Фоме, вместе они вспоминают «Иуду Искарюота» Л.Н. Андреева. «За разговорами мы не заметили, как стемнело <...>» [8, с. 348–350].

Весь следующий день, **10 (23) мая**, запечатлен в записи Бунина, сделанной по свежим впечатлениям:

Утром в шесть часов купался. Бродяга с обезьяной. Приехал Шор. В девять выехали из Табхи. Издали видел Магдалу. Дорога из Магдалы в Тивериаду идет вдоль берега. По ней часто ходил Христос в Назарет. Черные козы⁴². / В Тивериаде очень жарко. / После завтрака выехали в Назарет. <...>Подъем, с которого видны все озеро и Тивериада. <...> Перевал и снова подъем. Фавор слева, круглый, весь покрытый лесом. Длинная долина, посевы. / Кана. Кактусы, гранаты в цвету, фиговые деревья, женщины в кубовых⁴³ платьях. Кана в котловине и вся в садах. Подъем, снова долина, снова подъем, огромный вид на долину назад. Потом котловина Назарета. Отель “Германия”. Мальчик проводник в колпачке на макушке. Церковь и дом Богородицы. Потом лунная ночь [7, с. 24–25].

В воспоминаниях Муромцевой-Буниной проступают дополнительные подробности: радость от свежего солнечного утра, плавание по «тихому, нежно-прозрачному озеру»⁴⁴, остановка в Кане Галилейской, где они «посидели несколько минут в маленьком кабачке,

---

⁴¹ Очевидно, речь идет о стихотворении «Храм Солнца», см. выше.

⁴² См. примеч. 19.

⁴³ Кубовый — синий густого и яркого оттенка.

⁴⁴ Тут приходится отметить еще один хронологический сбой в тексте Муромцевой-Буниной: следующее за описанием плавания упоминание о ночевке «опять в Тивериадском монастыре», судя по общему контексту и маршруту странствия, едва ли верно [8, с. 350].

выпили кислого вина», и т. д. Далее описан эпизод, который можно считать камертоном всей поездки⁴⁵:

В Назарет мы приехали в тот час, когда стада возвращаются домой <...>

У фонтана женщины в длинных синих рубашках, с платками, ниспадающими до самых пят, наполняли глиняные кувшины водой, ставили их на плечо и медленно, грациозно ступая, расходились по своим домам.

— Здесь ничего не изменилось, — сказал Ян, — вот так и Божья Матерь приносила домой по вечерам воду.

Мы как раз подъехали и остановились около дома Иосифа, где прошли детство и отрочество Иисуса, — темной без двери конуры.

— Да, да, — сказал Ян грустно, — вот на этом самом пороге сидела Она и чинила Его кубовую рубашку, такую же, как и теперь носят здесь. Легенда говорит, что Они были так бедны, что не могли покупать масло для светильника, а чтобы Младенец не боялся и засыпал спокойно, в Их хижину прилетали светляки...

— Удивительно хорошо! — сказала я (см.: [8, с. 350–351])⁴⁶.

11 (24) мая утром — «беглый осмотр Назарета, милого, простого города с очень красивыми детьми и грациозными женщинами» (как пишет о нем Муромцева-Бунина). Дневниковая запись Бунина выхватывает середину дня: «Утром из Назарета. Необъятная долина и горы Самарии. Потом подъем, ехали дубовым лесом. Снова долина и вдалеке уже полоса моря. / Удивительный цвет залива в Кайфе сквозь пальмы. В четыре — на Кармель. Вид с крыши монастыря Ильи, виден Гермон. Лунный вечер, — это уже возвратясь в Кайфу, — ходил за вином» [7, с. 25].

Со своей стороны Муромцева-Бунина пропускает дорогу и подхватывает повествование уже по прибытии: «В Кайфе мы посетили лишь монастырь на Кармеле. Монастырь старинный, большой, с очень строгим уставом. На его вышку женщин не пускают, но и там, где я была, можно было достаточно почувствовать всю ширь, всю мощь, всю красоту Средиземного моря. <...> Тут понимаешь, что пророк Илья был взят живым на небо именно с этой горы в бурю

⁴⁵ Его дальнейшее эхо слышится и в коротком рассказе «Роза Иерихона» (1924), эмблематическом для позднего творчества Бунина.

⁴⁶ Ср. также стихотворения Бунина «Новый храм» (1907) и «Мать» («На пути из Назарета...», 1912).

и грозу...» [8, с. 351–352]⁴⁷. В целом, впечатления последних четырех дней (как и отдельные фрагменты первых дней в Иерусалиме) прослеживаются в очерке Бунина «Геннисарет».

Весь день **12 (25) мая** путешественники плывут на немецком пароходе из Кайфы (Хайфы) в Яффу и, после небольшой остановки там, дальше — в Порт-Саид. В дневнике Бунин пишет: «Рано утром на пароходе. Жарко, тяжелое солнце. До Порт-Саида сто франков. В три часа снова Яффа. Опять Хаим и кривой⁴⁸. Закат во время обеда» [7, с. 25]. Муромцева дополняет: «В Яффе мы — на закате, и море так хорошо, что я не могу оторвать от него глаз, — оно розово-голубое с золотым налетом». В ресторане на пароходе Бунин спрашивает «бутылку кармельского красного вина. <...> / Он говорит, что через вина он познает душу страны» [8, с. 352].

Из Порт-Саида Бунин, Муромцева и Д.С. Шор уезжают днем **13 (26) мая**. Бунин записывает в дневнике: «В час из Порт-Саида, в экспрессе на Александрию. Озеро Мензалех. Вдали все розовое, плоский розовый мираж. В шестом часу Каир — пыльно-песчаный, каменистый, у подножия пустынного кряжа Мокатама». Подробнее — в мемуарах Муромцевой-Буниной: «В поезд мы попадаем как раз к отходу. Едва размещаемся, как он трогается. Поражает скорость: деревья, канал, дома мелькают с удивительной быстротой. На станциях поезд стоит так мало, что Ян чуть было на одной не остался. Вот и настоящая пустыня, <...> ровная, с далекими беспредельными горизонтами». В Каире остановились в «европейски комфортабельном» отеле «Метрополь»⁴⁹. К вечеру, когда спадает жара, Бунин и Муромцева идут гулять, наслаждаются «чистотой, благоустроенностью, блеском, и не только солнечным. Здания, площади, скверы, улицы, извозчики — все говорило о богатстве этого города-оазиса». В какой-то момент Бунин покупает костюм (и даже пишет об этом в дневнике). Потом замечает табачную лавку и, к отчаянью своей спутницы, проводит в ней «чуть не час, нюхая, рассматривая, пробуя разные сорта папирос, сигар, табаку и все покупая и покупая. <...> Наконец, накупив все, что ему казалось заманчивым, он точно пришел в себя и, оглянувшись, неожиданно и весело сказал:

— Однако что же мы такое делаем, поедем лучше к Нилу, закат будет, вероятно, удивительный». — Так и сделали, так и было. «Су-

⁴⁷ Далее в воспоминаниях Муромцевой-Буниной снова идет временная накладка: события следующего дня она описывает как продолжение настоящего («До отхода парохода у нас час времени...» и т. д.). Хронология восстанавливается по дневнику Бунина, см. далее.

⁴⁸ Неустановленные лица, см. примеч. 27.

⁴⁹ Сохранился счет: ОГЛМТ. Ф. 14, № 2945/9 оф.

хой огненный закат, пальма, на мосту огни зеленоватые, по мосту течет река экипажей», — отмечает в дневнике Бунин [7, с. 25]. Это воскресенье, улицы полны нарядных мужчин и женщин. Вечером Бунины отправляются «в арабский театр», смотрят там «лубок с огненными чертями», поздним вечером сидят в кафе, ночью не могут уснуть — душно, мучают москиты и жажда (см.: [8, с. 352–354]).

На рассвете **14 (27) мая** Бунины (вместе со знакомыми Д.С. Шора, неназванной по именам супружеской парой, и, возможно, самим Шором) едут к пирамидам. В дневнике Бунина остаются штрихи на память: «Проснулся в пять. К пирамидам. Туман над Нилом. Аллея к пирамидам — они вдали, как риги, цвета старой соломы⁵⁰. Блохи в могильниках за пирамидами. На возвратном пути Зоологический». В воспоминаниях Муромцевой-Буниной это один их самых протяженных и подробных дней всего путешествия. На нее снова большое впечатление производит город⁵¹, Нил, «иной, чем накануне, — весь в утренних парах», дорога, идущая по мосту через Нил и дальше по аллее.

И вот мы одни у подножья Хеопса <...>. Но ни взбираться на нее, ни осматривать ее внутри мы не решаемся — слишком жарко! Мы обходим вокруг все пирамиды, удивляемся высоте каждого шершавого уступа и всем существом понимаем, что значит «египетская» работа, вспоминаем Баальбек. Затем долго стоим перед сфинксом, очень засыпанным. <...> / Потом идем по пустыне, по слоистым пескам. Становится жарко, песок начинает нагреваться. Ян опасается солнечного удара, но все же идет и идет вперед. Доходим до какого-то могильника. Ян устремляется в него, но очень быстро с криком вылетает оттуда, и я вижу, что весь его светлый костюм — в коричневых точках: это блохи, которые уже немилосердно кусают его. Он быстро скидывает куртку, и я трясу ее что есть мочи, а он то же самое делает с брюками, потом бросается на песок и катается на нем, — хорошо, что никого нет поблизости!

---

⁵⁰ Ср. в воспоминаниях Муромцевой-Буниной: «Уже в конце аллеи различаем пирамиды. Ян сравнивает их с деревенскими ригами. Издали они не кажутся грандиозными».

⁵¹ «Улицы уже полны: когда мы проезжаем мимо многочисленных скверов, садов, нас обдает воздушной, душистой волной цветников. Встречается рабочий люд в голубых длинных рубахах, женщины с кувшинами на головах, навьюченные всякими овощами ушастые ослики, верблюды, важно идущие своей ныряющей поступью. Иногда обгоняют нас всадники, английские офицеры в белых шлемах, выехавшие на утреннюю прогулку», — последняя деталь, несколько раз варьирующаяся в мемуарах Муромцевой-Буниной, перейдет в стихотворение Бунина «Каир» («Английские солдаты с цитадели...», 1907).

Встретившись со своими попутчиками и выпив «в английском отеле кофе», Бунины на обратной дороге заезжают в зоологический сад. Внимание Муромцевой привлекают «огромные ярко окрашенные бабочки», жирафы, антилопы, фламинго, крокодил. Бунин останавливается «около террариума с маленькими, очень ядовитыми африканскими змейками. Лицо Яна искажается — у него мистический ужас перед змеями, но его всегда к ним тянет, и он долго не может оторваться от них, следя с какой-то мукой в глазах за их извилистыми движениями»⁵². Дневной, раскаленный от солнца Каир кажется безлюдным. Только сейчас Бунины завтракают, потом — «сладкий, благодетельный сон». Около четырех часов дня они вместе с Шором едут в старый Каир («город внушительный, одних мечетей насчитывается до пятисот»). К закату поднимаются «на Цитадель»⁵³, где находятся колодезь Иосифа, мечеть и дворец вице-короля». Впечатления этого вечера определенно отражаются в стихотворении Бунина «Каир» (1907). В его дневнике остается по-своему уникальная запись: «Вечером в цитадели. Новая, но прелестная мечеть. Вид на Каир, мутный и пыльный, ничтожный закат за Великой Пирамидой», — во всех иных случаях великим для Бунина был бы закат. От цитадели, как вспоминает Муромцева-Бунина, они сначала идут пешком, потом берут извозчика, у Эзбекийского сквера отпускают его, Бунин видит еще одну табачную лавку и «опять наслаждается покупкой папирос, табаку в зеленых железных коробках, на крышке которых изображены пирамиды, пальмы и красный закат. Одну такую коробочку, — пишет Муромцева-Бунина, — самую маленькую, мы храним до сих пор, она проделала с нами все пути, и если бы мы потеряли ее, я испытала бы, вероятно, очень горестные минуты...».

⁵² Ср. эпизод лета 1923 г., когда, увидев змею, Бунин от ужаса подпрыгнул так, что перевернулся через голову, см. по этому поводу отдельную запись Бунина: [10, т. 2., с. 114].

⁵³ Каирская цитадель (Эль Кала) — крепость, построена в 1176 г. египетским султаном Саладином (Салах ад-Дином), в течение семи веков была резиденцией правителей Египта. Подробное описание ее посещения см. также у Муромцевой-Буниной: «На Цитадель мы поднялись как раз вовремя, за четверть часа до заката. У ворот нас встречает очень приятный человек в белой чалме и ласково предлагает свои услуги. Он прежде всего ведет нас к колодезю Иосифа, который волнует нас своей древней простотой. В мечеть мы только заглядываем, она в стиле Айя-Софии. Двор ее большой, чистый, выложен мрамором, обнесен высокими стенами, с фонтаном посреди. <...> / Нас тянет к себе западная стена, оттуда открывается вид на весь Каир; сначала мы видим Старый Каир с лесом минаретов, затем Новый, далее Нил, пирамиды, пустыню... / Солнце уже по-летнему садится правее пирамид, надо всем — пыльный золотистый туман. <...> Подле нас английские солдаты в шлемах смотрят на закат с унылыми лицами. О чем думают они?» (последняя деталь прямо попадает в бунинское стихотворение «Каир», см. примеч. 51).

Обед, по обыкновению, вечером, после него Бунины и Шор бродят по городу, снова приходят в Эзбекский сквер, потом сидят в кафе и тщетно пытаются утолить жажду. Это их последний совместный вечер, больше они уже не встретятся⁵⁴ (см.: [8, с. 354–359]).

На следующий день, **15 (28) мая**, утром Бунин и Муромцева садятся на поезд и едут из Каира в Александрию. В дневнике Бунин пишет: «Выехали в семь с половиной часов утра⁵⁵. Равнина. Рамле⁵⁶. Александрия. “Император Николай Второй”. Все загружено русскими богомольцами из Палестины. Та же каюта» [7, с. 25]. Развернутый комментарий к этому конспекту снова находим у Муромцевой-Буниной. Она описывает, как в Александрии они первым делом едут на пароход, — тот же, на котором плыли в Александрию. Их узнают, им рады, отводят им лучшую каюту. Оказывается, что пароход отходит в 4 часа, — Буниным досадно: они могли бы еще посетить Каирский музей. Но теперь есть время в Александрии, и Бунин «предлагает ехать завтракать в ресторан: / — Закажем морской рыбы, кебаб...». После ресторана гуляют по городу, по набережной, которая считается «излюбленным местом прогулок александрийцев», идут к Маяку, вспоминают об обелисках («Оба они увезены — один англичанами, другой американцами»), — Луксорский обелиск, поставленный на площади Согласия в Париже, будет и в эмиграции напоминать им об этом дне [см.: 8, с. 359–361]. Вечером пароход отправляется в путь.

Весь день **16 (29) мая** — путь по морю к Пирею, «полный отдых. Можно целый день лежать в лонгшезе, не нужно никуда спешить, ничего осматривать!» — радуется Муромцева-Бунина. Бунин в дневнике пишет: «Опять эта поразительная сине-лиловая, густая, как масло, вода, страшно яркая у бортов. <...> / Четыре часа. Слева волнист<ые> линии Крита, в дымке. У подножия — светлый туман» [7, с. 25]. Это его последняя из сохранившихся записей и в путеше-

---

⁵⁴ См. об этом вечере в воспоминаниях Муромцевой-Буниной: «Ощущается некоторая грусть. Наши дороги с Шором расходятся. И хотя не только дружбы, но и желания продолжать знакомство в будущем у нас обоюдно не возникло, — очень уж мы разные люди, — все же было жаль расставаться с ним». В целом, от общения с С.М. и Д.С. Шорами у Муромцевой остается, скорее, доброе впечатление (со старшим из них они впоследствии переписывались), а у Д.С. Шора от Бунина — неприязненное: он увидел «в просвещенном человеке несомненный антисемитизм», что среди всех отзывов современников оказалось исключительным свидетельством подобного рода относительно Бунина. См. фрагменты из «Воспоминаний» Д.С. Шора в: [5, с. 656].

⁵⁵ В поезде у Бунина происходит скандал с феллахом (местным деревенским жителем), занявшим его место, — подробное описание и шумной ссоры («Ян пришел в такой гнев, какого я еще никогда у него не видала <...>»), и самой дороги см. в воспоминаниях Муромцевой-Буниной.

⁵⁶ Видимо, название отеля «Royal Jewel Al Raml» в Александрии.

ствии, и вообще за весь 1907 год. В глазах его жены и спутницы Бунин и на пароходе предстает увлеченным и деятельным: он «не может долго сидеть на одном месте, <...> то и дело спускается на нижнюю палубу к паломникам. Со многими он подружился, передает мне свои с ними разговоры в лицах, затем опять куда-то убегает». Затем опять возвращается, и они говорят о Египте, о Г. Масперо⁵⁷, о том, как хорошо было бы снова поехать в Египет, «только, конечно, зимой». Произносит слова, которые могут считаться лейтмотивом всех его странствий: «<...> всякое путешествие очень меняет человека». «Мы долго сидели на носу в эту ласковую звездную ночь, — вспоминает Муромцева-Бунина. — Все уже давно стихло, а нам все еще не хотелось расставаться с тем, что дает летняя ночь в тихую погоду в южных морях...» [см.: 8, с. 361–362].

17 (30) мая пароход ненадолго пристает в Пирее. Доехать до Афин нет времени, Бунин и Муромцева берут лодку, и та перевозит их через бухту к набережной, которая «уже накалена, улицы пусты и грязны». Путники оказываются одни в кафе, где просят принести им «мастики, красного вина, которое здесь называется черным...». Когда корабль выходит из порта, снова видят Акрополь, и Бунин «различает каждую колонну»⁵⁸. Плывут мимо Архипелага, и Бунин «опять восхищается сухостью и пустынностью островов», вспоминает П. Лоти («Редко кто умеет передать душу страны, дать правильное представление о ней»), советует Муромцевой прочитать его описание путешествий в Иерусалим⁵⁹ (см.: [8, с. 362]). Они вместе долго любуются закатом, краски которого (претворившись из закатных в рассветные), вполне возможно, отразятся позже и в стихотворении «Эллада» («Меж островов Архипелага...», 1916)⁶⁰.

Пройдя Дарданеллы на рассвете, когда путники еще спали, пароход к вечеру **18 (31) мая** прибывает в Константинополь. Днем Бунин читает Саади, на ночь они с Муромцевой остаются на корабле. «Ночь была нежная, звездная, с темно-синим небом. <...> На этот раз мы

⁵⁷ Вероятно, Бунин имел в виду книгу французского египтолога Гастона Масперо «Древняя история народов Востока» (М.: К.Т. Солдатенков, 1895), см.: [11].

⁵⁸ Ср. в стихотворении Бунина «В Архипелаге» (1908): «Запомнил я лишь ряд колонн да небо».

⁵⁹ Вероятно, речь шла об одном из изданий: *Лоти П.* Иерусалим. Дневник путешествия / 2-е изд. СПб.: Н.Ф. Мертц, 1897. 104 с.; Иерусалим. Из путевых очерков Пьера Лоти / в пер. А.М. Ласкеева. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1898. 116 с. Муромцева-Бунина вспоминает, что, когда в марте 1910 г. они окажутся в Алжире, город «поразил красотой, мы знали его по Лоти, которого очень ценили и любили. Ян всегда повторял: / — Как он умеет передать душу страны! Редкий писатель!» [8, с. 486–487].

⁶⁰ См. также примеч. 12 и 58.

долго сидели на палубе и молча слушали то соловьев, то легкий плеск воды, смотрели то на лес мачт, с топазовыми топовыми огнями, то на зеленые и красные фонари на пароходах, то на чуть видный силуэт Стамбула, усеянный звездами» (см.: [8, с. 362–363]).

Следующий день, **19 мая (1 июня)**, путешественники проводят в Константинополе. Утром они садятся «на колесный маленький пароходик, похожий на те, что ходили у нас по Неве», плывут по Босфору в Скутари («Скутари со своими мрачными кипарисами не соответствует радостному, с легким ветром, утру»), завтракают в ресторане на берегу, любуются «всей сказочной жизнью Босфора». Потом идут «к знаменитому кладбищу», бродят и сидят «у чьих-то могил» и почти доходят «до приюта прокаженных». Вечером на корабле Бунин рассказывает о мусульманских обычаях: «в Скутари, например, муэдзин возносит молитвы за страдающих бессонницей», и Муромцева вспоминает его стихотворение «Тэмджид»⁶¹ (см.: [8, с. 363–364]).

В полдень **20 мая (2 июня)** пароход отправлялся дальше. До его отплытия Бунину и Муромцевой снова «страстно захотелось побывать в Айя-Софии», там их внимание «привлекают восемь порфиновых колонн из Баальбека». Потом они идут на другой берег бухты Золотой Рог в Галату, на почте забирают письма от родных и знакомых — читают их уже в своей каюте перед завтраком. «Медленно и плавно» пароход идет по Босфору, Стамбул удаляется, скоро уже не видно и берегов. К Муромцевой приходит осознание того, как глубоко изменится теперь ее жизнь рядом с Буниным. Путешествие заканчивается. «Завтра Одесса, а там Москва, и тот мир, в котором я жила полтора месяца, канул в вечность» (см.: [8, с. 364–367]).

Ночью корабль сильно качает, но к утру море успокаивается. Днем **21 мая** пароход прибывает в Одессу. Бунины останавливаются в «Петербургской гостинице», встречаются с Нилусом и Куровским, общий обед проходит «в смехе, в беспорядочных расспросах друг друга, в рассказах об общих знакомых». Бунин много рассказывает о поездке. Как и накануне путешествия, день заканчивается «у Брунса» (см.: [8, с. 367–369]).

На другой день, **22 мая**, Бунин, Муромцева и Нилус едут на дачу Федорова за Большой Фонтан. «Сообщение на паровике, который, после некоторых первых станций, идет между дачами, с большими

⁶¹ В книге «Жизнь Бунина» Муромцева-Бунина вспоминала, что этот обычай — «молитва о тех, кто в эту ночь страдает бессонницей» — «восхищал Ивана Алексеевича, и он часто вспоминал о нем в свои бессонные ночи в последние годы своей жизни», и при этом полностью приводила текст стихотворения [8, с. 228–229].

<...> садами, мимо просек, в глубине которых синее море». «Я очень люблю это место, хорошо бы провести здесь лето», — сказал Бунин еще накануне, только заведя с корабля одесский берег. У Федоровых Муромцевой очень понравилось, но там пробыли недолго — в городе к обеду ждал Куровский, устроивший «очень радушный прием» (см.: [8, с. 368–370]).

Утром **23 мая** Бунин и Муромцева берут извозчика, проезжают «через весь город, по Маразлиевской улице с красивыми особняками одесских аристократов, по Французскому бульвару» и т. д. — в Аркадию, там и завтракают: «Нам дали чудесную кефаль с соусом тартар, затем киевские котлеты. Вино “Кристи” <...> / После завтрака мы долго сидели на камне и смотрели на море — ведь вечером мы уезжаем». Вечером они на поезде уезжают из Одессы в Киев (см.: [8, с. 370–371]).

На другой день, **24 мая**, — остановка в Киеве. «На этот раз — Владимирский собор» (открыт в 1896 г.), в котором как раз кончалась обедня, и Бунин «долго стоял перед Страшным судом Васнецова». Потом — «к памятнику Владимиру, чтобы взглянуть на Днепр», и «завтрак в маленькой ресторан-кофейне — фаршированная щука, кофий, мазурки⁶², — и возвращение пешком на вокзал по веселым улицам среди хорошеньких и изящных женщин под разноцветными зонтиками», в поезде — обсуждение планов на лето (см.: [8, с. 371]).

25 мая — возвращение в Москву. Тем же днем, оставив молодую жену ее родным, Бунин уехал в деревню к матери.

***

Среди планов, которые Бунин и Муромцева обсуждали на обратном пути в Москву 24 мая 1907 г., еще не было и не могло быть планов третьего, самого длительного путешествия на Восток. Оно началось в Одессе 15 декабря 1910 г. и продлилось до 6 апреля 1911 г.

Общий маршрут поездки был таков: Одесса — Константинополь — Бейрут — Порт-Саид — Суэц — Каир — Хелуан — Каир — Луксор — Асуан — Луксор — Фивы — Хелуан — Каир — Хелуан — Порт-Саид — Исмаилия — Порт-Саид — Джибути — Коломбо — Канди — Нурилья — Анурадхапура — Коломбо — Порт-Саид — Константинополь — Одесса⁶³. Обдумывая будущее странствие, Бунин

⁶² Имеются в виду сухие печенья-пирожные.

⁶³ См.: [6, с. 74–96].

надеялся доплыть до Японии⁶⁴, но обстоятельства пути ограничили эти планы, и конечным пунктом путешествия стал Цейлон.

Из уже виденных в 1907 г. городов в него входят Константинополь, Бейрут, Порт-Саид и Каир, три первых — неперенные порты на пути следования, и только в Египте Бунины проводят значительно больше времени, чем в прошлое путешествие и чем они рассчитывали провести в этот раз: ждали парохода Добровольного флота, но тщетно — пришлось плыть дальше на другом. Прямых свидетельств тех дней сохранилось немного, ни в сохранившихся дневниках Бунина, ни в дневниках и воспоминаниях Муромцевой-Буниной синхронных впечатлений поездки нет. До нас дошли только несколько писем, написанных из Константинополя и Бейрута (следующие — уже из Египта, по пути на Цейлон и из Коломбо). О том, что делали Бунины в Константинополе, там нет ни слова, про Бейрут — только одно предложение в письме Бунина брату Юлию от 5 января 1911 г. (23 декабря 1910 г.): «Ни один самый лучший день нашего лета не сравнится с этими двумя днями, что мы в Бейруте. И говорят, что почти месяц — изо дня в день такая погода здесь. Нынче идем в Порт-Саид» [3, с. 161].

Если во время палестинского путешествия 1907 г. Каир и Александрия оказались, в общем, дополнением к главной цели паломничества, то сейчас Каир, Нил, пустыни Нубии стали прологом к дальнему плаванью к пределам Азии. Единственный относящийся к этой поездке очерк «Город Царя Царей», написанный в 1925 г., был посвящен Цейлону. В издании книги «Тень Птицы» 1931 г. он замыкал собой повествование о странствиях Бунина по миру Востока.

В одном из интервью (данном во время своего турне по Югославии в августе 1937 г.⁶⁵) Бунин сказал, что был в Константинополе 13 раз. Так ли это? Посчитаем. Первый раз определенно — в апреле 1903 г. Второй и третий — в ходе путешествия в апреле–мае 1907 г. (на пути из Одессы и в Одессу соответственно). Четвертый и пятый — на обратном пути из Италии в апреле 1909 г. и в мае 1910 г. (туда Бунины, по всей видимости, оба раза ехали на поезде через Вену). Шестой и седьмой — во время своего самого дальнего путе-

⁶⁴ См.: [11, с. 938–939]. Во время пребывания в Константинополе 17–18 декабря 1910 г. Бунин пишет два письма М.Ф. Андреевой и А.М. Горькому — прежде всего потому, что они ждали его и Муромцеву на Капри и не знали об изменившихся планах своих друзей. В одном из них только что, видимо, составленный план путешествия: «Плывем мы теперь на Бейрут, из Бейрута — в Порт-Саид. В Порт-Саиде простимся с “Владимиром” и поедим в Каир, Луксор, Ассуан — аж до Хартума в Нубии. В Порт-Саиде надеемся вернуться к самому концу января, к пароходу Добр<овольного> флота, выходящему из Одессы 25 янв., и двинемся на Цейлон, Японию» [3, с. 160].

⁶⁵ См.: [1, с. 317].

шествия на Цейлон 1910–1911 гг., дорога в любом случае шла через Константинополь. Восьмой — на обратном пути из Италии в феврале 1912 г. (туда опять же ехали на поезде через Берлин и Швейцарию). Девятый и десятый — в начале лета 1913 г., когда вместе с братом Юлием Бунин «недели две» путешествовал по Черному морю, Дунаю и Малой Азии (см.: [3, с. 278])⁶⁶. Одиннадцатый и последний раз Бунин был в Константинополе в феврале 1920 г., по дороге из уже охваченной большевистским пламенем Одессы в эмиграцию. Если представить себе, что для тех заграничных путешествий (1909, 1910, 1912 гг.), когда Бунин возвращался в Россию через Константинополь, он посчитал его дважды (как если бы не ехал на поезде, а плыл из Одессы), а два близких по времени посещения июня 1913 г., которые пришлось на недолгое путешествие по «ближним странам», счел за одно, то получится искомое число 13.

Когда 13 февраля 1920 г. пароход «Спарта» подходил к Константинополю, Бунин, по словам его жены, был «в каюте, он даже не захотел взглянуть на столь любимый им город»⁶⁷. Константинополь, некогда открывавший Бунину путь во все стороны света, теперь закрывал собой ворота России.

Литература

1. *Бабореко А.К.* Бунин. Жизнеописание. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. 457 с.
2. *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.
3. *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. С.Н. Морозов; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 830 с.
4. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Худож. лит., 1965–1967.
5. *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина.* М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1 (1870–1909) / сост. С.Н. Морозов. 944 с.
6. *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина.* М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2 (1910–1919) / сост. С.Н. Морозов. 1184 с.
7. *Литературное наследство.* М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: в 4 кн. Кн. 2 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов.
8. *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. 512 с.

⁶⁶ В Константинополе они были дважды, 4 (17) и 10–11 (23–24) июня 1913 г.

⁶⁷ *Дневник В.Н. Буниной*, 13 февраля 1920 г. РАЛ (Русский архив в Лидсе). MS 1067/370.

9. Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Палестина: К постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2020. № 3 (54). С. 131–140. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00072

10. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / под ред. М. Грин: в 3 т. Frankfurt am Main: Посев, 1977–1982.

11. Шавлинский М.С. «Храм Солнца» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двнятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 934–952. (Академический Бунин; 3). <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-934-952>

Research Article and Publication of Archival Documents

Ivan Bunin's 1907 Palestine Journey: Chronicle and Context

© 2022. Tatiana M. Dvinyatina, Sergey N. Morozov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-41004 “Ivan Bunin and Palestine.”

Abstract: This article develops the theme expounded in the authors’ research published above. It contains a detailed reconstruction of the chronicle of Ivan Bunin’s main pilgrimage through Palestine in April–May 1907. Using all available documentary evidences, the authors of the article make an attempt to reveal the concrete texture of the days when Bunin and Vera Muromtseva spent on their “first distant voyage and honeymoon, which was at the same time a pilgrimage to the Holy Land of Our Lord Jesus Christ” (“The Rose of Jericho”). The article also shows how the immediate impressions of that journey are reflected in Bunin’s works and what traces it left in his artistic and personal outlook. The research differs from many studies on the Oriental theme in Ivan Bunin’s *œuvres* by being primarily biographical and factual in nature.

Keywords: I.A. Bunin, Palestine, biography, travel, “The Temple of the Sun” (1917).

Information about the authors: Tatiana M. Dvinyatina — DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-6910>

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

Sergey N. Morozov — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

For citation: Dvinyatina, T.M., Morozov, S.N. "Ivan Bunin's 1907 Palestine Journey: Chronicle and Context." *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 2 (24), pp. 64–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-64-94>

References

1. Baboreko, A. *Bunin. Zhizneopisanie [Bunin: A Biography]*, 2nd ed. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 457 p. (In Russ.)
2. Bunin, I.A. *Pis'ma 1885–1904 godov [Letters. 1885–1904]*, ex. ed. by O.N. Mikhaylov, ed. and comm. by S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. 768 p. (In Russ.)
3. Bunin, I.A. *Pis'ma 1905–1919 godov [Letters. 1905–1919]*, ex. ed. by O.N. Mikhaylov with the help of S.N. Morozov, ed. and comm. by S.N. Morozov, R.D. Davies, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IWL RAS Publ., 2007. 830 p. (In Russ.)
4. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii: v 9 t. [Collected Works: in 9 vols.]*, ed. by A.S. Miasnikov, B.S. Riurikov, A.T. Tvardovsky. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965–1967. (In Russ.)
5. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [The Chronicle of Ivan Bunin's Life and Works]*, vol. 1: 1870–1909 [1870–1909], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)
6. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [The Chronicle of Ivan Bunin's Life and Works]*, vol. 2: 1910–1919, [1910–1919], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)
7. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 110: I.A. Bunin. *Novye materialy i issledovaniia: v 4 kn. [I.A. Bunin. New Materials and Research: in 4 books]*, book 2, comp. O.A. Korostelev, S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 992 p. (In Russ.)
8. Muromtseva-Bunina, V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu [The Life of Bunin. Conversations with Memory]*, ed. and comm. by A.K. Baboreko. Moscow, Vagrius Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)
9. Ponomarev, E.R. "I.A. Bunin i Palestina: K postanovke problemy" ["I.A. Bunin and Palestine: On the Formulation of the Problem"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (54), 2020, pp. 131–140. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00072 (In Russ.)
10. Grin, M., editor. *Ustami Buninykh. Dnevnik Ivana Alekseevicha i Vera Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: v 3 t. [By the Bunins. Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other Archival Materials: in 3 vols.]*. Frankfurt am Main, 1977–1982. (In Russ.)
11. Shavlinsky, M.S. "Khram Solntsa' I.A. Bunina — neokonchennyi proekt osvoeniia Vostoka" ["The Temple of the Sun' by Ivan Bunin: an Unfinished Project for the Exploration of the East"]. *Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva [Ivan Bunin and his Time: Context of Life — History of Work]*, ex. ed. by T.M. Dvinyatina, S.N. Morozov, ed. by A.V. Bakuntsev, E.R. Ponomarev, series: Academic View on Bunin. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 934–952. <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-934-952> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.03.2022
Одобрена после рецензирования: 11.04.2022
Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 01.03.2022
Approved after reviewing: 11.04.2022
Date of publication: 25.06.2022

Павел Петрович Филип(п)ович: статья для словаря «Русские писатели»

© 2022, П.Ф. Успенский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена поэту, переводчику и историку литературы Павлу Петровичу Филип(п)овичу (1891–1937). *Филипович* известен как виднейший деятель украинской культуры 1920–1930-х гг.: поэт, входивший в объединение «неоклассиков», переводчик на украинский язык стихов Пушкина и Брюсова, исследователь украинской литературы. Менее известно русскоязычное наследие *Филиповича*, под своей настоящей фамилией изучающего творчество Баратынского, а под псевдонимом П. Зорев публикующего стихи в модернистских журналах. Словарная статья о Филип(п)овиче освещает малоизвестные страницы его творческой биографии русского периода.

Ключевые слова: П. Филип(п)ович, Киевская литературная жизнь 1900–1910-х гг., Е.А. Баратынский, модернизм, история литературы.

Информация об авторе: Павел Федорович Успенский — кандидат филологических наук, PhD, доцент Школы филологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, д. 21/4, 105066 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2356-3036>

E-mail: paveluspenskij@gmail.com

Для цитирования: *Успенский П.Ф.* Павел Петрович Филип(п)ович: статья для словаря «Русские писатели» // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 95–103. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-95-103>

Эта статья была написана в 2013 г. для шестого тома словаря «Русские писатели: 1800–1917» [7]. К сожалению, сокращение объема тома при его подготовке к изданию заставило редакцию исключить из него ряд статей, в том числе, и статью о П.П. Филип(п)овиче. Интерес к Филип(п)овичу возник благодаря Бенедикту Лившицу, которым я тогда занимался. Уроженец Одессы, Лившиц с 1907 по 1922 г. жил — с перерывами — в Киеве. Киевская литературная

жизнь 1900–1910-х гг., несмотря на публикации М.С. Петровского, Б.Я. Фрезинского, А.Б. Устинова и других исследователей, изучена далеко не так основательно, как петербургская или московская. Статьей о Филип(п)овиче мне хотелось хотя бы в малой степени дополнить картину киевского модернизма. Работая над статьей, я много времени проводил в «Библиотеке украинской литературы» в Москве, которая позже была закрыта при известных печальных обстоятельствах. В ее фондах были ценные книги советского и постсоветского времени на украинском языке, не дошедшие до основных государственных книжных хранилищ (или списанные с хранения?). С большой теплотой вспоминаю отзывчивых сотрудников библиотеки и их ценные библиографические консультации.

При публикации настоящей работы в целом сохранен библиографический формат словаря «Русские писатели», он лишь дополнен списком литературы, включающим актуальные наукометрические позиции.

Жанр словарной статьи не предполагает посвящения, но поскольку текст работы публикуется в журнале, я хочу посвятить эту работу памяти замечательного исследователя Мирона Семеновича Петровского, который в свое время сочувственно отнесся к моей статье о киевском круге Бенедикта Лившица и взял ее в альманах «Егупец» (2012. №21) и который вдохновил меня на дальнейшее изучение киевской литературной жизни.

ФИЛИП(П)ОВИЧ Павел Петрович [20.08(1.09).1891, с. Кайтановка – 3.11.1937, урочище Сандармох близ пос. Повенец], поэт, переводчик, филолог. Сын священника. Учился в Златопольской г-зии (4 класса), затем в киевской коллегии Павла Галагана, кот. окончил в 1910 г. с золотой медалью; в 1910–15 гг. — в ун-те св. Владимира, где первый год обучался на юр. ф-те, затем перевелся на ист.-филол.; занимался в семинаре В.Н. Перетца. За конкурсное исследование о Е.А. Баратынском был удостоен золотой медали и оставлен в ун-те в качестве профессорского стипендиата. С 1917 г. — приват-доцент, 1920–35 г. — профессор Киевского ун-та (в 1920–33 гг. — Высший / Киевский институт народного образования).

Ф. рано начал писать стихи: еще в коллегии Галагана сложился кружок начинающих поэтов — Ф., В.М. Отроковский, М.А. Драй (Драй-Хмара), Б.А. Ларин. Ученики издавали журнал «Лукоморье», в котором Ф. дебютировал. В 1910-е гг. близко общался с филологами (А.И. Белецкий, Н.К. Гудзий, Б.А. Ларин, А.А. Назаревский и др.) и с киевскими литераторами Н.Ф. Бернером,

А.И. Дейчем, Б.К. Лившицем, В.М. Отроковским, М.Б. Сандомирским, В.Ю. Эльснером и др. Принимал участие в деятельности кружка А. Альвинга при журнале «Жатва».

Участники семинара Перетца регулярно выезжали в М. и СПб. Во время научных командировок Ф. знакомится с поэтами (в 1914 г. с Вяч. Ивановым; с А. Блоком удалось поговорить лишь по телефону) и видными филологами (И.А. Бычков, В.И. Саитов, А.И. Соболевский, В.И. Срезневский, Э.П. Юргенсон).

С юности Ф. увлекался французской поэзией (Бодлер, Верлен, Готье, де Лиль) и русскими символистами. Особо ценил творчество И.Ф. Анненского (кружок почитателей которого был при семинаре Перетца) и В.Я. Брюсова («...мне дорога память о Валерии Яковлевиче, которого я всегда считал своим учителем в области поэзии»; письмо Ф. к И.М. Брюсовой от 30.09.1932. ОР РГБ. Ф. 386. К. 156. № 81).

Под псевд. **Павел Зорев** печатал стихи в киевских и столичных изданиях: Лукоморье. Киев, 1911. № 1; Музы. Киев, 1913. № 1, 1914. № 4, 7; Жатва. 1913. № 4; Заветы. 1913. № 8, 12; Путь. 1914. № 1; Огонек. 1914. № 13; Вестник Европы. 1914. № 7, 11, 1915, № 5, 8; Аргонавты: Литературно-художественные сборники. Кн. 2. Киев, 1914; Эпоха. Киев, 1915. № 12; Родная земля. Киев, 1918. № 1; Куранты. Киев, 1918. № 4.

В 1914 г. Ф. собирався издать поэтический сборник, его предполагаемое заглавие — «Дол». Выход книги планировался на осень, однако начавшаяся война помешала этому плану. В 1915 г. Ф. возвращался к идее издать книгу, но в свет она так и не вышла.

Русскоязычные стихи Ф. в целом малооригинальны и испытывают комбинированное влияние символизма и классической поэзии XIX в. Ср. с характеристикой Блока (которому Ф. послал 2 письма в 1914 г. и 1915 г. с просьбой высказаться о стихах): «простота борется с метафоричностью, с вычурами модернизма; пока не побеждает» [1, с. 462]. В начале 1914 г. Ф. подарил рукописную подборку стихов Вяч. Иванову, его отзыв неизвестен.

Сохранились воспоминания о том, как Ф. читал стихи А.И. Соболевскому в феврале 1913 г.: «Первое коротенькое стихотворение я помню целиком:

Светло-розовые шубки
Разбросала синева,
Месяц бледный, месяц хрупкий
Пробирается едва.

С каждым шагом путь труднее,
 Встали сизые валы,
 И колдуют тиховей
 Снеговым наплывом мглы.

<...> Алексей Иванович, слушая, приподнял несколько брови, и его удивительно живые и молодые глаза отразили не то вопрос, не то недоумение. Лицо его приняло обычное выражение, когда Филиппович начал более громко и как-то библейски торжественно читать:

Дочери Лота

Старик не проклял дочерей,
 С ним тайно разделивших ложе,
 И день не наступил скорей,
 И солнце засияло то же.

Заметно было, что стихотворная трактовка библейской легенды (Бытия, XIX, 30-36), отразившейся и в памятниках древнерусской литературы <...>, больше отвечает интересам Алексея Ивановича, чем “светло-розовые шубки”» [6, с. 278–279];

(опубл. строки посл. стих-я. звучали несколько по-другому: «...С ним разделивших тайно ложе, / И не глядели звезды строже, / И не пришел рассвет скорей» (Огонек. 1914. №13)). Это стих-е. вспоминалось в связи с «Лотовой женой» А. Ахматовой [8, с. 218].

В 1916–17 гг. Ф. находился в Саратове (куда был эвакуирован Киевский ун-т), вступил в переписку с Б.А. Садовским (сохранились два его письма 1916 — ЦГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. № 136), опубл. в «Саратовском вестнике» (1916, 10 марта) ст. «Новинки русской поэзии», примеч. рец. на «Камень» Мандельштама (переизд.: [9, с. 182–183]).

Существует не поддающееся точной датировке и не подтверждающееся в др. источниках свидетельство о петербургском знакомстве двух поэтов в период до 1917 г.: «Пригадується один вечір, коли П. Филипович (тоді поет Зорев<)> і Осип Мандельштам зайшли до Драй-Хмари почитати вірші, поговорити, випити чаю» [2, с. 21].

С 1914 г. Ф. интенсивно занимался Е.А. Баратынским. Он атрибутировал поэту послание «Запрос М-ву» и переатрибутировал Ф.Н. Глинке стих-е «Какая это сторона?» (**Два неизвестных стихотворения Е.А. Баратынского** // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Вып. 1. Киев, 1914, и отд. брошюра того же года; **Об авторе стихотворения «Какая это сторона?»** // Университетские известия. 1915. № 11–12, и отд. оттиск — Киев, 1916). Подверг

резкой критике академическое издание поэта под ред. М.Л. Гофмана (ЖМНП. 1915. № 3; 1916. № 4).

Главная дореволюционная книга Ф. «**Жизнь и творчество Е.А. Боратынского**» печаталась в киевских «Университетских известиях» (1916, № 3, 5–6) и через год вышла отдельным изданием (Киев, 1917). Ценное исследование посвящено в основном биографии поэта, содержит обширный библиографический обзор и краткую характеристику творчества (рец. В. О<троковского> — ВЕ. 1917. № 9–12). К сожалению, замысел автора написать второй том о поэзии Боратынского не был осуществлен.

С 1918 г. Ф. перестал писать на русском языке и целиком посвятил себя укр. культуре (тогда же его фамилия начинает писаться с одним «п»). В нач. 1920-х гг. входил в поэтическое объединение «неоклассики», издал два сборника стихов на укр. яз. Плодотворно занимался ист. укр. лит. В отличие от дореволюционного, этот период жизни Ф. хорошо документирован: «неоклассикам» и, в частности, Ф. посвящен ряд мемуаров (см. лит.).

Связь с русской поэзией, однако, не была прервана. Ф. перевел на укр. стих-я Пушкина, Баратынского, Брюсова (переводы из посл. см.: Валерій Брюсов. 1873–1924. Збірник. Київ, 1925).

Контакты Ф. с представителями советской интеллигенции практически не изучены, во многом это связано с тем, что архив Ф. не сохр. По-видимому, Ф. поддерживал связь с И.Н. Розановым (см. дарств. надписи Ф.: [3], по ук). Известно, что в конце 1920-х гг. с Ф. через Б.К. Лившица познакомился переводчик и литературовед И.С. Поступальский (письма к нему Ф. 1929–31 см.: [5, с. 223–230]).

Поступальский, арестованный 27.10.1936 г. как глава группы украинских националистов, в знакомстве с Ф. отчасти видел причины своего ареста: «...мое знакомство с Бенедиктом Константиновичем было до некоторой степени моим роком. Через него — знакомство с Филипповичем и т. д., а там уже что-то вроде лавины — одним словом, эпоха “культы”!» (письмо Е.К. Лившиц — ОР РНБ. Ф. 1315. № 83. Л. 3; дата ареста по: [4, с. 568]).

В 1935 г. Ф. был арестован, в феврале 1936 г. приговорен к 10 годам заключения; этапирован на Соловки. В 1937 г. дело Зерова, по кот. проходил Ф., было пересмотрено, его участники приговорены к высш. мере. Ф. был расстрелян.

Др. произв.: Стихи: Земля і вітер. Київ, 1922; Простір. Київ, 1925. **Ист. лит.:** Отчет о поездке в Петроград (31 января – 21 февраля 1915 г.). Киев, 1915; [Рец. на: Блок А. Соловьиный сад. Пб., 1918] // Наши дни. Киев, 1918. № 21; [Рец. на: Б-ка русс. классики для школы

и самообразования] // Родная земля. Киев, 1918. № 1; Письма об украинской поэзии // Куранты. Киев, 1918. № 1; От царицы к нищенке (олицетворения и аллегорические образы России) // Куранты. Киев, 1918. № 4; Шевченко і романтизм // Записки історично-філологічного відділу. Київ, 1924; Рылеев і Державін // Декабризм на Україні. Киев, 1926; Шевченко і декабристи. Київ, 1926; Укр. літературознавство за 10 років революції. Київ, 1928; 3 новітнього укр. письменства. Іст.-літ. статті. Київ, 1929 и др. ст., отчасти переизд. в сб. лит.-крит. трудов Ф. в 1991 г.

Изд.: Українська стихія в творчості Гоголя // Slavistica. Праці Інституту солв'язознавства української вільної академії наук. Winnipeg, 1952; Поезії. Мюнхен, 1957 (вст. ст. В. Державина, биограф. очерк О.Ф.); Поезії. Київ, 1989 (вст. ст. Н. Костенко); Літературно-критичні статті. Київ, 1991 (вст. ст. С.С. Гречанюка).

Лит.: Безсмертні: Збірник спогадів про М. Зерова, П. Филиповича і М. Драй-Хмару. Ред. и прим. М. Ореста. Мюнхен, 1963; *Дейч А.* День нынешний и день минувший. М., 1969. С. 235; *Тименчик Р.Д.* Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х гг. // Блоковский сборник. VI. Тарту, 1985. С. 101–117; Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог. Вып. 1. М. 1975, Вып. 2. М., 1979; *Назаревский А.А.* Из истории семинария русской филологии проф. В.Н. Перетца // Писемність Київської Русі і становлення української літератури. Київ, 1988. С. 272–294; *Гречанюк С.* «Колосом стигне слово...» (Штрихи до портрета Павла Филиповича) // Українська мова і література в школі. 1988. № 10. С.3–10; *Костенко Н.* Павло Филипович // Письменники радянської України. 20–30 роки. Київ, 1989. С. 384–406; *Костенко Н.* «Был когда-то трубадуром...» (О русских стихотворениях Павла Филипповича) // Радуга. 1989. № 12. С. 138–142 (с републикацией русскоязычных текстов); *Брюховецький В.* Микола Зеров. Киев, 1990; *Брюховецький В.* Павло Филипович // ...3 порога смерті... Письменники України — жертви сталінських репресій. Киев, 1991. С. 432–434; *Зленко Г.Д.* П.П. Филиппович и А.А. Блок. Эпизод из истории украинско-русских литературных связей // Филологические записки. Воронеж, 1995. Вып. 4. С. 184–188; *Устинов А.* Две жизни Николая Бернера // Лица. № 9. СПб., 2002; *Казьмирчук Г., Латини Ю.* Українське декабристознавство. Киев, Черкаси, 2002. С. 163–171; Київські неокласики. Упорядник *В. Агеєва.* К Київ, 2003; Литературные объединения М. и Пб. 1890–1917 годов. Словарь. М., 2004 (по ук.); Павло Петрович Филипович: матеріали до біографії (Підгот. до друку *Г.Д. Казьмирчук, В.С. Дмитрієв*) // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали. Т. 4. Київ, 2005.

С. 170–173; Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Том 6. 1937. СПб., 2007. С. 321; *Лившиц Е.* Былое // Между сердцем и временем. Воспоминания об Александре Дейче. Киев, 2009. С. 29–30; *Luckij George S.N.* Literary politics in the Soviet Ukraine, 1917–1934. Duke University Press, 1990. Українські письменники. Біо-бібліографічний словник. Т. 5. Київ, 1965 (с ошибкой в дат. рожд.); *Ашер О.* Портрет Михайла Драй-Хмари // Драй-Хмара М. 3 літературно-наукової спадщини. Нью-Йорк; Париж; Сидней; Торонто, 1979; Библиотека русской поэзии И.Н. Розанова. М., 1975; *Бирюков А.* Жизнь на краю судьбы. Писатели на Колыме: Биографические очерки. Новосибирск, 2006; *Жулинський М.* Из забуття в безсмертя. Київ, 1990; *Тименчик Р.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» А. Ахматовой // Quadrivium. Festschrift in Honour of Professor Wolf Moskovich. Jerusalem, 2006; *Тименчик Р.* Около акмеизма // *Vademecum: К 65-летию Л. Флейшмана.* М., 2010; Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 6. С–С. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019.

Архивы: Державний архів м. Києва. Ф. 16, оп. 464, спр. 10940 (студенч. дело); РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 438 (письма А. Блоку, 1914–15); Ф. 464. Оп. 1. № 136 (письма Б.А. Садовскому, 1916); Ф. 1624. Оп. 1. № 229 (автобиогр., 1914); Ф. 2554. Оп. 1. № 67 (письма С.П. Боброву, 1915–17); РГБ. Ф. 104. К. 46. № 39 (подборка стихов «Из книги “Дол”» с дарств. надп. В.И. Иванову); РНБ. Ф. 124. № 4519 (письма Э.П. Юргенсону, 1914–15).

П. Успенский

Литература

1. Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог. М.: [Б. и.], 1979. Вып. 2: Письма к Александру Блоку. 644 с.
2. *Ашер О.* Портрет Михайла Драй-Хмари // Записки товариства імені Шевченка. Нью-Йорк; Париж; Сидней; Торонто, 1979. Т. СХСVII: Філологічна секція. Драй-Хмара М. 3 літературно-наукової спадщини. С. 13–28.
3. Библиотека русской поэзии И.Н. Розанова. М.: Книга, 1975. 482 с.
4. *Бирюков А.* Жизнь на краю судьбы. Писатели на Колыме: Биографические очерки. Новосибирск: Свиньян и сыновья, 2006. 922 с.
5. *Жулинський М.* Из забуття в безсмертя. Киев: Дніпро, 1990. 446 с.
6. *Назаревский А.А.* Из истории семинария русской филологии проф. В.Н. Перетца // Писемність Київської Русі і становлення української літератури. Киев: Наукова думка, 1988. С. 272–294.

7. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 6. С–Ч. 656 с.
8. *Тименчик Р.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» А. Ахматовой // *Quadrivium. Festschrift in Honour of Professor Wolf Moskovich.* Иерусалим: [Б. и.], 2006. С. 205–224.
9. *Тименчик Р.* Около акмеизма // *Vademecum: К 65-летию Л. Флейшмана.* М.: Водолей, 2010. С. 168–196.

Research Article

Pavel Petrovich Filip(p)ovich: Article for the Dictionary “Russian Writers”

© 2022, Pavel F. Uspensky

National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the poet, translator and literary historian Pavel Petrovich Filip(p)ovich (1891–1937). Filipovich is known as the most outstanding figure in Ukrainian culture of the 1920s–1930s.: a poet who was a member of the “neoclassics” association, a translator into Ukrainian of poems by Pushkin and Bryusov, a researcher of Ukrainian literature. The Russian-language heritage of Filipovich is less well-known: under his real name he studied the works of Baratynsky, and under the pseudonym P. Zorev published his poetry in modernist magazines. The dictionary article about Philip(p)ovich sheds light on little-known pages of his creative biography of the Russian period.

Keywords: P. Fili(p)ovich, Kyiv literary life in 1900s–1910s, E.A. Baratynsky; modernism, history of literature.

Information about the author: Pavel F. Uspensky —PhD in Philology, Associate Professor, School of Philological Studies (Faculty of Humanities), National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya Street 21/4, Building 1, 105066 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2356-3036>

E-mail: paveluspenskij@gmail.com

For citation: Uspensky, P.F. “Pavel Petrovich Filip(p)ovich: Article for the Dictionary ‘Russian Writers’.” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 2 (24), pp. 95–103. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-95-103>

References

1. *Aleksandr Blok. Peregiska: Annotirovannyi katalog* [Alexander Blok. Letters: Annotated Catalog], vol. 2. Moscow, [S. n.], 1979. 644 p. (In Russ.)
2. Asher, O. "Portret Mikhaïla Drai-Khmari" ["Portrait of Mikhail Dry-Khmara"]. *Zapiski tovaristva imeni Shevchenka* [Notes of the Shevchenko Association], vol. CXCVII: Filologichna sektsiia. Drai-Khmara M. Z literaturno-naukovoï spadshchini [Philological Section. Dry-Khmara M. From the Literary and Scientific Heritage]. New York, Paris, Sidney, Toronto, 1979, pp. 13–28. (In Ukrainian)
3. *Biblioteka russkoi poezii I.N. Rozanova* [I.N. Rozanov's Library of Russian Poetry]. Moscow, Kniga Publ., 1975. 482 p. (In Russ.)
4. Biriukov, A. *Zhizn' na kraiu sud'by. Pisateli na Kolyme: Biograficheskie ocherki* [Life on the Edge of Destiny. Writers in Kolyma: Biographical Essays]. Novosibirsk, Svin' in i synov'ia Publ., 2006. 922 p. (In Russ.)
5. Zhulyns'kii, M. *Iz zabuttia v bezsmertia* [From Oblivion to Immortality]. Kiev, Dnipro Publ., 1990. 446 p. (In Ukrainian)
6. Nazarevskii, A.A. "Iz istorii seminarii russkoi filologii professora V.N. Perettsa" ["From the History of the Russian Philology Seminars of Professor V.N. Peretz"]. *Pysemnist' Kiivs'koï Rusi i stanovlennia ukrains'koï literaturi* [Writing of Kievan Rus' and the Formation of Ukrainian Literature]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1988, pp. 272–294. (In Russ.)
7. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 6. S–Ch. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019. 656 p. (In Russ.)
8. Timenchik, R. "Iz 'Imenogo ukazatelia' k 'Zapisnym knizhkam' " A. Akhmatovoi ["From the 'Name Index' to 'Notebooks' of A. Akhmatova"]. *Quadrvium. Festschrift in Honour of Professor Wolf Moskovich*. Jerusalem, [S. n.], 2006, pp. 205–224. (In Russ.)
9. Timenchik, R. "Okolo akmeizma" ["Around Acmeism"]. *Vademecum: K 65-letiiu L. Fleishmana* [Vademecum: To the 65th Anniversary of L. Fleishman]. Moscow, Vodolei Publ., 2010, pp. 168–196. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.11.2021
Одобрена после рецензирования: 05.02.2022
Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 09.11.2021
Approved after reviewing: 05.02.2022
Date of publication: 25.06.2022

Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.)

© 2022, И.Е. Лощилов, Т.В. Соснора

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Благодарности: Выражаем признательность Александру Григорьевичу Раппопрту, Юрию Николаевичу Кислякову и сотрудникам Научной библиотеки НГТУ НЭТИ им. Г.П. Лыщинского, где хранятся полные комплекты газеты «Энергия».

Аннотация: Статья посвящена воссозданию неизученной истории сибирских поездок и выступлений поэта Виктора Сосноры (1936–2019) в 1964–1966 гг. За этот небольшой срок поэт четыре раза побывал в Сибири. Исследование сфокусировано на выступлении Сосноры на пятом Дне поэзии в Новосибирском электротехническом институте (НЭТИ), прошедшем весной 1966 г., и на публикациях и дискуссии в институтской газете «Энергия». Привлекаются также материалы из других сибирских газет. В середине 1960-х гг. в Новосибирске сложился круг студентов (Е.С. Шурыгин, А.Г. Раппопорт, Ю.Н. Кисляков) и людей литературы (Е.Г. Раппопорт, Е.К. Стюарт, И.О. Фоянков, Б.Г. Половников), искусства (Н.Д. Грицюк) и науки (А.Д. Александров, В.Л. Глебов), вполне осознавших масштаб явления, с которым их свела судьба. Особое место среди публикаций занимает статья о Сосноре студента Евгения Шурыгина, которая вызвала бурную дискуссию в печати. В свою очередь, такие поездки, как и причастность к художникам авангарда «первого призыва» (Н.Н. Асеев, Л.Ю. Брик), укрепляли в поэте ощущение самого себя как средневекового поэта-жонглера, подчиняющего своему обаянию и таланту сильных мира сего. Отмечены также следы сибирской темы в поэзии и прозе Виктора Сосноры.

Ключевые слова: Виктор Соснора, сибирская литература, сибирская печать, Дни поэзии в НЭТИ, русская поэзия XX в., спор «физиков» и «лириков».

Информация об авторах: Игорь Евгеньевич Лощилов — кандидат филологических наук, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID 0000-0003-3642-2590

E-mail: loshch@yandex.ru

Татьяна Владимировна Соснора — независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: kot_leta@inbox.ru

Для цитирования: Лощилов И.Е., Соснора Т.В. Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 104–131. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-104-131>

*Светлой памяти
Евгения Сергеевича Шурыгина*

Виктор Соснора впервые выступил в Новосибирске перед студентами НЭТИ в мае 1964 г., по пути на первый День поэзии в Томском политехническом институте¹. В начавшей систематически выходить в том же году институтской многотиражке «Энергия» (полное название — «Энергия: Орган парткома, комитета ВЛКСМ, профкома, месткома и ректората Новосибирского электротехнического института») была напечатана заметка доцента института Бориса Федоровича Ласточкина — впоследствии ставшего редактором газеты — с фотографией поэта:

У нас в гостях

В гостях у студентов нашего института побывал известный ленинградский поэт Виктор Соснора. Он еще молод, ему всего 28 лет, но стихи Сосноры любимы молодежью. Первая книга его стихов «Январский ливень» вышла с предисловием Н. Асеева. Скоро выйдет еще один сборник.

В Новосибирске Соснора впервые. Не все читали его стихи. Аудитория встретила поэта сдержанно. Но уже после первых двух стихотворений лед был сломан. И вот в зале звучат аплодисменты. Все убедились, что прав открывший вечер Илья Фоянков, назвавший Виктора Соснору «очень интересным поэтом».

Стихи Сосноры несколько необычны; они не похожи на стихи других авторов. Поэт обращается к историческим темам, его увлекают сюжеты «Слова о полку Игореве», мифы древней Греции, древнерусская литература. Он умеет заинтересовывать читателя оригинальным поворотом мысли, яркими, образными сравнениями.

---

¹ Томская газета писала: «Елизавете Константиновне Стюарт, Виктору Сосноре и другим гостям повязывают нежно-зеленые косынки — символ весны. Девушки преподносят им букеты цветов. <...> Поэт Виктор Соснора: “Я прочту вам поэму ‘Махачкала’. Дело в том, что из осажденного Ленинграда я был эвакуирован на Кубань, там попал в партизанский отряд и потом оказался в Махачкале”. Затем В. Соснора читает свои стихи из исторического цикла. Седая старина обретает краски и плоть. Перед слушателями возникают образы насмешливых и остроумных балагуров — скоморохов, длинного и нескладного работяги-царя и тех простых людей, чьи изнуренные непосильной работой тела легли в фундамент города на Неве. <...> Скрестив руки на груди, чуть покачиваясь в такт музыке своих стихов читает Виктор Соснора» ([*Без подписи*] Светить — и никаких гвоздей! // Молодой Ленинец: Орган Томского областного комитета ВЛКСМ (Томск). 1964. № 67 (1920), 31 мая. С. 2). На этой же странице, среди стихов других участников, было напечатано стихотворение Сосноры «Мы овладеваем токами...».

Соснора прекрасно владеет словом, стихи отмечены высокой поэтической культурой.

Итак, первая встреча состоялась. Успех поэта — несомненен. И, конечно, мы еще не раз встретимся с Виктором Соснорой. Встретимся как с хорошим другом и замечательным поэтом².

У нас в гостях

*Виктор Соснора читает стихи в НЭТИ.
Фотография из газеты «Энергия»
(1964, № 20, 25 мая, с. 2)*

*Victor Sosnora recites his poems in NSTU.
Photo from "Energy",
no. 20, May 25, 1964, p. 2*

В следующем выпуске студенты — участники Литературного объединения НЭТИ — Юрий Кисляков и Вадим Казака дали подробный отчет о последовавшей поездке поэтов в Томск, где в мае проводился День поэзии в политехническом институте (ТПИ). Уже ставший традиционным, третий День поэзии в НЭТИ прошел в том году 22 марта, и ленинградскую поэзию на нем представила лишь поэтесса Майя Ивановна Борисова (1932–1996).

Чудесное майское утро. Новосибирские поэты Елизавета Константиновна Стюарт, Александр Кухно, ленинградский поэт Виктор Соснора, и мы, члены литературного объединения НЭТИ, собираемся на Нижне-пригородной пристани. Отсюда мы отправляемся на теплоходе «Ракета». Едем в Томск по приглашению литературного объединения ТПИ на день поэзии. <...>

День поэзии. Для политехников Томска — он первый. Но в ТПИ поэзию любят не меньше, чем в НЭТИ.

Утренняя программа начиналась в 12 часов. В клубе ТПИ зал был полон. День поэзии открыл один из преподавателей института, большой любитель поэзии. Потом выступили члены литературного объединения института, уже знакомый любителям поэзии

² Ласточкин Б. У нас в гостях // Энергия: Орган парткома, комитета ВЛКСМ, профкома, месткома и ректората Новосибирского электротехнического института (Новосибирск). 1964. № 20 (22), 25 мая. С. 2.

в НЭТИ — томский поэт Василий Казанцев. Потом читали стихи гости-новосибирцы Елизавета Константиновна Стюарт, Александр Кухно, члены литературного объединения университета, политехнического института, нашего института, приезжие московские поэты Балин и Заурих и, наконец, ленинградский поэт Виктор Соснора и наш хороший друг иркутский поэт Марк Сергеев³.

19 мая следующего года Соснора писал Лиле Брик: «Город Томск сошел с ума, и на ум ему уже не взойти. Ежедневно звонят и приглашают на три дня к ним на День поэзии. Им пригрелось, что у меня открытый счет в Госбанке и что я, как Чайльд Гарольд, могу порхать на самолетах по всему земному шару, размахивая малиновым плащом» [4, с. 164].

29 мая 1964 г. новосибирское телевидение транслировало передачу: «18.50–19.15 “Молодые голоса страны”. Виктор Соснора»⁴. Тогда же поэт выступил в Институте ядерной физики АН СССР. Об одном из вышедших после апреля 1964 г. выпусков институтской стенной газеты сообщалось: «Вы увидите здесь интересный фоторепортаж о пребывании в ИЯФ чешских журналистов Зигмунда и Ганзелки, об их встречах с академиком Г.И. Будкером и другими учеными; оригинальные фотосообщения о других интересных гостях института, например о поэтах В. Сосноре, Б. Окуджаве, М. Борисовой, М. Сергееве, и т. д.»⁵.

Однако история дружбы ленинградского поэта с сибирскими городами и сибирскими литераторами началась двумя годами ранее, когда на страницах двух вышедших в Новосибирске газет появились публикации Сосноры: нехарактерное для его манеры стихотворение «Таков закон...»⁶ и очерк о встрече и беседе с поэтом Николаем Асеевым⁷. Нет сомнений, что эти публикации состоялись

³ Кисляков Ю., Казека В. Гори, огонь творчества! // Энергия (Новосибирск). 1964. № 21–22 (23–24), 8 июня. С. 4.

⁴ Телевидение [Программа] // Советская Сибирь: Орган Новосибирского обкома Коммунистической партии Советского Союза и областного Совета депутатов трудящихся (Новосибирск). 1964. № 122 (13286), 24 мая. С. 4.

⁵ [Б. п.] Голос коллектива: Идет смотр стенных газет // За науку в Сибири: Орган Президиума и Местного комитета профсоюза СО АН СССР (Новосибирск). 1965. № 5 (181), 1 февраля. С. 3.

⁶ Соснора В. Таков закон... // Советская Сибирь (Новосибирск). 1962. № 11 (12563), 13 янв. С. 3.

⁷ Соснора В. Встречи с автором «Лада» // Молодость Сибири: Орган Новосибирского обкома ВЛКСМ (Новосибирск). 1962. № 22 (4678), 18 февраля. С. 3. В том же году поэт упомянул в беседе с корреспондентом иркутской газеты Всеволод Кочетов, также назвавший рядом имена Виктора Сосноры и Игоря Волгина среди поэтических надежд в «Комсомольской правде» (см. [4, с. 160]): «В числе

благодаря историку литературы, критику и журналисту Евгению Григорьевичу Раппопрту (1934–1977). Его брат, Александр Григорьевич Раппопрт, вспоминает:

Женя и был организатором приезда В. Сосноры на 4-й День поэзии НЭТИ. Они познакомились в Ленинграде, куда Женя приезжал двумя годами раньше, и где у Жени было множество друзей. Включая поэтов — В. Рецептера, М. Борисову, побывавшую уже на Дне поэзии НЭТИ и заработавшую там приз за лучшую книгу стихов 1964 г. У Сосноры в начале 1965-го выходила книга стихов «Триптих», и, откликаясь на приглашение Жени приехать, он сообщал об этом в ответном письме. <...> Традиционного нэтинского робота В. Соснора-таки получил⁸ — как автор лучшей поэтической книги года. Моему брату В. Соснора подписал свой «Триптих» так: «Дорогому Жене Раппопрту — моему импресарию в Сибири. С любовью и благодарностью. В. Соснора» [Цит. по: 1, с. 92].

Приведем полный текст упомянутого письма к Е.Г. Раппопрту⁹:

Эжень, привет!

Конечно, я готов приехать в марте на День поэзии. Очевидно, в конце февраля выйдет моя книга! Понимаешь, на что я намекаю? Все равно книга будет лучшей книгой года и пример поездки Майи многоцветными прожекторами освещает мои будущие мечты о Новосибирске.

Благодарствую за заказ 1000 экз. Тираж пока не установлен, но сомневаюсь, что дадут больше 10000. А — грустно! И — хамски!

Передавай крупнокалиберные приветы

Фоняку и Супруге¹⁰

молодых поэтов обладают незаурядным талантом также Игорь Волгин и Виктор Соснора» ([*Кочетов Вс.*] Страницы будущих книг: В гостях у «Восточно-Сибирской правды» // Восточно-Сибирская правда: Орган Иркутского областного и городского комитетов Коммунистической партии Советского Союза и областного Совета депутатов трудящихся (Иркутск). 1962. № 248 (12654), 20 октября. С. 4).

⁸ «Премия — изготовленный студентами маленький робот и “диплом лауреата”» ([*Без подлиси*] Четвертый традиционный: «День поэзии» в Электротехническом институте // Советская Сибирь (Новосибирск). 1965. № 70 (13543), 25 марта. С. 4). «“Где поживает робот-приз?” — спрашивала его в письме Л.Ю. Брик» [1, с. 92]. Письмо от 10 апреля 1965 г., где содержался вопрос «Где живет робот-премия?», не вошло в опубликованный свод писем Сосноры и Брик друг к другу [4].

⁹ Выражаем признательность А.Г. Раппопрту за предоставленную электронную копию этого письма и разрешение включить его в эту статью.

¹⁰ Илья Олегович Фоняков (1935–2011), поэт, журналист; Элла Ефремовна Фонякова (1934–2012), поэтесса, драматург, художник.

Эденъ, привет!

Конечно, я готов приехать в марте на
День Поэзии. Очевидно, ~~в~~ в конце февраля
выдет моя книга! Пожелаешь, но что
я наделаю? Вѣ равно книга будет луч-
шей книгой года и пример поездки
~~Лайи~~ Лайи ~~и~~ многоцветным проектором
ми овладеет мои будущие мечты о Новоси-
бирске.

Благодаривую за заказ 1000 экз. Тираж
пока не установлен, но сомневался, что да-
дут больше 10000 ~~экз~~ А - круто! И - хашики
Передавай крупнокамерные приветы

Роняку и Супруге
(сааибо ему за отработку с Кубой,
но не знаю его адреса)

Замше и Супругу,
Немировскому, Браевскому, Ротману
(пукай мне напишут)

и Тебе, конечно - Привет
и Елизавете Константиновне

Старост.

Будь здоров. Не пиши, если кто.

V. Sosnora ← 10. XII. 64.

Письмо Виктора Сосноры к Евгению Раппопорту от 10 декабря 1964 г.

Личный архив А.Г. Раппопорта

Victor Sosnora's letter to Evgeny Rappoport. 10 December 1964.

From A.G. Rappoport's Personal Archive

(спасибо ему за открытку с Кубы, но не знаю его адреса)
Замире и Супругу¹¹,
Немировскому¹², Ораевскому¹³, Остальным
(пускай мне напишут)
и Тебе, конечно — Привет
и Елизавете Константиновне
Стюарт¹⁴.

Будь здоров. Напиши, коли что.

В. Соснора

10. XII. 64 г.

Имя Сосноры появляется на страницах «Энергии» в 1964 г. еще раз — в статье Евгения Раппопорта об открытии выставки изобразительных работ студента Юрия Кислякова:

Шутливая книга отзывов заполнена дружескими пожеланиями, добрыми советами. Получилось, что как раз, когда выставка была открыта, в редакции побывали поэты Виктор Соснора, Марк Сергеев, Александр Кухно. Они внимательно, по-серьезному отнеслись к тому, что увидели на листах Юры. И оставили свои отзывы. Сергеев говорил про то, что близок шаг к профессионализации, Соснора — о разных манерах, из которых надо выбирать одну, чтобы в ней большего достичь. Мнения поэтов, понятно, особенно дороги автору.

Жаль, что выставку просмотрело мало наших студентов¹⁵.

В следующем, 1965 г. Соснора приехал полноправным участником уже новосибирского Дня поэзии и даже был удостоен «поощ-

¹¹ Замира Мирзовна Ибрагимова (р. 1938), журналист, писатель. Борис Григорьевич Половников (1937–1996), журналист, сценарист.

¹² Владимир Иванович Немировский (1933–1993), директор Дома культуры «Академия», позже Дома Ученых в новосибирском Академгородке; прототип Моровского из поэмы Сосноры «Не о себе (Памяти Н. Грицюка)».

¹³ Виктор Николаевич Ораевский (1935–2006), ученый-физик.

¹⁴ Елизавета Константиновна Стюарт (1906–1984), поэтесса, драматург. См. о ней в новелле «Русофобия» из книги «Дом дней» (1986) [6, с. 705]. Ср.: «А когда к нам в Новосибирск стал наезжать из Ленинграда Виктор Соснора, Елизавета Константиновна с большим интересом отнеслась и к его своеобразной, иррациональной и, безусловно, неблизкой ей поэзии, принимала поэта у себя дома, слушала его острые, подчас парадоксальные суждения, чего-то не принимая в них, а что-то и принимая...» [10, с. 166].

¹⁵ *Раппопорт Е.* Рождение новой традиции // Энергия (Новосибирск). 1964. № 23–24 (25–26), 29 июня. С. 4.

рительной премии»: «21 марта в институте прошел традиционный IV День поэзии. <...> Поощрительные премии были присуждены барнаульцу МАРКУ ЮДАЛЕВИЧУ (за сборник «Сок земли»), нашему земляку АЛЕКСАНДРУ КУХНО (за еще незаконченную поэму «Море», главы из которой он с большим успехом прочитал на Дне поэзии) и ленинградскому поэту ВИКТОРУ СОСНОРЕ за сборник «Триптих»»¹⁶. Однако, на этот раз, вероятно, дело не обошлось без недовольства со стороны официальных инстанций. Далее в неподписанной заметке, предвзявшей материал о накладках в организации Дня поэзии, говорилось: «Стоит отметить, что выступление Сосноры разочаровало аудиторию: содержание его неопубликованных поэм (о Махачкале и о саами¹⁷), которые он прочел, вызывает возражения. И большое мастерство поэтической техники Сосноры не может сгладить неприятное впечатление у слушателей»¹⁸. Упоминалось имя поэта и в самой статье Ю. Слепака «Ложка дегтя в бочке меда»:

День поэзии открылся. Он посвящен героическому Ленинграду, в связи с 20-летием прорыва блокады. Звучит музыкально-литературная композиция. Музыка написана молодым талантливым ленинградским композитором, погибшим во время блокады.

Все последующее явилось, по-моему, просто оскорблением, хотя и невольным, Ленинграда. Оказывается, посвящение Дня поэзии Ленинграду — полная неожиданность для всех поэтов, принимавших участие в Дне поэзии (за исключением ленинградца Сосноры).

Поэты выходят по очереди к микрофону, и, предупредив, что они не знали о ленинградской теме Дня поэзии и что стихов о Ленинграде у них нет, читают стихи про Магадан (ведь он, оказывается, лежит на одной параллели с Ленинградом) или стихи, посвященные другу, который живет в Ленинграде¹⁹.

¹⁶ [От редакции] // Энергия (Новосибирск). 1965. № 13 (53), 29 марта. С. 2.

¹⁷ Речь идет о поэмах Сосноры «Махачкала» и «Фауст и Венера». Поэма «Фауст и Венера» была напечатана в СССР лишь в 1990 г. [9, с. 301–307], «Махачкала» не опубликована до сих пор. А.Г. Раппопорт вспоминает: «Прочитанное в актовом зале всеми участниками Дня поэзии НЭТИ писалось на большую магнитофонную бобину, впоследствии утерянную. К счастью, Юра Кисляков (ныне доктор технических наук и профессор новосибирского Института народного хозяйства) успел расшифровать, распечатать на машинке ишить в самиздатовский 1-й том “Виктор Соснора, Стихи и поэмы” почти весь цикл прочитанных там Соснорой стихов. <...> Благодаря этому самиздатовскому тому сохранились некоторые тексты В. Сосноры в ранних редакциях, а некоторые вообще он больше нигде не читал и не публиковал — поэму “Махачкала”, например» [Цит. по: 1, с. 92–93].

¹⁸ [От редакции] // Энергия (Новосибирск). 1965. № 13 (53), 29 марта. С. 2.

¹⁹ Слепак Ю. Ложка дегтя в бочке меда: Организационные вопросы Дня поэзии; [От редакции] // Энергия (Новосибирск). 1965. № 13 (53), 29 марта. С. 2.

«Молодость Сибири» была более благодушна:

Разумеется, не только стихи о Ленинграде звучали в этот день в электротехническом институте. Читали свои стихи студенты, с новыми произведениями знакомили собравшихся гости «дня поэзии» — ленинградец Виктор Соснора, барнаульцы Марк Юдалевич и Владимир Сергеев, омич Алексей Пьянов, гость из далекого Дагестана — аварский поэт Ахмед Абашилов. Успешно выступили новосибирцы. <...> Выступает Виктор Соснора. В его стихах — сложный мир чувств и мыслей. Их форма необычна, своеобразна... Внимательно слушает зал, и еще до того, как зазвучали аплодисменты, становится ясно: стихи приняты, поняты, стихи «дошли» по адресу²⁰.

Тогда же в «Молодости Сибири» было напечатано стихотворение «И все озера красные...»²¹. Выступил он и перед участниками литературного объединения при Доме культуры «Академия»: «... в гостях у литобъединенцев побывали наши современники, талантливые поэты: В. Соснора и Е. Евтушенко, Г. Горбовский и А. Вознесенский, Р. Козакова и Н. Королева»²². На обратной дороге поэт, вероятно, на какое-то время остановился и выступил в Омске, где вскоре в печати появилась подборка его стихотворений²³.

Однако самым насыщенным, кажется, был приезд Виктора Сосноры на следующий, пятый День поэзии в НЭТИ. Накануне «Энергия» напечатала, среди прочих, его телеграмму:

Прилетаю восьмого

СОСНОРА²⁴

В следующем выпуске газета писала:

Бурей аплодисментов приветствуют гостей собравшиеся в зале студенты и преподаватели: и москвичей Нину Чистякову и Анатолия

²⁰ [Без подписи] Четвертый традиционный: «День поэзии» в Электротехническом институте // Советская Сибирь (Новосибирск). 1965. № 70 (13543), 25 марта. С. 4.

²¹ Соснора В. «И все озера красные...» // Молодость Сибири (Новосибирск). 1965. № 35 (5158), 21 марта. С. 3.

²² Половников Б. Физики должны писать стихи // За науку в Сибири (Новосибирск). 1965. № 41 (217), 18 окт. С. 4.

²³ Соснора В. «А крикливые младенцы...»; Косноязычие; Гимн гномам; Снег в ноябре // Молодой Сибиряк: Орган Омского обкома ВЛКСМ (Омск). 1965. № 42 (3607), 4 апр. С. 3.

²⁴ Соснора [В.] [Телеграмма о прилете в Новосибирск на «День поэзии»] // Энергия (Новосибирск). 1966. № 12 (95), 4 апр. С. 2.

Накануне:

Новосибирск. НЭТИ. Штаб Дня поэзии.
Спасибо. Приеду. О дне вылета извещу.
Майя **БОРИСОВА.**

Дорогие друзья, благодарю за Ваше приглашение приехать на праздник поэзии. К сожалению, приехать не могу. Болен и в это время буду лечиться.

Шлю Вам свой привет, желаю всего доброго и чтобы День поэзии прошел у Вас воистину поэтически.

Ваш **Леонид МАРТЫНОВ.**

Прилетаю восьмого.

СОСНОРА.

Приеду девятого.

КАЗАНЦЕВ.

Новосибирск. НЭТИ. Штаб Дня поэзии.

Милые друзья. К большому огорчению, 10 быть не могу. Подробности письмом. Всех крепко обнимаю. Всегда ваш

Марк СЕРГЕЕВ.

Телеграммы поэтов. Газета «Энергия» (1966, № 12, 4 апр., с. 2)

Poets' telegrams. "Energy", no. 12, 4 April 1966

Жигулина, приехавших к нам с путевкой ЦК комсомола, и лауреатов прошлых Дней поэзии — ленинградцев Майю Борисову и Виктора Соснору, и рабочих-поэтов из Бердского литобъединения «Листопад» (во главе с секретарем РК КПСС тов. А.Г. Христофоровым), студентов Томского политехнического института и Томского университета, молодых поэтов из Академгородка и литературного объединения «Молодость Сибири», и новосибирскую поэтессу Нинель Созинову, и верных друзей и любимцев нашего студенчества Илью Фонякова, Александра Кухно. <...>

Дипломы лауреатов пятого Дня поэзии вручены также Майе Борисовой (Ленинград), Виктору Сосноре (Ленинград), Евгению Тарееву (Бердск) и Нине Греховой (Новосибирск)²⁵.

Там же было напечатано — без двух первых строф, явно вызвавших идеологические и эстетические нарекания — стихотворение Со-

²⁵ [Без подписи] Я хочу говорить о Сибири // Энергия (Новосибирск). 1966. № 13–14 (96–97), 18 апреля. С. 3.

сноры «Первая версия основания Петербурга», нигде впоследствии не печатавшееся поэтом.

Первая версия основания Петербурга

(Отрывок)

...Невзирая на хворобу,
Царь в сарае на соломе.
Рубит царь окно в Европу,
Кот в ботфортах ломом ломит.
Царь с царицею охотно,
Двери-сквозняки захлопнув,
Примостятся у окошка,
У которого в Европу.
Город воспоют поэты,
Чтобы при дворе на первых,
И получают эпoletы
За полезные напевы.
А в Украйнах и в столицах
Мы колышемся в колодках,
Наплевать на историчность
Нам, голодным, нам, холопам.
Ты великий и вали к ним.
Нелегко величье нажил,
Наши лики, наши лыки,
Наши города – не наши.
Наши кабаки да брага,
Мы по струнке, мы в сторонке.
Город строили три брата:
Смерд, служивый, зодчий строил.
А строителей, как всех, кто
Строил, всех замордовали,
В бетонированных стенах
Матерей замуrowали,
Чтоб наружу только груди
Материнскими сосками,
Ох, мы трудимся до хруста,
До скелетного оскала.
Мы прильнём к соскам: спасибо,
Мама, – выкормила голых.

Нам посильно, мы осилим
 Сотый, миллионный город.
 Дрыном, колгем, но построим.
 Будет каждый город важный
 Плахой всем возможным тронам –
 Как бы их ни называли²⁶.

Однако и «крамольные» две первые строфы читатель «Энергии» мог найти — в неподписанной статье о творчестве самодеятельных поэтов, с большой вероятностью принадлежавшей перу тогдашнего редактора газеты Владимира Львовича Глебова (1929–1994):

*У День поэзии в НЭТИ.
 Фотография из газеты «Энергия»
 (1966, № 13–14, 18 апреля, с. 3)
 5th Poetry Day in NSTU.
 Photo from “Energy”, no. 13, 18 April 1966*

А ведь у всех перед глазами были достойные примеры. Вот прочитанные на Дне поэзии стихи Виктора Соснора, дающие с революционной партийностью народную оценку парадному великолепию царской империи.

И пусть иногда у В. Соснора встречаются стихи эстетически спорные (начало «Первой версии»): «На берегу волны пустынной не стоял, а телом грешным обвисал, блюя постыдно в кадь с рассолом огуречным. Плюс царю еще простуда, засопливлен ус кошачий, для царицы-проститутки царь хоть болен, но ишачит»), но они очень четко выражают именно народное восприятие царя-угнетателя²⁷.

Поэт принял участие в поэтическом вечере в Академгородке: «11 апреля в Доме культуры СО АН СССР выступали и молодые новосибирцы <...>, и гости Академгородка — Г. Чистякова, А. Жигулин (Москва), М. Борисова и В. Соснора (Ленинград). Майя Борисова

²⁶ Соснора В. Первая версия основания Петербурга (Отрывок) // Энергия (Новосибирск). 1966. № 13–14 (96–97), 18 апреля. С. 3.

²⁷ [Без подписи] Конкурс на лучшее произведение поэтов-непрофессионалов // Энергия (Новосибирск). 1966. № 13–14 (96–97), 18 апреля. С. 3–4.

и Виктор Соснора уже не в первый раз в Новосибирске, их стихи знают у нас и любят»²⁸.

Осенью того же года Соснора приезжал в Новосибирск еще раз, и снова выступил перед студентами НЭТИ:

Встреча с В. Соснорой

Виктор Соснора — это имя уже известно в нашем институте.

Состоявшееся в четверг его выступление — четвертое. И, как всегда, проходило при полном зале.

На этот раз поэт выступил с новой программой. В ней все необычно — и сюжет, и манера письма, и ее герои.

Трудно судить о книге по ее отдельным частям. Впереди два года работы, как говорит сам автор.

Но уже сейчас даже по тому немногому, что он прочитал у нас, видно, что мы являемся свидетелями рождения оригинального произведения.

Можно без боязни сказать, что во время чтения глав из этой книги в зале не было ни одного равнодушного слушателя.

Почти каждое предложение, каждая реплика вызывала одобрительный шум зала. Да и сам автор чувствовал, что аудитория его понимает.

Более двух часов продолжалось выступление В. Сосноры.

В заключение по просьбе слушателей В. Соснора прочитал несколько уже успевших стать известными своих стихотворений.

Будем надеяться, что эта четвертая встреча с В. Соснорой не последняя. Несколько новых стихов поэт предоставил нашей редакции. Они будут опубликованы в одном из следующих номеров «Энергии»²⁹.

В этот раз поэт опять появился на новосибирском телевидении: «15 октября 1966 г., 20.25–21.00. Литературная суббота. Стихи Виктора Сосноры»³⁰.

²⁸ [Без подписи] Плюс поэзия // За науку в Сибири (Новосибирск). 1966. № 16 (242), 19 апреля. С. 4.

²⁹ Яхтин Т. Встреча с В. Соснорой // Энергия (Новосибирск). 1966. № 39 (122), 17 октября. С. 1.

³⁰ Телевидение [Программа] // Советская Сибирь (Новосибирск). 1966. № 240 (14022), 9 октября. С. 4; Телевидение [Программа] // Советская Сибирь (Новосибирск). 1966. № 245 (14027), 15 октября. С. 4. В новосибирском телеэфире звучали стихи Сосноры и в «глухом» 1983 г.: «6 ноября 1983 г. 17.20–17.55. Телевизионный поэтический театр. Стихи Виктора Сосноры и Расула Гамзатова читает Валерий Чумичев» (Телевидение [Программа] // Советская Сибирь

В какой-то из своих приездов Соснора выступил на заседании литературного объединения «Молодость» в клубе завода «Сибсельмаш»: «Добрými гостями “Молодости” были новосибирцы А. Смердов и С. Залыгин, М. Назаренко и И. Фоянков, москвичи Р. Рождественский и А. Смольников, ленинградцы В. Кузнецов и В. Соснора» [2, с. 16].

Об этих выступлениях и приездах Соснора написал в новелле «К 10-летию со дня смерти Н. Грицюка» из книги «Дом дней» (1986): «Я бил деньги и в НЭТИ, завинчивая и развинчивая уста. При А.А. Александрове³¹. Платили в серебряных рублях начала века, сибирский стиль» [6, с. 716]. Такие поездки, вероятно, какое-то время, как и причастность к художникам авангарда «первого призыва» (Н.Н. Асеев, Л.Б. Брик), укрепляли в поэте ощущение самого себя как средневекового трубадура, поэта-жонглера, подчиняющего своему обаянию и таланту сильных мира сего.

Газета «За науку в Сибири» напечатала два стихотворения Сосноры («Бессолнечные полутени...» и «Музыкант») с такой преамбулой:

(Новосибирск). 1983. № 255 (19209), 6 нояб. С. 4), а в 1971 г. поэт был упомянут в рассказе из жизни и быта новосибирского Академгородка с блоковским названием «Пора приниматься за дело...». Речь идет об известном дискуссионном клубе в кафе «Под интегралом»: «Пожалуй, единственным местом, где можно провести время в свое удовольствие, было молодежное кафе. Оно стояло на отшибе, недалеко от автогаража. В кафе устраивали музыкальные, литературные вечера, приглашая ученых, поэтов, музыкантов. Бывал здесь Виктор Соснора. Он скрипучим голосом читал свои прекрасные стихи из истории Древней Руси» (*Тымский Е.* Пора приниматься за дело... // За науку в Сибири (Новосибирск). 1971. № 8 (489), 17 февраля. С. 4). Свою статью о художнике Николае Грицюке журналист Борис Половников озаглавил строчкой из стихотворения Сосноры «Февраль»: «Находясь в постоянном поиске, боясь статичности и стремясь открыть то, чего еще не было в живописи, Грицюк застрахован от шаблона и серости. Вот почему мне кажется, что лучше всего сущность грицюковского творчества определяет метафора Виктора Сосноры: “Художник дышит млечным снегом!”» (*Половников Б.* «Художник дышит млечным снегом» // За науку в Сибири (Новосибирск). 1967. № 1 (277), 1 января. С. 2).

³¹ Второй инициал — опечатка или ошибка памяти поэта. Речь идет об академике Александре Даниловиче Александрове (1912–1999), который в 1964–1986 гг. жил и работал в новосибирском Академгородке. Ср.: «...в отличие от моих друзей по ЛИТО НЭТИ, я видел и слышал В.А. Соснору не только на Днях поэзии в НЭТИ, в ТПИ (Томском политехническом институте) и АГУ (Алтайском государственном университете), но и в гостиничных номерах Новосибирска, Томска, Барнаула, Иркутска, в нашей квартире в Новосибирске, в новосибирской же квартире Ильи и Эдды Фоянковых, в Академгородке — в номере гостиницы “Золотодолинская”, где Соснора жил около месяца, в коттедже академика А.Д. Александрова, бывшего ректора ЛГУ, в кабинете тогдашнего директора Дома ученых, моего сводного брата Владимира Немировского (“Вот — Володя Морковский, Секретарь Всех Инстанций Страны Сибирь” — писал потом о нем, чуть изменив фамилию героя, В. Соснора в посвященной “Памяти Н. Грицюка” поэме “Не о себе”), в ангарской и в иркутской квартирах моего родного, старшего брата Жени Раппопорта» [1, с. 92].

В Академгородке по направлению ЦК ВЛКСМ вновь гостит ленинградский поэт Виктор Соснора, стихи которого нашли признание у жителей научного центра. 3 октября в Доме культуры «Академия» В. Соснора выступил с чтением своих новых произведений.

Сегодня мы публикуем два стихотворения поэта из его парижского цикла, который в скором времени будет полностью опубликован в журнале «Знамя», а также выйдет отдельной книгой в издательстве «Советский писатель». Стихи публикуются впервые³².

В одном из номеров «Энергии» были напечатаны два стихотворения Сосноры [1966 г., с. 4]: «Да здравствуют красные пляски Матисса!»³³ и «Хроника Ладоги» («Когда от грохота над морем...»), уже опубликованное к тому времени в журнале «Литературная Грузия» (1966. № 6. С. 16)³⁴.

Но самое удивительное: на той же странице в рубрике «Ваше мнение?» была опубликована вдохновенная статья Евгения Сергеевича Шурыгина (1946–2021), в то время — студента, ставшего на всю жизнь и другом, и поклонником, и тончайшим знатоком поэзии Виктора Сосноры.

В. Соснора — как я его понимаю

1

Слава богу, относительно Виктора Сосноры не существует единодушного мнения. Много раз, заговаривая о нем, я наткнулся на недоумевающее «кто это?». Однажды я слышал, как его декламировали хором. Говорили, что он не имеет отношения к поэзии («не улавливали»), говорили, что это наилучший наш поэт и отказывались говорить, потому что говорить было нечего.

— Что, Соснора приехал? Сколько вам билетов? — Шестнадцать. Не берите на него, это такой матершинник, это же он про цыганку с милиционером³⁵...

³² [Соснора В.] Стихи В. Сосноры // За науку в Сибири. 1966. № 41 (267), 11 октября. С. 3.

³³ В позднейших редакциях первая строка читается: «Да здравствуют красные кляксы Матисса!» (см., например: [7, с. 169]).

³⁴ Соснора В. «Да здравствуют красные пляски Матисса!...»; Хроника Ладоги // Энергия (Новосибирск). 1966. № 44 (127), 28 ноября. [С. 4.].

³⁵ Речь идет о стихотворении «Цыгане» (1964) из неизданной в свое время книги «Темы» (1965). См.: [7, с. 404–407]. В СССР это стихотворение впервые было напечатано в 1989 г. в ленинградском альманахе «День поэзии» (с. 221–223).

Он практически неизвестен (2 небольшие книги микроскопического тиража и единственная журнальная публикация). Его переписывают на сотни пленок и перепечатывают, его «издают за границы» — Париж, Рим, Нью-Йорк³⁶. О Сосноре пишут хвалебную статью Б. Слуцкий и ругательную С. Островой³⁷. Его любят, его терпеть не могут, ненавидят его манеру чтения, перенимают эту манеру и не могут от нее избавиться. Отстроиться от Сосноры трудно: ругают его стихи и подражают ему до мелочей.

Что же, все совершенно нормально. Люди различны. Каждый до поры считает это банальностью. Тусклые явления более удобны — они не содержат противоречий.

2

На самом деле все не так. Виктор Соснора это человек 30 лет, поэт. «Этим и интересен». Интересен тем, что сейчас, во время засилья плохих стихов, он плохих стихов не пишет. Он автор множества книг в стихах и прозе, «но они пока не напечатаны», несколько его пьес «пока не поставлены». Он много ездит и недавно в четвертый раз присутствовал на нашей сцене — этот небольшой человек в дешевом парижском свитере³⁸ и малопромокаемых ботинках.

Не будем говорить о мастерстве Сосноры — это тема будущих исследований. Это огромный мастер. Стихи его — тонкая и стройная конструкция поразительной красоты. Это свобода, полное раскрепощение стиха. В общеизвестных мерах он находит сотни оттенков. Он убежден, что ямб неисчерпаем. Не упрекайте его в вычурности. В. Соснора прост и естественен в стихах. Если же естественными принято считать парадность и серость — тем хуже для нас.

Соснора независим как каждый настоящий поэт. Он не работает на публику, на читателя. Он служит поэзии бескорыстно и смело. Его «Хроника Ладоги» лучшее, чем можно напутствовать художника.

³⁶ К этому времени в переводе на английский язык вышли стихотворения «Дельфин» [12, р. 71], «А ели звенели металлом зеленым!», «Полночь», «Гололедица» [13, pp. 169–174]; в Париже, на русском языке с параллельным переводом на французский — «Скоморохи», «Плодородье» и «Литейная осень» [11, pp. 523–528], по-французски — «Вдохновение», «Первый снег» и «Городской лес» [14, pp. 1222–1224]. Упомянув Рим, Евгений Шурыгин, возможно, имел в виду подготовку переводов на итальянский для антологии, которая вышла, однако, в 1967 г. в Милане [15] (см.: [1, с. 174]).

³⁷ Статьи «pro et contra» о книге «Триптих» были напечатаны в «Литературной газете» в конце 1965 г.: «Начало сказки» Б. Слуцкого (№ 145 (3914), 9 дек., с. 3) и «Кислое и пресное» С. Островой (№ 151 (3920), 23 дек., с. 3).

³⁸ В ноябре 1965 г. Соснора побывал в Париже в составе делегации Союза писателей СССР.

Его оптимизм казался невероятным. («Пока что дожди, но выше — там солнечности — завались... ты ничего не бойся, лада, все это байки, это — проза моих сомнений, соль на марле. К утру мои просохнут весла и завтра будет все нормально, как все, что утром, все что звездно»).

Свои последние стихи Соснора называет мрачными. Это не так. Они необыкновенно прозрачны. Если пользоваться словами завитыми и пудреными — это мудрость классики, созерцание, это совершенное понимание, но не мрачность (поэма «Два сентября один февраль»).

Соснора пишет прекрасную поэму в 70 частях за семь дней. Поэма — его излюбленный жанр. Кажется, он пишет необыкновенно легко. В его стихах не встретить обычных для других поэтов сетований на неподатливость рифм. Его поэзия сильна. Это поэзия мощного интеллекта.

Взгляды В. Сосноры, казалось бы, исключительно просты. Он находит что-то близкое в каждом поэте и отвергает сочинителей, не имеющих к поэзии отношения: Осадов <так!>³⁹, Кобзев, Марков и т. д. (Осадов, пожалуй, скорее полезен как эталон непоэзии). То, что хорошо — хорошо. В то же время в стихах: «...не понимай, что абсолютно черный цвет — иллюзия, искус наглядно виден черный цвет, есть абсолютный человек, есть абсолютный негодяй, есть абсолютный трус».

Поэт не должен быть в центре внимания. Это посредник, инструмент («Я лишь фонарик на корме, я моментальный инструмент», «Анафема различных лиц смешна, а слава не нужна»), Соснора, который слегка известен по двум книгам, который сброшюрован, издан, жив, — это не он сам. Пока о нем знают не многие. Это хорошо (вспомните Евтушенко).

Б. Слуцкий сказал, что Соснора «в начале сказки». «Начало» пришло. Теперь происходит продолжение. Оно велико. То, что не

---

³⁹ Написание «Осадов» носило явно намеренный и издевательский характер. В статье о судьбе ЛИТО НЭТИ Шурыгин писал фамилию правильно: «Можно бы говорить об Асадове, но мало места, а зла много. Он почитаем, его переписывают, зал на его выступлениях переполнен. Читают “Как только разжались объятия...”», и так далее. Это не дурной вкус, это совершенное отсутствие вкуса. На вечер великолепного поэта В. Сосноры приходится зазывать. Почему?» (*Шурыгин Е.* «В НЭТИ лирика как физика?» Разговор по большому счету // *Энергия* (Новосибирск). 1966. № 42 (125), 14 ноября. С. 4). Приведена первая строка стихотворения Э. Асадова «Ночь» (1961). В той же статье имя Сосноры было упомянуто еще раз: «Теперь интерес переключился, как заметил В. Соснора, на людей с гитарами. И в той, и в другой области появилось множество эпигонов, способствующих инфляции» [Там же].

досказано здесь, содержится полностью в публикуемых отрывках из «Хроники Ладоги»⁴⁰.

Незадолго до этого Евгений Шурыгин выступил с программной статьей «“В НЭТИ лирика как физика?” Разговор по большому счету»⁴¹, где критиковал работу литературного объединения Института:

В настоящий момент ЛИТО — фикция, но ради соблюдения «традиции» делается вид, что оно существует. Года три назад ЛИТО существовало, оно было заметно в институте и полезно.

Был настоящий руководитель — Е.Г. Раппопорт. В прошлом году ЛИТО преобразовалось в тихий закут, где плыл мерный голос доцента Д.В. Филюрина. «Традиция» осталась, ЛИТО — нет.

ЛИТО нет. В последний год — «закатный», не было настоящего руководителя. Был Д.В. Филюрин. ЛИТО незаметно и бесполезно. Немногочисленные выступления его убоги. День поэзии подготовлен не литобъединением. <...>

ЛИТО надо возродить. Нужен руководитель. Доцент Филюрин себя нисколько не оправдал (говоря предельно сдержанно).

ЛИТО нужна своя газета — «Вестник ЛИТО», «ЛИТО-хроника», или как еще ее будут называть. Нужны бумага, краски, кисти (не вечно кланчить в библиотеке). Нужна пишущая машинка⁴².

Вскоре, как явствует из публикаций с игровой подписью «Федот Д'Анетот» (скорее всего, также принадлежащей В.Л. Глебову), Шурыгин возглавил работу ЛИТО. Обратим внимание на то, что Федот Д'Анетот упоминал на страницах нэтинской газеты не только публикуемого поэта Виктора Соснору, но и «подпольного» Иосифа Бродского с его неофициальной славой и авторитетом:

17 ноября под председательством Жени Шурыгина (ЭТФ)⁴³ состоялось очередное заседание ЛИТО. Как и было обещано, главное внимание было посвящено обсуждению поэмы С. Логвиненко «Внимание, Атлантида!». Поэма вызвала серьезную критику. По мнению

⁴⁰ Шурыгин Е. В. Соснора — как я его понимаю // Энергия (Новосибирск). 1966. № 44 (127), 28 нояб. [С. 4.]

⁴¹ В названии была использована строка из популярной среди студентов НЭТИ песни: «Недаром в студенческой песне есть такие слова: “В НЭТИ лирика, как физика, — / Обязательный предмет” (Г.П. Лыщинский, «Праздники поэзии...», [2, с. 167]).

⁴² Шурыгин Е. «В НЭТИ лирика как физика?» Разговор по большому счету // Энергия (Новосибирск). 1966. № 42 (125), 14 ноября. С. 4.

⁴³ Электротехнический факультет.

некоторых из выступавших, поэма страдает нечеткостью идейного замысла. Другие, хотя и с трудом, все-таки обнаружили в ней определенную идейную направленность, но не согласились с ней.

Серьезные претензии вызвала художественная сторона поэмы: автора упрекали в несамостоятельности, формальном подражании Виктору Сосноре и Иосифу Бродскому, в нарочитости образных средств поэмы. Была отмечена изрядная доля безвкусицы, местами доходящей до вульгарности⁴⁴.

Статья Евгения Шурыгина «В. Соснора — как я его понимаю» вызвала беспрецедентный для «Энергии» резонанс: газета несколько раз возвращалась к полемике вокруг статьи, ее автора, и ее героя.

О стихах В. Сосноры и статье Е. Шурыгина

Мне кажется, что статья представляет больший интерес, чем стихи. Она не менее эмоциональна, но имеет какой-то смысл. Вопрос о том, в какой степени произведение искусства должно быть явно мотивированным и понятным — это предмет многолетних споров. Конечно, утверждение, что дважды два равно четырем, не может считаться искусством.

Но является ли бессмысленность его признаком? Только несвязный набор слов может вызвать резонанс у читателей⁴⁵.

Шаман во время камлания иступленно вращающийся вокруг собственной оси, тоже передает свой экстаз легковерной части слушателей.

Тов. Шурыгин прав, порицая парадность и серость ряда стихов. Но многие ли лучше?

Хвалить нелепые пляски, как это делает В. Соснора, не стоит. Мне кажется, что не стоит хвалить и нелепые стихотворения⁴⁶.

---

⁴⁴ Федот Д'Анетот. А все-таки «они вертятся»! // Энергия (Новосибирск). 1966. № 43 (126), 21 ноября. С. 4.

⁴⁵ В следующем выпуске было напечатано «Исправление» к этому месту: «В газете “Энергия” за 6 декабря 1966 г. в статье “О стихах В. Сосноры и статье Е. Шурыгина” Т. Иосифова была допущена опечатка. Вместо абзаца, начинающегося со слов “Но является ли бессмысленность его признаком? Только несвязный набор слов может вызвать резонанс у читателей” следует читать: “Но является ли бессмысленность его признаком? То, что мало связный набор слов может вызвать резонанс у читателей — ничего не доказывает”» ([От редакции] Исправление [к: Т. Иосифов. О стихах В. Сосноры и статье Е. Шурыгина // Энергия (Новосибирск). 1966. № 46 (129), 12 дек. С. 4).

⁴⁶ Иосифов Т. О стихах В. Сосноры и статье Е. Шурыгина // Энергия (Новосибирск). 1966. № 45 (128), 6 декабря. С. 4. Как сообщил нам А.Г. Раппопорт, подпись «Т. Иосифов», скорее всего, принадлежит химику, журналисту

В следующем выпуске — два материала, студента И. Корсакова и выступающего от лица редакции «Федота»:

«Проявите авторучность!»

Соснора — велик. Но я из тех «несчастных», которые не то что не понимают Соснору, а считают, что Соснора — **не поэт**.

Что Соснора психолог — это ясно. Без знания психологии он, бескорыстный служитель поэзии, умер бы с голода и не носил бы парижских свитеров, т.к. никто не купил бы его стихов. Но он знает, где их продавать. Это «заграницы», и, как ни печально, ЛИТО НЭТИ — тот рынок, где Соснору подняли на щит, где о приезде Сосноры пишут объявления:

«В Новосибирске — Гагарин»;
«В Новосибирске — де Голь»;
«В Новосибирске — Соснора».

Какие аналогии... Но провести их просто: ведь Соснора — человек «мощного интеллекта», а мощных интеллектов в 30 лет, по-моему, единицы.

Соснора — **не поэт**. Но Соснора пользуется спросом. Аналогично платят бешеные деньги за творения обезьян, ради того, чтобы выделиться из массы, чтобы стать выше «прописных истин» о настоящем искусстве, о настоящей поэзии. Окажется, существует еще одна поэзия, поэзия «настоящего поэта», «огромного мастера», Сосноры. Почему вы не назвали его гением, тов. Шурыгин?

Когда цитируют поэта, критикуя его, цитируют лишь одну-две строки, — это мне кажется нечестным. И все-таки я использую этот нечестный прием. Скажите, тов. Шурыгин, что значат слова:

«Налево — налево, направо — направо.
Текли, а потом все течение обратно.
Попробуйте снова течение направить.
Попробуйте вновь проявить карандашность»⁴⁷.

и популяризатору науки Теодору Иосифовичу Молдаверу (1913–2003), в то время — преподавателю Кафедры полупроводников НЭТИ.

⁴⁷ Финальные строки стихотворения В. Сосноры «Да здравствуют красные кляксы Матисса!»

Приведена целая строфа и соблюдены сосноровские знаки препинания.

«Проявите авторучность
И чернилово течение
Опрокиньте на бумагу,
А потом его обратно,
Чтоб бумага вновь осталась».

Эти строки, тов. Шурыгин, я написал совершенно свободно. Мне далее кажется, что в них что-то такое есть... диалектическое (в частности, знаменитый закон отрицания отрицания, противоречие бумаги и чернил и т. д.). В общем-то я бы быстрее Сосноры писал поэмы. У меня быстрый почерк. *И. Корсаков, группа РТ-43*⁴⁸.

Вокруг Сосноры

Знаете, что-то не то с литераторами русскими творится! Правильно делали в свое время, что некоего Пушкина (А.С. который) за кордон не пускали. А то бы он, пожалуй, купил бы у какого-нибудь Беранже парижский фрак, да и тиснул в заграничном журнальчике что-нибудь вроде: «Прощай, немытая Россия...». Ах, это не он, это Лермонтов сочинил? Тоже хорош гусь: все про какую-то ветку Палестины да аравийские пальмы плакался, а сам жил за счет своей бабушки и ни одного-таки стихотворения не написал о подъеме урожайности в ее поместье! Или этот — как его — Маяковский. Во все хрестоматии его включили, границу пустили, а он печатно расхвастался, что автомобиль там купил, да потом возьми и застрелись в разгар первой пятилетки!

Тонко подметил товарищ Корсаков, что парижские свитера до добра не доведут и не ту тенденцию выражают. Ату его, Соснору этого! А то еще возьмет да и застрелится: спроста ли он свои последние стихи называет мрачными?

Ну, а теперь отставим шутки в сторону... Хотя зачем их отставлять? Вам не кажется, что у этих шуток дурной привкус? Кажется? Мне тоже. А ведь они всего-навсего распространение метода корсаковской оценки Сосноры на поэтов с несколько более установившейся репутацией, чем у последнего.

⁴⁸ *Корсаков И.* «Проявите авторучность!» // Энергия (Новосибирск). 1966. № 46 (129), 12 декабря. С. 3.

Покойный Н. Щедрин (по паспорту — М.Е. Салтыков) как-то заметил, что «просвещение нужно распространять постепенно и по возможности — без кровопролития».

По иногда получается так, что ускорение процесса образования (в двадцать лет — «почти» инженер) не сопровождается развитием внутренней культуры. И тогда одни, прочитав десяток-другой нестандартных (— не входящих в школьные программы) стихотворений, начинают чувствовать себя единственным хранителями поэтической «тайны и веры» и презрительно третируют тех, кто не согласен с их точкой зрения на «гениальность» того или иного поэта. Другие же, которым школа привила прочную неспособность воспринимать что-либо нестандартное, в придачу к этому, как правило, не умеют спорить по существу явления (в данном случае — поэзии) и охотно вступают на весьма скользкий путь личных нападок (а то и совершенно необоснованных политических обвинений) в адрес непонравившегося им поэта.

И если Шурыгина еще можно понять: он любит Соснору, и — как всякий истинно влюбленный — может говорить о предмете своей страсти только в превосходной степени, не замечая у него никаких недостатков, то случай с Корсаковым — более тяжелый. Сторонников такой формы критики нужно лечить — и не только воспитанием правильного литературного вкуса (это относится в полном объеме и к представителям первой группы), но и насильственным внедрением элементарного чувства такта и привычки не бросаться «страшными» словами, особенно когда они к делу не относятся.

Поэтому мы и решили печатать заметку И. Корсакова без каких-либо изменений, несмотря на полную внелитературность его методов полемики. Дело не в Корсакове и не в его отношении к поэзии Сосноры. Такая «критика» отражает определенную форму мышления, опасную в первую очередь не столь для окружающих, как для самих его носителей.

Она — пример того, как нельзя писать о литературных явлениях.

А о самом творчестве Сосноры мы поговорим в следующий раз.

Только давайте условимся заранее, что Женя Шурыгин (и другие «литовцы») поверят в то, что, во-первых, способность воспринимать поэзию — не их личная монополия, и, во-вторых, что любовь к поэзии вовсе не требует не критического отношения к таким очень спорным и неровным явлениям, как творчество Виктора Сосноры. Это раз.

А два — что товарищ Корсаков (и иже с ним) не побегут после этой статьи выяснять: какие автор носки носит. Честное слово,

они — отечественного производства. Я даже фабричный ярлык предъявить могу.

Договорились?⁴⁹

Итог дискуссии попытался подвести литературный сотрудник газеты «Вечерний Новосибирск» Валерий Петрович Лендов:

Вот передо мной самый последний номер «Энергии». Неплохая статья Б.Ф. Ласточкина «Две царицы страны инженерии» адресована первокурсникам, да и не только им. Вот заметки из рукописной газеты одной группы, продолжение дискуссии по поводу стихов В. Сосноры, статья Ю. Кандеева о проблемах вечернего обучения, спорт, юмор, переписка с читателями, заметка о джазе...

Довольно-таки содержательно. И так из номера в номер. Но если редакция спросит читателей, они наверняка скажут: вы не пишете (или мало пишете) о том, о сем и об этом...

Мне кажется, само название «Энергия» обязывает авторов писать кратко, энергично, по-деловому. Но на деле это бывает далеко не всегда. Вот студент В. Шурыгин пишет панегирик поэту В. Сосноре. Шурыгин Соснору любит, и его чувства нужно уважать, хотя можно и не соглашаться с ним. Редакция могла в 30 строчках высказать свое мнение — и точка. Так нет, дается реплика, потом еще, потом реплика по поводу этой реплики... Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, стихи В. Сосноры мало знают даже те, кто о нем спорит. Так интересно ли это всем студентам и преподавателям института? Тем более, что несколько номеров назад была дискуссия об институтском ЛИТО — кстати, до сих пор не завершённая⁵⁰.

После Томска и Новосибирска в 1966 г. были Иркутск, Ангарск⁵¹ и Усолье-Сибирское: «В Доме культуры усольских химиков состоялась встреча с писателями. <...> Новосибирский писатель Евгений Раппопорт поделился впечатлениями о поездке по Сибири. <...> Ленинградский поэт Виктор Соснора прочитал усольчанам поэму “Махачкала” и несколько стихотворений из цикла “Стихи

⁴⁹ Федот Д'Анетот. Вокруг Сосноры // Энергия (Новосибирск). 1966. № 46 (129), 12 декабря. С. 3.

⁵⁰ Лендов В. Слово за вами, читатель! // Энергия (Новосибирск). 1966. № 47 (130), 19 декабря. С. 2.

⁵¹ В авторскую книгу 1966 г. «Одиннадцать стихотворений» вошло стихотворение «Слепые»: «Ты помнишь, / а если не помнишь, то вспомни: / как пели слепые, сейчас на базаре, в Ангарске <...> / В грустной гостинице, в камере-одиночке / вот и сейчас, в воскресенье, как видишь, в Ангарске» [7, с. 429–431].

для зверей”»⁵². «В научной библиотеке госуниверситета состоялась встреча с ленинградским поэтом Виктором Соснорой. Гость читал свои стихи и поэмы, а также отрывки из неоконченного романа “Летучий голландец”»⁵³; «Совсем недавно со студентами университета встретился ленинградский поэт Виктор Соснора, на очереди другие поэтические вечера»⁵⁴. Газета «Советская молодежь» дважды напечатала тогда стихи Сосноры⁵⁵, и на «пионерской странице» — детские стихотворения «Семья» и «Прут»⁵⁶, а в следующем году — «Еж и ерш»⁵⁷. В 1968 г. «Восточно-Сибирская правда» писала:

Два года назад был открыт клуб молодых ученых Сибирского энергетического института. Сейчас это клуб Иркутского академического научного центра, в деятельности которого участвуют сотрудники шести институтов. <...> Первым мероприятием, проведенным под флагом клуба, была встреча с ленинградским поэтом В. Соснорой. На этой встрече сразу же проявилась особенность аудитории: не столько слушать, сколько спрашивать, обсуждать, «потребляя» информацию активно, то есть, наиболее продуктивно⁵⁸.

Осенью 1967 г. в Иркутске вышел пятый выпуск альманаха «Ангара», где было напечатано стихотворение «Гори, звезда моя, гори...»

⁵² *Скуратов С.* Встреча с писателями // Восточно-Сибирская правда (ВСП): Орган Иркутского областного и городского комитетов Коммунистической партии Советского Союза и областного Совета депутатов трудящихся (Иркутск). 1966. № 260 (13894), 30 октября. С. 3. См. подробнее об иркутских выступлениях и публикациях: *Переломова Ю.* «Соснору привел Женя Раппопорт»: Поэт читал «Летучего голландца» в Иркутске в 1966 году // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 2019. № 29 (27012), 30 июля. С. 18–19. См. также воспоминания поэта А. Сокольникова об этих встречах: URL: <https://baikal.mk.ru/culture/2021/10/06/kultprosvet-dorogaya-moya-molodyozhka-irina-goncharuk-aleksandr-sokolnikov.html> (дата обращения: 31.05.2022).

⁵³ [Б. н.] «В научной библиотеке...» // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1966. № 261 (13895), 1 ноября. С. 4.

⁵⁴ [Б. н.] День поэзии // Иркутский университет: Орган парткома, профкома, ректората и комитета ВЛКСМ Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова (Иркутск). 1966. № 33 (449), 3 декабря. С. 2.

⁵⁵ *Соснора В.* Белый вечер; Поет первый летух; Муравьиная тропа // Советская молодежь: Орган Иркутского областного комитета ВЛКСМ (Иркутск). 1966. № 129 (5805), 30 окт. С. 4; *Соснора В.* «Какое бы выдать чудо?..» // Советская молодежь (Иркутск). 1966. № 156 (5835), 31 дек. С. 3.

⁵⁶ В гостях у «Барабанщика» ленинградский поэт Виктор Соснора // Советская молодежь (Иркутск). 1966. № 150, 18 декабря, с. 2.

⁵⁷ *Соснора В.* Еж и ерш // Советская молодежь (Иркутск). 1967. № 139 (5974), 23 ноября. С. 4.

⁵⁸ *Кошелев А.* Два года веселого робота // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1968. № 277 (14522), 26 ноября. С. 4.

[5, с. 9]⁵⁹. В одной из рецензий на альманах о Викторе Сосноре было сказано: «Его волнуют судьбы прекрасного и совершенного в нашем несовершенном мире, где “стонет красота”»⁶⁰.

Литература

1. *Бояшов И.* Виктор Соснора в воспоминаниях современников // Аврора. 2019. № 6. С. 91–97.
2. День поэзии: Новосибирск. Омск. Томск. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1965. 208 с.
3. *Кузнецов И.* Поэзия рабочих сердец (К 20-летию литературного объединения «Молодость») // Календарь юбилейных и памятных дат. 1968 год. Новосибирская область. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1986. С. 16–17.
4. Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик / публ. Я. Ананко; вступ. заметка В. Сосноры // Звезда. 2012. № 1. С. 158–180.
5. *Соснора В.* «Гори, звезда моя, гори...» // Ангара: Альманах (Иркутск). 1967. № 5, сент.-окт. Восточно-Сибирское кн. изд-во. С. 9.
6. *Соснора В.А.* Проза. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; Москва: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Изд-во «Пальмира», 2018. 877 с.
7. *Соснора В.А.* Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; Москва: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Изд-во «Пальмира», 2018. 910 с.
8. Соснора Виктор Александрович / сост. И.В. Ханукаева // Русские писатели. Поэты (Советский период): Биобиблиографический указатель. СПб.: Российская национальная библиотека, 2001. Т. 24: В. Соколов — А. Сурков. С. 82–126.
9. То время — эти голоса: Ленинград. Поэты «Оттепели» / сост. М.И. Борисова. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. 333 с.
10. *Фоняков И.* Четверть века и еще немного // Воспоминания о Елизавете Стюарт / сост. А.Е. Меликова. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1988. С. 162–170.
11. La poesie russe: Anthologie / Reunietpubliee sous la direction de E. Triolet. Notes préliminaires par Roman Jakobson. Paris: Seghers, 1965. P. 523–528.
12. *Sosnora V.* Dolphins / trans. by Max Hayward // Encounter (London). April 1963. P. 71.
13. *Sosnora V.* And Fir Trees Clanged. Midnight. Sharp Frost // George Reavey. The New Russian Poets: 1953 to 1966. An Anthology. New York: October House Inc, 1966. P. 169–174.
14. [*Sosnora V.*] La jeune poésie soviétique: Victor Sosnora // Esprit. Paris. Juin 1965. P. 1222–1224.
15. Poesia russa contemporanea: da Evtusenko a Brodskij / introd., trad. e note a cura di Giovanni Buttafava. Milano: Dall'Oglio, [1967]. 177 p.

---

⁵⁹ В самой полной на сегодняшний день и исключительно ценной библиографии Виктора Сосноры эта публикация описана неточно [8, с. 97]: по недоразумению ему приписано стихотворение «Морское» («А я, как гавань, корабли храню...») предшествующего автора, Владимира Смирнова (с. 8–9).

⁶⁰ *Рубанович А.* С любовью к людям: Об альманахе «Ангара» // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1968. № 23 (14268), 27 января. С. 3.

Research Article

Victor Sosnora's Siberian Poetry Tours (1960s)

© 2022. Igor E. Loshchilov, Tatyana V. Sosnora

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,

Novosibirsk, Russia

Independent researcher,

St. Petersburg, Russia

Acknowledgments: We express our gratitude to Alexander G. Rappoport, Yuri N. Kislyakov and staff of the Scientific Library of the NSTU, where complete sets of the newspaper “Energiia” are kept.

Abstract: The article is devoted to the reconstruction of the history of Siberian travels and performances of the poet Victor Sosnora (1936–2019) in 1964–1966. During this short period, the poet had visited Siberia four times. Our study focuses not only on Sosnora’s speech during the 5th Poetry Day at the Novosibirsk Electrotechnical Institute (NSTU), held in the spring of 1966, but also on publications and discussions in the institute newspaper “Energiia” (“Energy”). Materials from other newspapers, published in Novosibirsk, Irkutsk, Omsk are also used (namely, “For Science from Siberia,” “Youth of Siberia,” the “Soviet Siberia,” “East Siberian Truth,” “Young Siberian,” “Soviet Youth,” etc.). In the mid-1960s a certain group of students (E.S. Schurygin, Yu.N. Kislyakov), as well as of people of literature (E.G. Rappoport, A.G. Rappoport, E.K. Stewart, I.O. Fonyakov, B.G. Polovnikov), art (N.D. Gritsyuk) and science (A.D. Aleksandrov, V.L. Glebov) was formed in Novosibirsk. It was up to these people to realize the importance of such literary phenomenon as Victor Sosnora. His poetry, which by that moment had entered the period of maturity, had enthusiastic admirers in Siberia. Among them was the critic and literary historian E.G. Rappoport who happened to meet Sosnora in Leningrad earlier than others. It was also up to him to organize his travels to siberian cities and to help him with publications in local press. Extensive empirical materials concerning the reception of Sosnora’s poetry in Siberia at the time of heated discussions between so called “physicists” and “lyricists” has been collected. A special place among these publications is occupied by the article about Sosnora written by student Evgeny Schurygin. This article caused a heated discussion in the press. In its turn, such travels, as well as his involvement in the avant-garde artists of the “first call” (N.N. Aseev, L.Yu. Brik), happened to strengthen in the poet the feeling of himself as a medieval poet-juggler, up to whom it is to subordinate the mighty of this world with the help of his charm and talent. Traces of the Siberian theme are also presented in the poetry and prose of Victor Sosnora.

Keywords: Victor Sosnora, Siberian literature, Siberian press, Days of Poetry at NSTU, Russian poetry of the 20th century, dispute between “physicists” and “lyricists.”

Information about the authors: Igor E. Loshchilov — PhD in Philology, Researcher, Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Nikolaeva 8, 630090 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-3642-2590

E-mail: loshch@yandex.ru

Tatyana V. Sosnora — Independent Researcher, St. Petersburg, Russia

E-mail: kot_leta@inbox.ru

For citation: Loshchilov, I.E., Sosnora, T.V. “Victor Sosnora’s Siberian Poetry Tours (1960s).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 104–131. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-104-131>

References

1. Boiashov, I. “Viktor Sosnora v vospominaniakh sovremennikov” [“Victor Sosnora in the Memoirs of Contemporaries”]. *Aurora*, no. 6, 2019, pp. 91–97. (In Russ.)
2. *Den' poezii: Novosibirsk. Omsk. Tomsk [Poetry Day: Novosibirsk. Omsk. Tomsk]*. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1965. 208 p. (In Russ.)
3. Kuznetsov, I. “Poeziia rabochikh serdets (K 20-letiiu literaturnogo obiedineniia ‘Molodost’)” [“Poetry of Workers’ Hearts (To the 20th Anniversary of the Literary Association ‘Youth’)”]. *Kalendar' iubileinykh i pamiatnykh dat. 1968 god. Novosibirskaia oblast' [Calendar of Anniversaries and Memorable Dates. 1968. Novosibirsk Region]*. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986, pp. 16–17. (In Russ.)
4. “Perepiska Viktora Sosnory s Lilei Brik” [“Correspondence between Victor Sosnora and Lilya Brick”], publ. by Ia. Ananko, introd. by V. Sosnora. *Zvezda*, no. 1. St. Petersburg, 2012, pp. 158–180. (In Russ.)
5. Sosnora, V. “Gori, zvezda moia, gori...” [“Burn, my Star, Burn...”]. *Angara: Al'manakh*, no. 5, Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1967, p. 9. (In Russ.)
6. Sosnora, V.A. *Proza [Prose]*. St. Petersburg, Soiuz pisatelei Sankt-Peterburga Publ., Moscow, OOO Gruppa Kompanii “RIPOL klassik”, Izdatel'stvo “Pal'mira” Publ., 2018. 877 p. (In Russ.)
7. Sosnora, V.A. *Stikhotvoreniia [Poems]*. St. Petersburg, Soiuz pisatelei Sankt-Peterburga Publ., Moscow, OOO Gruppa Kompanii “RIPOL klassik”, Izdatel'stvo “Pal'mira” Publ., 2018. 910 p. (In Russ.)
8. “Sosnora, Viktor Aleksandrovich”, ed. by I. V. Khanukaeva. *Russkie pisateli. Poety (Sovetskii period): Biobibliograficheskii ukazatel' [Russian Writers. Poets (Soviet Period): Biobibliographic Index]*, vol. 24: V. Sokolov – A. Surkov. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2001, pp. 82–126. (In Russ.)
9. *To vremia — eti golosa: Leningrad. Poety “Ottepli” [That Time — These Voices: Leningrad. Poets of the Thaw]*, ed. by Maya Borisova. Leningrad, Sovetskii pisatel', Leningradskoe otdelenie Publ., 1990. 333 pp. (In Russ.)
10. Foniakov, I. “Chetvert' veka i eshche nemnogo” [“A Quarter of a Century and a Little More”]. *Vospominaniia o Elizavete Stiuart [Memories of Elizabeth Stuart]*, ed. by Antonina Melikova. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1988, pp. 162–170. (In Russ.)
11. *La poesie russe: Anthologie*, reunie et publiee sous la direction de E. Triolet, notes préliminaires par Roman Jakobson. Paris, Seghers Publ., 1965, pp. 523–528. (In French)
12. Sosnora, V. “Dolphins”, trans. by Max Hayward. *Encounter*, April, 1963, p. 71. (In English)

13. Sosnora, V. "And Fir Trees Clanged. Midnight. Sharp Frost". Reavey, George. *The New Russian Poets: 1953 to 1966. An Anthology*. New York, October House Inc Publ., 1966, pp. 169–174. (In English)

14. [Sosnora, V.] La jeune poésie soviétique: Victor Sosnora. *Esprit*, juin, 1965, pp. 1222–1224. (In French)

15. *Poesia russa contemporanea: da Evtusenko a Brodskij*, introd., trad. e note a cura di Giovanni Buttafava. Milano, Dall'Oglio Publ., [1967]. 177 p. (In Italian)

Статья поступила в редакцию: 09.11.2021

Одобрена после рецензирования: 05.02.2022

Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 09.11.2021

Approved after reviewing: 05.02.2022

Date of publication: 25.06.2022

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2022. № 2 (24)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (24), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-132-151>
<https://elibrary.ru/CTGAQT>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

**«Слушая великого художника,
я нашел что-то великое и нужное...»:
Письма Семена Фикса — Горькому и о Горьком
(по материалам Архива А.М. Горького)**

© 2022, Л.Г. Жуховицкая

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия

Аннотация: Публикуемые материалы Архива А.М. Горького дополняют появившиеся в последнее время исследования, связанные с именем художника Семена Иосифовича Фикса, новыми фактами и подробностями его жизни и творчества. Единственное упоминание имени Фикса в письме А.М. Горького издателю А.Э. Когану — публикация Л. Флейшмана 1979 г. — долгое время оставалось некомментируемым; разрозненные сведения о художнике оставляли значительные лакуны в его биографии. Исследование В. Хазана, дополненное публикацией писем Фикса Р.Г. Фридлендеру и Н.Г. Фридлендер, хранящихся в архиве Давида и Евсея Шоров (Национальная библиотека Израиля, Иерусалим), воссоздает основные эпизоды творческой биографии художника. Письма, хранящиеся в Архиве А.М. Горького, открывают подробности ранее неизвестного его знакомства с художником. Рассмотренный в целом корпус писем Фикса — три письма Горькому и четыре письма родным — свидетельствует о достаточно продолжительном их знакомстве, очевидном интересе Горького к творчеству и личности молодого живописца. Содержание последнего из трех писем Фикса Горькому от 28 января 1936 г. продолжает описанную в письме родным беседу с Горьким при их встрече в Сорренто в апреле 1928 г. Логично предположить, что ее темы — художественного образования и положения художников в советском обществе — обсуждались с Горьким и в период между этими двумя датами; возможно, исследователям еще представится случай в этом убедиться.

Ключевые слова: М. Горький, С. Фикс, П. Муратов, М. Пешков, русские художники в Италии, переписка, Архив А.М. Горького.

Информация об авторе: Лариса Григорьевна Жуховицкая — инженер-исследователь, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9240-594X>

E-mail: zhukhovitskaya11@gmail.com

Для цитирования: *Жуховицкая Л.Г.* «Слушая великого художника, я нашел что-то великое и нужное...»: Письма Семена Фикса — Горькому и о Горьком (по материалам Архива А.М. Горького) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 132–151. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-132-151>

В горьковедческой литературе имя художника Семена Иосифовича Фикса¹ (1896, Одесса – 1954, Москва) встречается лишь однажды — в письме А.М. Горького к издателю А.Э. Когану² от 19 мая 1925 г., в котором Горький рекомендует талантливого художника для работы в предполагаемом издательском проекте; впервые — в публикации Л. Флейшмана «Горький и журнальный проект А.Э. Когана» [9]. Комментарии к письму, вошедшему в ПСС [6, с. 186, 187], сведений о художнике Фиксе не добавляют.

Трудно составить представление о художнике и по искусствоведческой литературе; данные биобиблиографического справочника О.М. Барковской «Общество независимых художников в Одессе» [2, с. 191, 192] достаточно подробно освещают одесский период — до отъезда в Москву в 1921 г. — и в самых общих чертах касаются его дальнейшей творческой биографии, не упоминая при этом шести лет, проведенных в заграничной командировке. В исследовании Е.А. Булучевской Фикс назван среди художников, эмигрировавших в Италию в середине 1920-х гг. [3, с. 45]; в энциклопедической статье Лауры Пикколо [8, с. 673, 674], описывающей пребывание художника в Италии, отсутствуют какие-либо сведения как о предшествующих, так и о дальнейших событиях его жизни. Возникало даже предположение об однофамильцах — итальянском и советском Фиксе [4].

Говоря о художнике, кажется уместным представить его жизнеописание в виде панорамной картины — таким разворачивается оно в исследовании В. Хазана «Тот самый Семен Фикс (Несколько новых штрихов к биографии художника)» [10, с. 415–436], полностью проясняющем казавшиеся несопоставимыми факты. Публикация писем Фикса Рафаилу Григорьевичу Фридлендеру³ и Надежде Рафаиловне

---

¹ Известен также под именем Симон (Самуил) Осипович Фикс; писал под псевдонимами Сфинкс и Скиф.

² Коган Александр Эдуардович (1878–1949) — редактор и издатель; организатор петроградского издательства «Копейка», издательства «Русское искусство» в Берлине и журнала «Жар-птица» (Берлин-Париж; 1921–1926). Проект журнала, объединяющего современную культуру Запада, русской эмиграции и новой России, на который с энтузиазмом откликнулся Горький, остался неосуществленным.

³ Рафаил Григорьевич Фридлендер (1871–1946) — инженер-технолог, специалист по художественным краскам; знаток и ценитель живописи.

Фридендер⁴ придает биографическому очерку мемуарный характер, живое ощущение времени и места.

Биографию художника безусловно можно разделить на три периода: послереволюционной молодости, период заграничной командировки и годы после возвращения в Советский Союз. Первый период — учеба в Одесском художественном училище (и одновременная работа помощником театрального декоратора), затем в Москве в ГСХМ (Государственные Свободные Художественные Мастерские), впоследствии во ВХУТЕМАСе и на курсах ИЗО при Наркомпросе), далее служба добровольцем в Красной Армии и знакомство с легендарным матросом Железняком⁵, выставки Общества независимых художников в Одессе, сотрудничество в одесской газете «Фигаро» и сатирическом журнале «Облава», дружба с Э. Багрицким и И. Бабелем, плакаты для Юг-РОСТА. С 1924 по 1930 гг. художник находился в творческой командировке Наркомпроса в Италии и Франции. После возвращения в Советский Союз Семен Фикс регулярно участвовал в московских и ленинградских выставках [5], входил в ленинградскую группу живописно-пластического реализма (и был арестован вместе со всей группой в 1935 г., но не осужден, — видимо, как пробывший в ней недолгое время). Во время Великой Отечественной войны находился в рядах народного ополчения, выпускал «Боевые листки», был отозван Московским Союзом художников и эвакуирован в Челябинск, где также участвовал в выставках [5]. После войны вернулся в Москву.

С.И. Фикс (1940-е гг.). РГАЛИ. Ф. 2907, оп. 2, ед. хр. 831, л. 1а.

S. Fix (1940s). Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), coll. 2907, aids 2, fol. 831, p. 1a

Известный, возможно, лишь узкому кругу специалистов на родине, за сравнительно непродолжительное пребывание в Италии и Франции

(четыре с половиной и полтора года соответственно) Фикс приобрел некоторую, вполне заслуженную, известность на Западе. С 1926 по 1928 гг. в Доме искусств Брагалья (Casa d'Arte Bragaglia) в Риме состоялись три его выставки; две выставки прошли в Париже —

⁴ Надежда Рафаиловна Фридендер (Шор) (1906–1999) — дочь Р.Г. Фридендера; обучалась живописи и фотоискусству в Германии, Италии и Франции.

⁵ Анатолий Григорьевич Железняков (1895–1919) — балтийский матрос, анархист, «разогнавший» Учредительное собрание исторической фразой «Караул устал».

в *Galerie Carmine* и в *Galerie à la jeune Parque*; в 1929 г. состоялась выставка в Лондоне. О Фиксе писала итальянская, французская и лондонская пресса, его картины репродуцировались в Неаполитанском иллюстрированном журнале, — примечательно, что Фикс узнал об этом в доме Горького (см. письмо 7). На Международной выставке декоративного искусства в Милане 1927 г. по заказу советского торгпредства им было выполнено два живописных панно. Помимо занятий живописью, Фикс работал главным декоратором городского театра Дженцано-ди-Рома; письмо родным от 12 мая 1925 г. (письмо 4) добавляет к перечисленным видам его деятельности работу в студии римского художника и сценографа Энрико Прампolini⁶ (см. письмо 4).

Публикуемые письма открывают подробности ранее неизвестного и отнюдь не поверхностного знакомства художника с Горьким. Вероятнее всего, с живописным творчеством Фикса Горького познакомил известный искусствовед-италофил, автор классического сочинения «Образы Италии» П.П. Муратов, о дружбе с которым так восторженно отзывается Фикс в письме родным (см. письмо 4). Рекомендую А.Э. Когану «талантливых русских художников Шалтьяна⁷ <sic> и Фикса», Горький добавляет: «Адреса прилагаю», — адреса могли быть ему известны от Муратова, дружившего и с Шилтьяном, и с Фиксом. Тогда же, возможно, последний получил приглашение Горького пожить и поработать в Сорренто. Об этом с радостным волнением пишет он в письме к родным от 12 мая 1925 г. Сопоставление указанных в письме дат — ответное письмо родителей на сообщение о приглашении Горького получено 4 мая — позволяет отнести предложение Горького приблизительно к концу апреля 1925 г. Однако воспользоваться им художнику не удалось — возможно, по причине занятости и специфики работы в студии Прампolini (см. письмо 4). Аналогичная ситуация, когда работа сценографом городского театра Дженцано-ди-Рома не позволила ему отправиться в увлекательное путешествие вместе с труппой неаполитанского театра, описывается в письме Фикса от 11 октября 1925 г. к Н. Фридендер:

Приезжала в Genzano труппа неаполитанского театра, которая совершает турне по маленьким городкам. И вот директор этого

⁶ Энрико Прампolini (Enrico Prampolini; 1894–1956) — художник, скульптор и сценограф, автор манифеста «Футуристическая сценография и хореография» (*Scenografia e coreografia futurista*), 1915.

⁷ Правильно: Шилтьян (Шилтян) Григорий Иванович (1900–1985) — родился в Нахичевани (Ростов-на-Дону), эмигрировал в 1919 г., в 1923–1927 гг. жил в Риме.

театра предложил мне совершить турне вместе с его труппой, но я, будучи связан контрактом с директором местного городского театра, принужден был отказаться от этой такой прелестной, заманчивой поездки. Мне, конечно, досадно.

В письме Горькому от 8 мая 1927 г. (письмо 1) Фикс вспоминает прошлогодний приезд — на мотоцикле — в Genzano Максима Алексеича. Очевидно, что знакомство Фикса с сыном Горького — также при возможном посредничестве Муратова⁸ — произошло раньше знакомства с Горьким, и в дом Горького Фикс приезжал в качестве друга и гостя Максима Алексеича.

Оправданным представляется ощущение того, что публикуемые письма соединяют пунктирной линией факты предположительно более частого общения художника с Горьким, продолжавшегося, возможно, и после возвращения обоих на родину. По сути, письмо Фикса Горькому от 28 января 1936 г. (письмо 3) — продолжение темы беседы, состоявшейся в 1928 г. (письмо 7), и, вероятно, возобновлявшейся в промежутки между этими двумя датами.

Остается только сожалеть о том, что в настоящее время неизвестна судьба остальных писем Фикса родным — своеобразных дневниковых записей, по которым можно было бы восстановить летопись необыкновенно насыщенной жизни незаурядного художника, неравнодушного свидетеля и участника исторических событий.

Письма публикуются по рукописным автографам, хранящимся в Архиве А.М. Горького: КГ-ДИ 10-22-1, КГ-ДИ 10-22-2, КГ-ДИ 10-22-3 (письма А.М. Горькому); ПТЛ 16-126-1, ПТЛ 16-126-2, ПТЛ 16-126-3, ПТЛ 16-126-4 (письма родителям и сестрам). Авторские особенности текста, подчеркивание и многоточия, разграничивающие текст, сохранены; сокращения раскрыты в угловых скобках.

---

⁸ В письмах Горького неоднократно встречаются упоминания о совместных поездках Муратова с Максимом Алексеичем по городам Италии: «...сейчас он <Максим> уехал с П.П. Муратовым по маленьким городам Неапол<итанской> области, смотреть старину» (письмо В.С. Познеру от 3 августа 1924 г. [6, с. 40]); «Максима нет, уехал с Муратовым путешествовать на две недели» (письмо Е.П. Пешковой от 14 сентября 1924 г. [6, с. 53]).

1

Семен Фикс — А.М. Горькому

8 мая 1927

Ромы 8/V 1927
Дорогой Алексей Максимович
Ежели Вы будете в этом
месяце в Риме, то посетите,
пожалуйста, мою выставку
в павильоне у Ватикана.
Я знаю, что Вы редко
выезжаете из Соренто. Но
вспомните, как в прошлом
году, когда я был в Генуе,
проезжал этот городок Максим
Алексеевич на мотоцикле и
сообщил, что Вы в Риме.
А в это время, когда Вы
были в Риме, в том же

С. Фикс. Письмо А.М. Горькому от 8 мая 1927 г. (фрагмент)

S. Fix. A fragment of the letter to Gorky (8 May 1927)

Roma 8/V <1>927

Дорогой Алексей Максимович

Ежели Вы будете в этом месяце в Риме, посетите, пожалуйста, мою выставку в подвале у Bragaglia¹.

Я знаю, что Вы редко выезжаете из Sorrento. Но вспоминаю, как в прошлом году, когда я жил в Genzano², проезжал этот городок Максим Алексеевич³ на мотоцикле и сообщил, что Вы в Риме. А в это время, когда Вы были в Риме, в том же подвале Bragaglia была моя I-я выставка. Я очень сожалел, что Вам сообщить не мог я через Максим<а> Алексеевича о выставке в прошл<ом> году.

Дорогой Максим Горький⁴!

Ежели в этом месяце Вам придется быть в Риме, будьте добры ко мне на выставку.

Уважающий Вас

С. Фикс

P. S. А ежели Вы в Рим и не собираетесь, то может быть из Ваших, кто-либо едет сюда. Зову я всех в подвал Bragaglia.

---

¹ Галерея Дома искусств Брагалья (Casa d'Arte Bragaglia) в Риме, в котором состоялись три выставки Фикса в 1926, 1927 и 1928 гг., располагалась в подземных помещениях Дворца Титтони (Palazzo Tittoni).

² Дженцано-ди-Рома (Genzano di Roma), небольшой городок в окрестностях Рима.

³ Максим Алексеевич Пешков (1897–1934), сын А.М. Горького.

⁴ Общепринятое обращение к Горькому малознакомых ему лиц, каким является Фикс в момент написания письма.

2

*Семен Фикс — А.М. Горькому**Б. д.*

Дорогой Алексей Максимович!

Поздравляю Вас с приездом. От души желаю Вам — здоровья, сил и времени для искусства.

С. Фикс

(pittore¹)

Привет уваж<аемой> Вашей семье.

---

¹ pittore (итал.) – художник.

3

Семен Фикс — А.М. Горькому
28 января 1936

С. Фикс
Москва, 19
Крестовоздвиженский
пер. 2, кв. 6

Москва 28/1 1936

Дорогой Алексей Максимович

Ко мне пришел мой товарищ художник Николай Мамонтов¹. Он мне рассказал, как это сегодня, заведующий библиотекой при Военной Школе им. ЦИК'а заказал ему два десятка портретов писателей разных времен и народов. Заведующий библиотекой предложил Мамонтову эту работу, но только с одним условием — чтобы портреты писателей были похожи на фотографические снимки. Те портреты писателей, которые в оригинале сделаны в форме рисунка, как например Гете, Мольера, ибо тогда, когда они жили еще не существовало фотографии, то им следует, во что бы то ни стало — придать характер фотографического снимка. Специальным инструментом фотографа так называемым *соусом* сделать нужно 2 десятка портретов.

Как ни убеждал заведующего библиотекой мой товарищ, что у него лучше выйдет, ежели портреты писателей будут рисуночные — заведующий остался на своем.

Художник Мамонтов, проживший в Италии 6 лет, упорно изучавший там искусство старых мастеров, художник безусловно одаренный, направился в магазин фотографических инструментов приобрести *соус*, дабы выполнить эту чуждую ему работу — заработать на хлеб. А голодает он ужасно.

Я передаю Вам этот случай, дорогой Алексей Максимович, дабы показать Вам, какое сильное влияние оказал на кой-кого из трудящейся советской интеллигенции — заслуженный деятель Исхаак Бродский² своим формальным подходом к объекту, к натуре.

Только этим влиянием можно объяснить такое презрительное отношение к тому, что-либо напоминающее руку художника, и, наоборот, такое преклонение к зализанности пассивного фотоаппарата.

Я лишь приехал из Ленинграда, где 1½ года состоял на Высших Курсах повышения Квалификации при Всероссийской Академии Художеств³, директором которой является художник Исаак

Бродский. Не имея мастерской в Москве, я уехал на курсы поработать с живой натуры и изучить сокровища Эрмитажа.

Пришел как-то в мастерскую, где я работал, сам Ис<аак> Изр<айлевиц> Бродский, и у нас произошел такой разговор об искусстве.

«В живописи, — сказал Бродский, — важнее рисунок, чем цвет. Цвет не имеет значения. Вот, в музеях, посмотрите, цвет у великих художников выцвел, а рисунок остался. И у всех великих мастеров рисунок одинаков...»

«Как же, — говорю я т. Бродскому, — ведь рисунок Бот<т>ичелли и рисунок Рафаэля — совершенно разные, ибо цвет Бот<т>ичелли неразрывно связан с рисунком его, точно также к<а>к и у Рафаэля. Неправильно утверждение некоторых: “Рисунок Рафаэля мне нравится, а по цвету он сладкий, зализанный”. Принимая рисунок Рафаэля, нужно, во что бы то ни стало, принять и его гладкую манеру письма. Точно так же и рисунок, и живопись связаны у Эль-Греко...»

«Эль-Греко — шарлатан, — прервал меня Бродский. — Его раздул какой-то французский коллекционер, скупив его вещи. И где можно видеть Греко?»

«Как где, ведь он находится и в Эрмитаже, и в Лувре, и в Римских музеях. Ведь он ученик Тинторетто...»

«Да это ничего не значит, — говорит Бродский... — Вот у Репина было 90 учеников, и не все были таланты...»

.....
Недавно в «Юманите» Поль Гзель⁴, говоря о сумерках буржуазного театра, закончил так: «Буржуазный театр умирает оттого, что он уже не может сказать ничего сильного, искреннего, глубокого...»

А что касается европейской живописи, то это можно было сказать еще раньше, много лет тому назад.

У нас все предпосылки к расцвету живописи. Но, мы скорее к этому сможем прийти, ежели не будет на пути тех преград, одну из которых я описал Вам в начале своего письма.

.....
Я проводил третьего дня в Крым в санаторию художника Павла Сурикова⁵, с которым я приезжал к Вам в Сорренто.

Он заболел туберкулезом в результате пренебрежительного отношения к нему руководителей нашего изо-фронта.

У меня живет бездомный художник М. Налев⁶, который, приехав из Парижа, принужден вот уже в течение 3-х лет выслушивать от правления МОССХ⁷, что вот-вот ему комнату дадут. А он, живя у меня, в комнате 11-метровой — никак не развернет, не покажет

тот свой багаж живописных навыков, который отсутствует у очень многих наших известных *мастеров*.

В «Правде» был помещен призыв ко всем художникам Союза за подписью Бродского и друг<их> по случаю предстоящего юбилея Красной Армии.

«Беритесь за кисть!» — говорил этот призыв. Когда я с товарищем направился в Комитет выставки, то нам Секретарь Комитета тов. Звенигородская заявила: «Нет, мы Вам не окажем помощи в писании картины для этой выставки, ибо мы привлекаем только известных художников». Но, ведь призыв в «Правде» был обращен ко всем художникам Союза.

.....

Исполнилось 5 лет, как прошу я в соответствующих организациях столь нужную мне мастерскую для работы и контрактацию. 5 лет — безрезультатно хлопочу я все об одном и том же. Простите, дорогой Алексей Максимович.

Ув<ажаящий> Вас С. Фикс

---

¹ Николай Андреевич Мамонтов (1898–1964), живописец, график, с 1924 по 1932 гг. жил в Италии; учился в художественной академии немецкого мастера неоклассицизма Зигмунда Липиньского (Lipinsky; 1873–1940), размещавшейся на вилле Штроль-Ферн. По возвращении в СССР был в 1934 г. арестован и приговорен к 5 годам принудительных работ. Письмо Фикса показывает, что он был освобожден из заключения досрочно.

² Исаак Израилевич Бродский (1883–1939), советский художник и педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР (1932); один из главных представителей официального советского живописного искусства.

³ Фикс ушел со второго курса (РГАЛИ. Ф. 2907. Оп. 2. Ед. хр. 831. Л. 1).

⁴ Поль Гзель (Paul Valentin Gsell; 1870–1947), французский писатель и искусствовед.

⁵ Павел Васильевич Суриков (1897–1943), советский художник; с 1927 по 1929 гг. находился за границей – в Италии, Франции и Германии – в творческой командировке. Умер от туберкулеза.

⁶ Марк Налёво (ум. 1940), художник трагической судьбы, о котором имеется минимальное количество сведений. Участник Первой мировой войны, на которой получил ранение в ногу; страдал от раны всю жизнь. В 20-х гг. жил в Париже. Умер от рака в клинике Московского государственного университета.

⁷ МОССХ – Московская организация Союза советских художников.

4

Семен Фикс — родителям и сестрам¹
12 мая 1925

Roma 12/V <1>925

Дорогие родители,
милые Соня, Роза, Сима!

Сегодня исполнилось 8 месяцев, как исполнилась моя мечта. Я здоров и душевно бодр. Я счастлив.

Ваше дорогое письмо от 4/V я вчера получил. Я рад, что приглашение меня Максимом Горьким к нему приехать, доставило Вам удовольствие. Да, дорогие, это счастье, я бесконечно этому рад и пока не буду там у Горького в Sor<г>ento (возле Capri) до тех пор этому не верю и даже никому из знакомых об этом не говорю.

Это счастье, во-первых, потому, что смогу некоторое время жить бок о бок с Алексеем Максимовичем Пешковым — Максимом Горьким, с этим, как ты, дорогой папа, верно говоришь, всемирно чтимым художником и мыслителем. А во II-х — это счастье большое, ибо смогу, живя у Горького в Sor<г>ento — резюмировать свои римские впечатления и переживания, отдавшись исключительно живописи. Да, дорогая мама, я поправлю свое здоровье и успокою свои нервы, но только, не благодаря чудному воздуху, а благодаря этой работе, которой мечтаю там себя посвятить. Я повторяю, Вы правы, жить в Sor<г>ento у М. Горького — это счастье, и покамест я не увижу это наяву, покамест это не произойдет — я этому не верю, я никому об этом не говорю, я прошу вас об этом, пока, говорить шепотом.

Я продолжаю работать у Prampolini. Prampolini все еще болен и мне приходится кроме того, что работать у него в студии, разъезжать по фабрикам и мастерским и следить, чтобы макеты к декорациям были бы сделаны к<a>к следует. В воскресенье был у Муратова. Он накануне приехал из Флоренции, куда ездил по научному делу. Я провел с ним долгий вечер, в течение которого Муратов охотно делился со мной своими флорентийскими впечатлениями, со свойственным ему энтузиазмом и красочностью. Если бы Вы знали, дорогие, какую пользу Муратов приносит мне своими рассказами, своими советами. Я дорожу знакомством с этим единственно серьезным и талантливым знатком Итальянского Искусства. Воистину счастье жить в Риме вместе с Муратовым².

Дорогой папа! Ты просишь, чтобы я тебе разъяснил свою фразу в письме от 26 пр<ошлого> м<есяца>, в которой говорю, что впечатления меня потрясают, душат, что если смогу все это перемолоть,

то результат будет отличный. Я постараюсь, папа, тебе все разъяснить. Ты понимаешь, дорогой папа, когда я в Риме впервые увидел мраморную статую, изображающую Давида, сделанную 19-летним Бернини (XVIII в.) с невероятным мастерством, когда я увидел, как 20-летняя девушка (!) Джентильески³ (XVII в.) написала колоссальную, многофигурную картину, в которой и колорит и ритм доведены до высшего совершенства, когда я впервые увидел Станцы (в Ватикане), расписанные 25-летним Рафаэлем, или же Сикстинскую Капеллу, расписанную молодым Микель-Анджелло <sic>, впечатления от которых никакими словами передать нельзя, так это сильно и по содержанию и по мастерству, когда я все это увидел впервые (я не хочу утомлять тебя перечислением картин и статуй других художников), то я как зритель был приведен в восторг неописуемый, а как художник был приведен в отчаяние невероятное. Ведь ты подумай, папа, в моем возрасте эти художники владели уж мастерством, в наше время и старыми художниками не превзойденным! Как не прийти от этого в отчаяние? И все это потому, что у тех художников были учителя такие же талантливые, которые гордились, что ученики продолжать будут их традицию. А в наше время художники, не имея учителей (*учителей* живописи-то много, но молодые художники на законном основании их слушать не хотят), будучи в связи с этим в своем развитии обязаны самому себе, очень поздно постигают сущность искусства, тайны своего ремесла. Лучший современный художник Италии (в Париже такого не найти) Карена⁴ <sic> лишь 2, 3 года тому назад пришел, что называется, к мастерству, стал писать отличные вещи, а ему между тем больше 40 лет... Вот эту разницу между современными художниками и художниками Эпохи Ренессанса, т. е. расцвета Итальянского Искусства, я здесь впервые осознал. И осознав это, пришел в отчаяние.

Но если счастье мне улыбнется, и я смогу, отдавшись живописи, перемолоть, т. е. синтезировать свои впечатления от музеев, дворцов и площадей Рима — то естественно отчаянию этому не будет места. А после большой и упорной работы я должен буду уж почувствовать себя мастером, т. е. иными словами цель моей заграничной поездки этим и будет достигнута. Вот, дорогой папа, что я думал, когда говорил об *отличном результате, если смогу все перемолоть*. Ты прости, что так я уж и на этот раз нескладно, тяжело <...> (*продолжение письма отсутствует*).

¹ Родители С.И. Фикса — Иосиф Аронович и Анна Лазаревна; их биографические данные не разысканы.

² Отправившись в 1922 г. в зарубежную командировку и прожив некоторое время в Берлине, П.П. Муратов в ноябре 1923 г. обосновался в Риме. Его квартира на via del Babuino, 155 превратилась в место встречи русских эмигрантов с итальянской интеллигенцией. Муратов поддерживал тесные отношения с братьями Брагалья, основателями Дома искусств, в котором прошли три выставки Фикса.

³ Артемизия Джентилески (Artemisia Gentileschi; 1593 — ок. 1653), итальянская художница, дочь художника Орацио Джентилески.

⁴ Феличе Карена (Felice Carena; 1879–1966), итальянский живописец. Косвенным доказательством посредничества Муратова в знакомстве Горького с Фиксом представляется «предложение П.П. Муратову дать статью о Карене <sic> с репродукциями его – Карена – картин», о чем Горький пишет Когану [9; 6, с. 186]; здесь прослеживается совпадение мнений Муратова и Фикса о Карена.

5

Семен Фикс — родителям и сестрам 14 июля 1925

Genzano di Roma 14/VII <1>925

Дорогие родители,
милые Соня, Роза, Сима!

Ваше дорогое письмо от 1-го июля я получил.

Я ликвидировал свою римскую жизнь и окончательно переехал в Genzano di Roma.

Хозяйка моей комнаты (на Plazzo dei Fiori) и ее сыновья расставались со мной, как с родным. Я signor'у Mariett'у долго буду помнить. Я дал слово как лишь приеду в Рим, непременно зайду. Взяли мой адрес в Genzano di Roma, в след<ующее> воскресенье — Marietta и ее сын моих лет — Antonio — ко мне приедут.

Вы уже знаете — до сих пор моей базой жизни в Genzano di Roma — послужила картина масл<яными> красками — для хозяина пансиона. Ныне я картину закончил и благодаря ей получил службу Главного декоратора в Городском Театре. Работы в театре немного — всего лишь 4 часа — и я пользуюсь остальным временем — и упорно, к<a>к никогда — занимаюсь живописью.

Ваше сердечное поздравление — милая мамочка и любимый папа — влило во мне <sic> еще больше силы, еще больше рвения к работе. Я работаю с 6½ ч. утра (с 10 ч. до 2 — в театре) — а затем до заката солнца. У меня есть краски, есть холсты, меня окружает сказочная природа, душевно бодр я — в общем я счастлив, милые.

Моя дружба с английским скульптором Alfred'ом Gilbert'ом¹ — стала еще теснее. Трудно мне Вам передать какую пользу он мне

приносит — от дружбы этой — мои глаза еще более раскрылись, я ближе подошел к искусству.

В прошлый понедельник, когда я приехал в Рим — для ликвидации комнаты — я видел Павла Павловича Муратова². Муратов очень просил меня уехать вместе с его семьей на остров Ischia³ — к нему на дачу, где меня ждет комната.

Приезжал ко мне в Genzano на мотоцикле сын Максима Горького — Максим Алексеевич Пешков — просил от имени отца — поехать в Sorrento.

Дорогие! Для той работы, что предпри<...> (*продолжение письма от отсутствующего*).

---

¹ Альфред Гильберт (Alfred Gilbert; 1854–1934), английский скульптор.

² Павел Павлович Муратов (1881–1950), писатель, искусствовед, переводчик и издатель.

³ Искья (Ischia) — остров в Тирренском море, в северной части входа в Неаполитанский залив, у западного побережья Италии.

6

*Семен Фикс — родителям и сестрам
27 марта 1927*

Capri 27/III <1>927

Дорогие родители,
милые Соня, Роза, Сима!

Целую Вас крепко с острова Капри.

Вы уже получили мои письма из Неаполя. Неаполь в буквальном смысле меня ошеломил своей живописностью. Меня привели в восторг неопикуемый узкие улицы Неаполя, но в особенности поразило движение уличное и типы. Я сделал за 3 дня 5 картин, работая в часы, когда закрыты были музеи. Посещение Неаполитанского Музея оставит глубокий след в моем движении в искусстве.

Из Неаполя я поехал с другом Бренсоном¹ в город Помпею. Это город, разрушенный извержением Везувия в первом веке после Христа.

Хождение по улицам, переулочкам, площадям, эти дворики с оставшимися чудесными аль-фресками (стенной живописью) привели меня в какой-то невероятный подъем. Я понял насколько мы дикари в духовном отношении в сравнении с этими людьми, оставившими нам столько памятников непревзойденного искусства.

Погода удивительно как располагала к этому посещению города Помпеи. Вы понимаете, мои дорогие, в каком я душевном состоянии был, когда все это осматривал и со всем этим знакомился.

Из города Помпеи я и мой друг проехали электрическим поездом в Сорренто. К вечеру зашли в дом, где живет Максим Горький, с тем, чтобы навесить нашего друга сына Максима Горького (Алексея Максимовича Пешкова) — молодого Горького, Максима Алексеевича. Максим Алексеевич очень хорошо нас принял. Оказалось, мы явились случайно в исключительный день. Оказывается, что вчера 26-го был день рождения его отца — Алексея Максимыча — Максима Горького. Когда к вечеру мы с Бренсоном находились на балконе квартиры Максима — явился неожиданно с верхнего этажа — Алексей Максимыч и сейчас же пригласил к себе наверх на ужин. За столом была вся семья Горького. Меня усадили рядом с Максимом Горьким.

После ужина, закончившегося довольно поздно, начался концерт. Несмотря на то, что было много гостей, Максим Горький, подсев еще раз к мне, разговаривал со мной. Говорили много о моем друге писателе Бабеле, по отношению к которому Горький назвал себя его крестным отцом². Наконец дошло до того, что попросил показать ему работы, сделанные в Неаполе. Они были у меня в ранце, который я все время ношу с собой. И тут я услышал такую похвалу со стороны Горького и всего общества, что я и не ожидал. Это было все искренно и просто. Горький несколько раз просил приехать к нему на продолжительное время и поработать на Sorrento. Я благодарил его за это приглашение. Наверное этим не воспользуюсь, ибо у меня другие планы и к тому же общество³ Горького мне не по душе. Целую Вас крепко.

Ваш Симон

Завтра уезжаю в Неаполь и оттуда в Рим. Мой адрес Roma, Via Curtatone 12

---

¹ Федор Сидорович Бренсон (Teodoro Brenson; 1892–1959), живописец, гравер, иллюстратор. Приехал в Италию в 1924 г. и вошел в римскую группу художников и граверов (Gruppo Romano Incisori Artisti). Писал портреты Вяч. Иванова и Горького. В 1941 г. перебрался в США.

² См. в «Автобиографии» Бабеля: «<...> в конце 1916 года <я> попал к Горькому. И вот — я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благословением. Он напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке «Летописи» за 1916 год <...>, он научил меня необыкновенно важным вещам, и потом, когда выяснилось, что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей, и что с литературой у меня ничего не выходит, и что пишу я удивительно плохо, — Алексей Максимович отправил меня в люди» [1, с. 32].

³ Следует предположить, что Фикс вторично не принял приглашение Горького, опасаясь выглядеть в его глазах «нахлебником», «как многие, многие другие» (см. следующее письмо). Несомненно, именно эту публику он имеет в виду, говоря об «обществе Горького».

7

*Семен Фикс — родителям
24 апреля 1928*

Roma 24/IV <1>928

Дорогие родители.

Вы должно быть получили мою открытку из города Pompei.

Я Вам там сообщал, что приехал туда с художником Павлом Суриковым. Я не сообщал Вам в открытке цели своей поездки с Суриковым, ибо желал обо всем Вам сообщить лишь в зависимости от результата нашей цели. А цель наша была такая: поехать в Сорренто к Максиму Горькому, сообщить ему на основании нами собранных данных о положении, главным образом, об условиях моральных — молодых художников. Так как мы читали, что слова Горького «больше внимания и заботы о молодых писателях»¹ сыграли большую роль, то цель нашей поездки к нему была просить Горького такого же отношения к молодым художникам. Мы отнюдь не думали и не подымали вопроса о нашем собственном положении, а говорили о сотнях художниках, разбросанных по необъятному Союзу.

Осмотрев город Pompei в среду с утра, мы в 5 ч. вечера выехали в город Сорренто. Вначале электрическим поездом до маленькой станции, затем извозчиком до Castel del Mare, а из этого города электрическим трамваем — в город Sorrento. В пути я и друг Суриков, взволнованные виденным Неаполитанским Музеем, фресками города Pompei и раскрывающейся в пути чудеснейшей картиной вулкана Везувий — не переставали ахать и охать от восторга. Приехав, уставшие, в <асов> 8 вечера в Sorrento, мы решили переночевать в гостинице, чтобы утром уж направиться к дому Горького и справиться, когда он нас может принять. В 11 ч <асов> утра мы позвонили в ворота дома, и я попросил прислугу вызвать сына Горького — Максима Алексеевича. Сын вышел, радушно пригласил к себе на 2-ой этаж и начал расспрашивать о жизни.

Узнал, что Горький получил мой пригласительный билет на выставку, но не выезжал все время из Сорренто, случайно затем узнал, что фотографии с моих работ семья Горького видела в Неаполитанском иллюстрированном журнале. Я был приятно поражен и досадно

было мне, что я этого журнала не видел... Так разговаривали мы с Максимом Алексеевичем около часу, как вдруг дверь открылась и быстро вошел Максим Горький — Алексей Максимыч Пешков. У нас с товарищем создалось впечатление, что Горький стоял за дверью комнаты, в которой мы беседовали и что все время подслушивал наш разговор. Подошел он быстро ко мне и другу моему и просил остаться обедать. Мы же решили, чтобы Горькому, или семье его не показалось, что мы приехали, как многие, многие другие, как нахлебники, отдохнуть у него от города, а приехали с целью поговорить о важном деле, от обеда любезно отказались и просили назначить час после обеда (а нами будто бы еще с утра заказан обед хозяину гостиницы), чтобы поделиться с Горьким об ужасных нравственных условиях наших братьев-художников. Конечно просили лишь назначить час для беседы, не говоря какой это разговор мы поднять намерены. Нам назначили в 4 часа.

Явившись аккуратно, мы сразу были приняты Горьким. Мы остро чувствовали, что Горький нас ждал. Мы сразу раскрыли ему всю боль, накопившуюся в сердцах наших и наших далеких товарищей. Трудно Вам передать, мои дорогие родители, с каким вниманием и с каким сочувствием слушал нас Великий Горький. Он просил снабдить его фактами и обещал все сделать, подобно тому как сделал он по отношению к писателям. Мы горячо поблагодарили его за готовность нам помочь, думали было уйти, но он просил остаться с нами, совершить прогулку по саду. Мы с радостью согласились. Мы не переставая вели беседу, главным образом об окружающей природе. Рассказывал нам чудесный Горький историю Везувия и Неаполитанского Музея, что открывались перед глазами нашими. Спустя некоторое время нас всех позвали к столу ужинать. Меня усадили рядом с Горьким, как в прошлый раз, когда я сюда приезжал. За столом были жена Горького, сын Горького с женой, мой друг, художник, проживающий всегда у Горького — Соловей², приехавшая из Киева худ<ожни>ца Валентина Ходасевич³ и инженер с женой... И вот тут завязалась беседа с Алексеем Максимычем, которую уж мы всю свою жизнь не забудем. Все думы, все переживания в молодости, сыгравшие роль на мироощущение Горького, всю душу свою сложную, богатую и простую — раскрыл нам Горький в 8-ми часовой беседе... В 1 час ночи мы распрощались и ушли к себе в гостиницу. Я уж заснуть не мог до утра, так взволновал меня Горький... Я чувствовал, что переродился, что за 8 часов, слушая великого художника, я нашел что-то великое и нужное... Я любил всегда человека, но после всего этого пришел к убеждению, что нет высшего счастья, более высшего

блаженства как служить человеку... Утром мы написали письмо Горькому, в котором выражаем горячую благодарность за богатый день, проведенный в его обществе, говорим, что из Sorrento выезжаем, более бодрыми и сильными, чем были до приезда, напоминаем о цели нашего приезда к нему и пожелали здоровья, бодрости и счастливого пути.

В пятницу вечером приехали мы с Суриковым в Рим. В пути мы не переставали вспоминать нашу беседу с великим художником. Приехав в Рим, я с вокзала по телефону спросил француза, по просьбе Bragaglia взявшего <...> (*продолжение письма отсутствует*).

¹ Речь идет о статье Горького «О пользе грамотности», вышедшей в марте 1928 г., которая завершалась фразой: «Необходимо больше внимания молодым литераторам, больше заботы о них!» [7, с. 15].

² Иван Николаевич Ракицкий (1883–1972), художник, друг семьи А.М. Горького; домашнее прозвище «Соловей» получил за свой красивый голос.

³ Валентина Михайловна Ходасевич (1894–1970), живописец, театральный художник, график; племянница Вл. Ходасевича.

Литература

1. *Бабель И.Э.* Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 574 с.
2. *Барковская О.М.* Общество независимых художников в Одессе: Библиографический справочник / сост., автор вступ. ст. О.М. Барковская. Одесса: Одесская нац. науч. б-ка им. М. Горького, 2012. 216 с.
3. *Булучевская Е.А.* Эмиграция деятелей русской культуры в Италию (1918–1939): к вопросу о статистике и типологизации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 3. С. 43–46.
4. *Булучевская Е.А.* Эмиграция деятелей русской культуры в Италию (1918–1939): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2018. 414 с.
5. *Выставки советского изобразительного искусства:* Справочник <в 5 т.>. М.: Сов. художник, 1965–1981.
6. *Горький М.* Полн. собр. соч.: Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. 966 с.
7. *Горький М.* О пользе грамотности // О литературе. Статьи и речи 1928–1935 гг. М.: Гослитиздат. 1935. С. 9–15.
8. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: Энциклопедия / ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 863 с.
9. *Флейшман Л.* Горький и журнальный проект А.Э. Когана // *Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University*, vol. IV. Jerusalem: The Hebrew University; The Magnes Press, 1979. P. 268–273.
10. *Хазан В.* Адресат неизвестен (Две заметки о художниках и их покровителях) // Скрещения судеб. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov. Berlin: Peter Lang, 2019 (Stanford Slavic Studies, vol. 49). P. 409–438.

Research Article and Publication of Archival Documents

**“Listening to a Great Artist,
I Found Something Great and Necessary...»:
Simon Fix's Letters to Maxim Gorky and about Maxim Gorky
(Based on the Materials of A.M. Gorky's Archive)**

© 2022. Larisa Zhukhovitskaya

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: This publication of materials from A.M. Gorky's archive supplements studies related to the name of the artist Simon Fix, new facts and details of his life and work. The only mention of Fix's name in Gorky's letter to the publisher A. Kogan (the publication of L. Fleishman in 1979) remained without comment for a long time and scattered information about the artist left significant gaps in his biography. V. Khazan's research, supplemented by the publication of Fix's letters to R. Friedlander and N. Friedlander, kept in the archives of David and Yevsey Shor (National Library of Israel, Jerusalem), recreates the main episodes of the artist's creative biography. Letters stored in the A.M. Gorky's Archive reveal the details of a previously unknown acquaintance between the artist and the writer. Presented corpus of Fix's letters — three letters to Gorky and four letters to relatives — testifies to their rather long acquaintance and Gorky's obvious interest in works and personality of the young painter. The content of Fix's letter to Gorky dated January 28, 1936 continues the theme of the conversation with Gorky during the meeting in Sorrento, which Fix described to his relatives in April 1928. It is logical to assume that its topics — art education and the position of artists in Soviet society — were discussed with Gorky also in the period between these two dates: perhaps researchers will have a chance to verify it.

Keywords: Maxim Gorky, Simon Fix, Pavel Muratov, Maxim Peshkov, Russian artists in Italy, Russian culture in Italy, correspondence, A.M. Gorky's Archive.

Information about the author: Larisa G. Zhukhovitskaya — Research Engineer, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9240-594X>

E-mail: zhukhovitskaya11@gmail.com

For citation: Zhukhovitskaya, L.G. “Listening to a Great Artist, I Found Something Great and Necessary...’: Simon Fix's Letters to Maxim Gorky and about Maxim Gorky (Based on the Materials of A.M. Gorky's Archive).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 132–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-132-151>

References

1. Babel', I.E. *Sochineniia: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 574 p. (In Russ.)
2. Barkovskaia, O.M. *Obshchestvo nezavisimykh khudozhnikov v Odesse: Biobibliograficheskii spravochnik* [The Society of Independent Artists in Odessa: Bibliographic Reference-book], comp. by O.M. Barkovskaya. Odessa, Odessaia natsional'naia nauchnaia biblioteka imeni M. Gor'kogo Publ., 2012. 216 p. (In Russ.)
3. Buluchevskaya, E.A. "Emigratsiia deiatelei russkoi kul'tury v Italiu (1918–1939): k voprosu o statistike i tipologizatsii" ["Emigration of Russian Culture to Italy (1918–1939): to the Issue of Statistics and Typology"]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, no. 3, 2016, pp. 43–46. (In Russ.)
4. Buluchevskaia, E.A. *Emigratsiya deiatelei russkoi kul'tury v Italiu (1918–1939)* [Emigration of Russian culture's Figures to Italy: PhD Thesis]. St. Petersburg, 2018. 414 p.
5. *Vystavki sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva: Spravochnik: <v 5 t.>* [The Exhibitions of Soviet Art: Reference-book: <in 5 vols.>]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1965–1981. (In Russ.)
6. Gor'kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 24 t.* [Complete Works: in 24 vols.], vol. 15: Pis'ma [Letters]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 966 p. (In Russ.)
7. Gor'kii, M. "O pol'ze gramotnosti" ["About the Benefits of Literasy"]. *O literature. Stat'i i rechi. 1928–1935*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935, pp. 9–15 (In Russ.)
8. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XXveka: Entsiklopediia* [Russian Presence in Italy in the First Half of the 20th Century: Encyclopedia], comp. by Antonella d'Ameliya, Daniela Riczci. Moscow, Politicheskaiia Entsiklopediia Publ., 2019, 863 p. (In Russ.)
9. Fleishman, L. "Gor'kii i zhurnal'nyi proekt A.E. Kogana" ["Gorky and Publishing Project of A.E. Kogan"]. *Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University*, vol. IV. Jerusalem, The Hebrew University, The Magnes Press, 1979, pp. 268–273. (In Russ.)
10. Khazan, V. "Adresat neizvesten (Dve zametki o khudozhnikakh i ikh pokroviteliakh)" ["Addressee Unknown (Two Notes about Artists and their Patrons)"]. *Skreshcheniia sudeb. Literarische und Kulturelle Beziehungen Zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov* [Crossing of Fates. Literary and Cultural Relations between Russia and the West. A Festschrift for Fedor B. Polyakov]. Berlin, Peter Lang Publ., 2019, pp. 409–438. (Stanford Slavic Studies, vol. 49) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.01.2022
Одобрена после рецензирования: 20.03.2022
Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 18.01.2022
Approved after reviewing: 20.03.2022
Date of publication: 25.06.2022

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2022. № 2 (24)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (24), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0+82.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-152-168>
<https://elibrary.ru/CUWBFM>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Д.В. Григорович: «Кто виноват?»

© 2022, А.Е. Козлов

Институт филологии Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в рамках реализации гранта № 21-78-00011 Российского научного фонда.

Аннотация: В научный оборот вводится очерк Д.В. Григоровича (1822–1900) «Кто виноват?», работа над которым велась, вероятно, в последние десять лет жизни писателя, параллельно с такими произведениями как «Пикник», «Отставка и назначение», «Скучный город». Тому, что очерк не публиковался при жизни автора и в собрания сочинений, изданные посмертно, также не вошел, есть очевидное объяснение: текст носит черновой характер, он не отделан и, судя по сохранившимся материалам, не закончен. Другая, не менее веская причина — этическая: очерк отражает рассуждения писателя о национальном вопросе. В отличие от Ф.М. Достоевского, сформулировавшего свою позицию по этому поводу в «Дневнике писателя», М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева, проводивших тенденциозную националистическую линию в периодических изданиях, Д.В. Григорович отказывается от вынесения вердикта, хотя и ставит вопрос, не находящий ответа на страницах его произведения. Очерк публикуется в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации; случайные ошибки исправлены без оговорок. Публикация подготовлена к 200-летию юбилею Григоровича, чье литературное и публицистическое наследие по-прежнему требует комментария и исследовательской рефлексии.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Григорович, идентичность, национальный вопрос, ксенофобия, рефлексия.

Информация об авторе: Алексей Евгеньевич Козлов — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Email: alexeykozlov54@gmail.com

Для цитирования: Д.В. Григорович: «Кто виноват?» / подгот. текста, коммент. А.Е. Козлова // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 152–168. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-152-168>

В центре очерка Д.В. Григоровича «Кто виноват?»¹ — национальный вопрос, что само по себе требует некоторых пояснений.

Большинство современников считало Григоровича бесконфликтным писателем, который, обращаясь даже к болезненным и трагическим страницам российской повседневности — от крепостного права до эксплуатации детского труда, — предпочитал идти на компромиссы [9, 10, 12]. Не менее компромиссной была и его позиция «журнального космополита», позволявшая публиковаться одновременно в столь различных по занимаемой идеологической позиции журналах, как «Отечественные записки», «Современник», «Москвитянин» и «Библиотека для чтения». При этом объектом нападков критики на самого Григоровича становился не только стиль и содержание произведений писателя, но и его национальность, происхождение. На страницах «Литературных воспоминаний» это мнение выражено наиболее отчетливо:

Моя живость, истолкованная недостатком «разумного спокойствия» и легкомыслием, была, по мнению кружка Островского, совершенно, впрочем, естественным явлением со стороны человека, у которого мать француженка. Национальность моей матери была даже печатно приведена Аполл.<оном> Григорьевым при разборе романа «Рыбаки» как доказательство, что в романе этом нет, да и не может быть ничего русского, что я вообще, при всем старании, нахожусь, по крови моей, в невозможности постичь дух русского народа [2, с. 71].

Не ставя целью верифицировать фактичность воспоминаний о «кружке Островского», отметим специфическую позицию петербургского литератора в кругу московских критиков: Григорович суммирует негативные отзывы своих современников, примеряя на себя роль жертвы. Однако французское происхождение было отнюдь не только фактором стигматизации, но и ресурсом для выстраивания авторской идентичности. С большим трепетом говоря о Дюма, Бальзаке и Флобере, Григорович на страницах своей записной книжки отметил:

Выдумали почему-то, что мы, русские, изобрели самовар. Неправда: его выдумали китайцы, и он перешел к нам через Гол-

¹ Хранится: РНБ. Ф. 118: Архив П.В. и З.И. Быковых. № 1217 Без окончания. Б. д. 11 л. Реставрировано в 1978 г.

ландию при Петре I. Что действительно изобретено нами, — это то, что француз легкомыслен!.. Хорошо легкомыслие: индустрию свою распространил по всему миру, литературу также, язык также, вкус также; захотели завоевать землю, — и чуть не достигли цели; все передовые мысли им принадлежат; каждый француз при живости своего темперамента, настолько благоразумен, что умеет всегда сбегать про запас копейку, и т. д. — Нет, кто вполне легкомыслен, — так это по преимуществу мы, русские! И частная жизнь, и общественная деятельность, и личные черты, — все это доказывает. [8, с. 613].

Данное рассуждение отражает специфику двойной идентичности Григоровича, русской и французской². Такая же множественная идентичность отражается и в письмах писателя, утверждавшего, что «с безалаберностью и беспечностью хохла (мой отец — хохол), у меня связывается немецкая аккуратность (мать моя – французская немка)» [1, с. 160]. Все это позволяло Григоровичу чувствовать себя человеком мира и по мере сил противостоять «коренным русакам», выдвигающим фактор своего происхождения на передний план³.

Очерк «Кто виноват?» обнаруживает, однако, иной подход к национальному вопросу: Григорович обращается здесь к анализу бытовой ксенофобии. В экспозиции очерка, опираясь на собственные наблюдения и эмоции (как некогда в «Петербургских шарманщиках» [10]), он пишет об обывательском национализме. Рассуждая о внешних атрибутах нации, разъяря свои детские и юношеские страхи, писатель наиболее тенденциозен: он описывает иррациональные фобии, пытаясь аргументировать свое право не только не принимать других, но и бояться внешности представителей других народов. Эта часть произведения завершается рассуждением о стереотипах, которые свойственны людям в отношении разных наций. Основная сюжетная часть очерка опровергает высказанные ранее предварительные суждения: приехавший в Петербург из Вильно резчик по дереву В*, оказавшийся вместе со своей семьей из-за бюрократических проволочек на улице, показан в произведении как подлинный художник–самоучка, который, не зная истории искусств

---

² Григорович обращается к ставшему крылатым выражению Д.И. Фонвизина: «Рассудка француз не имеет и иметь его почел бы несчастьем своей жизни, ибо оный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться» [4, с. 752], повторенному и усложненному Ф.М. Достоевским в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье» [4, с. 393]. См. об этом: [14].

³ Между тем, Александр Дюма в своих путевых заметках отметил, что Григорович «...говорит по-французски, как настоящий парижанин» [7, с. 87].

и не получив системного образования, смог состояться на ремесленном поприще⁴. Рассказчик восхищается скромностью, трудолюбием и мастерством описанного им резчика. Антагонистом В* выступает Р* — талантливый выпускник ремесленной школы, из-за алкоголизма и нежелания работать оказавшийся без работы и без крова. Две эти истории заставляют вспомнить быль В.Ф. Одоевского «Столяр», в которой писатель обратился к биографии Андре Рубо⁵. При этом очевидно, что у Григоровича В* оказывается гораздо ближе к идеалу Одоевского, нежели Р*, буквально закопавший свой талант в землю. Работая над рукописью, писатель вымарывает важную подробность: по первоначальному замыслу, В* приводит Р* в свою мастерскую из сострадания, тем самым повторяя добродетельный поступок рассказчика, соотносимого с самим Григоровичем.

Этот пример завершается общим рассуждением, во многом перекликающимся с тезисами, высказанными в экспозиции: утверждая, что в торговом и ремесленном деле Санкт-Петербурга все больше и больше иностранцев, автор пишет о том, что такое положение дел нельзя назвать полностью несправедливым. Здесь же Григорович допускает странное искажение фактов истории Российской империи, следуя за идеологами правого толка: он пишет о том, что город Ивановых, Сидоровых и Петровых все больше переходит под влияние финнов, немцев и евреев.

Второй пример в очерке, связанный с трудолюбием чиновника, остзейского немца Карла Густавовича Габербира, по-видимому, служит еще одним аргументом, убеждающим читателя (и самого автора) в неправомерности тенденциозного отношения к представителям других наций. Незавершенность произведения не позволяет сделать однозначный вывод о планировавшемся финале произведения: возможно, рукопись осталась не законченной, как и вопрос, беспокоивший пожилого писателя — не решенным.

---

⁴ Для Григоровича тема «случайного таланта», дара самоучки очень важна [10]. Писатель обращается к ней в своей повести «Неудачи» («Неудавшаяся жизнь») и романе «Проселочные дороги». В этом «романе без интриги» одна из сюжетных линий связана с историей мастера Калины, которому стать серьезным художником мешает в том числе пристрастие к алкоголю.

⁵ Быль Одоевского завершается следующими словами: «Всё это не выдумка. Андрей, действительно, существовал; он известен во Франции под именем славного архитектора Андрея Рубо. Он написал много сочинений об архитектуре, о плотничном и столярном ремеслах, сам печатал свои сочинения, рисовал к ним рисунки и планы, сам гравировал и, таким образом, в одном своём лице соединил качества отличного ремесленника, писателя, живописца и гравёра. Многие здания построены во Франции Андреем Рубо. Он всегда был завален работою и провёл жизнь свою в богатстве, почитаемый своими согражданами. Когда будете учиться архитектуре, вы ещё лучше познакомитесь с нашим Андреем» [11, с. 47].

Итак, черновые записи, не предназначавшиеся для печати, с одной стороны, демонстрируют конфликтную сторону жизни Григоровича: рефлекслируемые, но до конца не преодоленные в течение жизни антисемитизм и ксенофобию. Наиболее очевидным в этом ракурсе становится обращение Григоровича к «Дневнику писателя» и Пушкинской речи Достоевского, однако тезисы, выдвинутые Григоровичем, значительно отличаются по форме и содержанию. Автор «Кто виноват?» избегает каких-либо категорических оценок (в том числе эпитетов в превосходной степени или модных упоминаний некоторого «арийского племени» [3, 16]), не использует слов с пейоративным корнем «жид», предпочитая нейтральное «еврей», наконец, признает, чувство ксенофобии постыдным и недостойным. Логика и композиция очерка также свидетельствуют о благородной попытке осмысления и преодоления этого чувства. Тот факт, что произведение не было подготовлено к печати, кажется, также говорит в пользу писателя, так и не разобравшегося в этой этической проблеме. Вероятно, после появления ряда сильных произведений по национальному вопросу (в первую очередь, «Скрипки Ротшильда» (1894) А.П. Чехова, апеллирующей к общечеловеческим ценностям [15]), потребность печатно выразить свою мысль по этому поводу отпала.

Отдельный вопрос составляет время работы над произведением. Описанные события, очевидно, происходят в период правления Александра III. Об этом свидетельствует контекст: действие «Временных правил о евреях», принятых в 1882 г.⁶, упоминание Петра Аполлоновича Грессера, назначенного Санкт-Петербургским обер-полицейстером в 1882 г., а в 1883 г. ставшего градоначальником. Между описанным в очерке разговором с Грессером и посещением мастерской проходит, по указанию в тексте, девять лет, соответственно произведение было начато не раньше (скорее всего, позже) 1891 г. Заметим, что в это же время Григорович работает над текстом «Литературных воспоминаний», что усиливает автобиографический характер очерка.

Рукопись после смерти Григоровича поступила в архив П.В. Быкова, библиографа и издателя иллюстрированного еженедельника «Нива», однако не вошла в корпус печатаемых текстов, опубликованных в «Литературных приложениях» 1901-го г. В 1978-м г. рукопись была реставрирована.

---

⁶ Иудеи и некрещенные евреи по этому положению принудительно выселялись из городов и мест проживания в черту оседлости [13].

Очерк публикуется впервые с учетом правил современной орфографии и пунктуации. Орфографические ошибки и случайные ошибки исправлены без оговорок. Комментарии даны в постраничных сносках.

Д.В. Григорович. Кто виноват?⁷

Сколько помнится, так называемые «восточные человеки»⁸, различно к какой бы нации они ни принадлежали, часто пробуждали мое любопытство, но никогда не были мне особенно сочувственны. То же самое было по отношению к цыганам и евреям. Последние пугали меня в детстве своими черными быстрыми глазами и трясущимися пейсиками; в юности они меня отталкивали своей нечистоплотностью; в зрелых годах особенно стали мне противны из-за их желания забыть, что в ребяческом возрасте бегали босиком по улицам Вильно и продавали спички — [и оставаясь в душе такими же были их родители]*, теперь же лезут из кожи вон, стараясь казаться джентльменами, одеваются по последней моде, назойливо и нагло втираясь в общество⁹. Их всегда можно встретить по субботам в Михайловском театре в безукоризненных фраках, жилетах, с выпущенными поверх рубашки белых галстуках, тщательно причесанных и надушенных; они являются сюда с тем, чтобы совершенствоваться во французском языке, изучать светские приемы, у актера Вальбелля — и сделать так, чтобы оставшиеся зрители принимали их за светских людей, посещающих светское общество и прямо из театра отправляющихся в великосветскую гостиную¹⁰.

Но ничего не существует без исключения. Исключительность тем легче может применяться огулом ко всей национальности. Так, в старинных детских хрестоматиях встречаются обобщения такого

⁷ Несмотря на очевидную переключку с названием романа А.И. Герцена, связь двух этих произведений (за исключением общего мотива губительного пьянства) случайна. Скорее всего, риторический вопрос в заглавии связан не с беллетристической 1840-х гг., а публицистической Э. Золя, Л.Н. Толстого и В.Г. Короленко 188–1890-х гг.

⁸ Словосочетание неоднократно использовалось в беллетристике и публицистике второй половины XIX в. для совокупного обозначения людей восточноазиатского происхождения. Наиболее прецедентны в этом отношении «Петербургские трущобы» (1866) В. Крестовского, «Господа ташкентцы» (1873) М.Е. Салтыкова-Щедрина, «В водовороте» (1871) А.Ф. Писемского.

⁹ Заметим, что такое описание представителя другой национальности характерно для П. Мериме, чью «Этрусскую вазу» («Le Vase étrusque») Григорович перевел на русский язык. Наиболее яркий образец такого отстраненного этнографизма представляет собой 4-я глава новеллы «Кармен» («Carmen»).

¹⁰ Здесь пересказываются стереотипы, закрепленные в многочисленных антисемитских сочинениях последней трети XIX в. [13].

рода: испанец — горд, француз — легкомыслен, англичанин — предприимчив, русский — великодушен и т. д.¹¹. В каждой нации есть, конечно, свои типические оттенки; но прежде всего каждую составляют люди и, следовательно, всюду встречаются общие человеческие добродетели. То же самое и в еврействе. Между многочисленными примерами, приведу один, более других выдающийся. Один пример, конечно, ничего не доказывает, но и доказывать ничего не должен; приведу только факт сам по себе не лишенный интереса.

Девять лет тому назад, в феврале месяце, пришли мне сказать, что внизу, на лестнице, меня спрашивает какой-то оборванный человек, не совсем ясно объясняющийся по-русски. Сойдя с лестницы, я увидел следующую картину: маленького роста человек, самого жалкого вида, с красными опухшими моргающими глазами, прикрытый оборванным грязным пальто, стоял возле такой же маленькой женщины в буром платке, повязанном вокруг головы, в капоте, из которого по всем швам торчали клочки грязной ваты; между ними закутанные в лохмотья, выглядывали двое детей, мальчик лет шести и девочка лет четырех. Все четверо положительно костенели от холода, к выражению испуга на лицах родителей примешивалось еще столько истинного горя, что прежде чем разбирать, кто они были и к какой нации принадлежали, первой мыслию было прийти им скорее на помощь.

— Мы к вам... Простите, не откажите... — торопливо заговорил оборванец, в котором с первого слова узнал я еврея. — Вчера приехали из Вильно... ничего не знали... Пришла полиция...завтра назад посылают... Что нам делать?! Боже мой, что нам делать!?!

Под впечатлением того, что должны были испытывать эти люди, которых на другой день отправляли с детьми в такой ужасный холод, может быть, еще голодными, мне пришла счастливая мысль спросить у еврея, есть ли у него какое-нибудь определенное ремесло, занятие?

— Я режу с дерева... я резчик.... Всякие такие орнаментики и фигуры также режу, — проговорил еврей, выделявая комические пояснительные жесты.

Но тут было не до смеху. Я написал тотчас генералу Грессеру¹², прося его дать под мою ответственность еврею В* отметку на две

¹¹ Перечисленные здесь характеристики в действительности не приводились в хрестоматиях. О несогласии Григоровича с характеристикой французов см. в сопроводительной статье.

¹² Петр Аполлонович Грессер стал Санкт-петербургским обер-полицмейстером в 1882 г., а в 1883 г. — градоначальником. В.П. Мещерский писал о том, что своим назначениям Грессер обязан А.М. Дондукову-Корсакову.

недели¹³. Генерал Грессер был тогда недавно назначен и с любезностью, свойственной всем недавно определенным начальникам, исполнил мою просьбу час спустя после моего письма.

Отсрочка давала еврею возможность прожить в Петербурге две недели. Но чем и где прожить? — подумал я невольно. Его вид, вид его жены и детей был достаточно жалок, что мне хотелось помочь им чем-нибудь существенным.

В числе моих художественных вещей находилась резная деревянная рамка; я показал ее еврею и спросил: может ли он сделать с нее копию? Лицо его вдруг оживилось. Быстро осмотрев рамку, он проговорил: «О, это я могу сделать! Инструмент со мною... Дерево я найду...»

Не знаю почему, мне ни <на> секунду не приходили сомнения в том, что он во зло употребит мое доверие, поспешит продать раму, положит деньги в карман, — и был таков. Я дал ему несколько рублей в виде задатка и простился с ними.

Неделю спустя он снова явился, но на этот раз один и с двумя рамками; копия оказалась верхом совершенства; к точности, с какой она была исполнена, присоединялось очевидное мастерство опытной руки; прихотливый изгиб листьев, их изнанка и жилки в связи с орнаментом, крайне капризным и неправильным... (рамка была во вкусе рококо) делала предмет этого стиля едва ли не самым трудным для подражания. В копии, между тем, все эти трудности были побеждены с замечательною ловкостью; мало того: встречались штрихи резца, как бы дополнявшие <то>, чего недоставало в подлиннике или скрывалось под густой меловой подсложкой, которой <обыкновенно> покрывается резное дерево для позолоты; передо мной была не просто ремесленная механическая копия, — но нечто более оживленное, свободное; видно было, что резцом управляли не только опытность, но вполне сознательное артистическое чувство¹⁴.

Два новых заказа, полученные мной и выполненные с таким же совершенством, убедили меня, что я имею дело с талантливым и вполне добросовестным человеком. Я лично тогда отправился

---

¹³ «Временные правила о евреях» допускали освобождение от общего требования к выселению в черту оседлости специально оговорённых категорий лиц в специально оговоренный срок.

¹⁴ С 1864 г. Григорович был секретарем Общества поощрения художеств, а в 1868 г. он стал почетным членом Академии художеств. Вопросы эстетики в пластических искусствах играли для него значительную роль, что отразилось в серии его искусствоведческих работ.

к градоначальнику и выхлопотал резчику паспорт, позволяющий ему остаться в Петербурге еще на год.

Сколько ни случалось в это время иметь с ним дела, сколько по моей рекомендации ни поручали ему заказов, все не могли нахвалиться его аккуратностью, мастерством его исполнения.

По прошествии трех лет он был уже известен в кругу любителей художественных предметов.

Мимо исполнительности и качества работы к нему чаще потому еще обращались, что <общение> с ним не представляло никаких хлопот, не нужно было долгих объяснений, поправок, не нужно было также выпуклой гипсовой модели; рисунок, даже простой набросок, достаточны были для него, чтобы уловить навовсе предмет, усвоить его форму, степень рельефа и углубленности, мельчайших подробностей. Способности его тем больше обращали на себя внимание, что, быв самоучкой, не учившись ни в какой школе, он умел сохранять в точности своеобразные черты, свойственные каждому стилю. Одному из любителей вырезал он, руководствуясь только рисунком, три большие двери и карниз во вкусе итальянского Возрождения, другому сделал полдюжины стульев во вкусе Людовика XVI, украсил их гирляндами из мелких роз, которые по тонкости и изяществу могли поспорить с любой ювелирной работой и т. д. Чтобы удовлетворить требованиям заказчиков, он принужден был завести небольшую мастерскую и нанять работников. С каждым годом увеличивалось число рабочих, увеличивалась и самая мастерская.

Время от времени он навещал меня, побуждаемый единственно чувством признательности. Оно выражалось у него без всяких лстивых возгласов, лицемерно-натянутых фраз, употребляемых обыкновенно в таких случаях. В нем нельзя уже было узнать того жалкого, голодного и оборванного, едва прикрытого рубищем оборванца, каким явился он мне несколько лет тому назад: одет он был скромно, но вполне прилично. В его лице постоянно сохранялось выражение озабоченности; в его жесте, способе держать себя не было заметно ни тени той дерзкой самоуверенности, свойственной людям его нации, когда им везет, и они начинают чувствовать почву под ногами. Его скромный вид нисколько не был притворным, расчетливым. Он чистосердечно признавался, как много мешает ему недостаток образования в его деле, как часто поэтому не доверяет он своей работе, боится допустить ошибку, не угодить заказчику. С каждым годом, между тем, росла его известность, расширялась его деятельность.

Проходя однажды по Б. Мещанской, перекрещенной почему-то в Казанскую¹⁵, я вспомнил, что тут, в одном из домов, находится его мастерская.

Она помещалась во втором этаже; прочитав на двери его имя, я позвонил. Мне отворила смугливая девочка лет двенадцати с черными вьющимися волосами и быстрыми глазами; почти в то же время явился сам В*. Он, по-видимому, непритворно мне обрадовался и провел в соседнюю большую комнату, стены которой были завешаны всевозможными резными образчиками и моделями, на столах, прислоняемых к стенам, лежали в беспорядке свитки чертежей и рисунков, — местами смятых, захватанных пальцами, показывающие, что они были уже в работе. У окна, за швейной машинкой, сидела жена В*, в которой легко было узнать мать девочки, отворившей мне дверь, она, очевидно, хотела сказать что-то, вероятно, приветственное, но смутилась и ограничилась книксеном. «Не угодно ли взглянуть на мастерскую», — проговорил В*, открывая большую дверь.

Мастерскую составляли две большие комнаты, с открытыми настежь дверями. Посреди первой комнаты размещались вертикально деревянные плахты, служившие подпоркой досчатой настилке, заваленной до потолка запасом дерева для просушки; к стене направо прислонялись также образцы дерева различной величины; налево, перед окнами, за столами из досок, на козлах, работало в обеих комнатах от пятнадцати до восемнадцати человек, между ними бросался в глаза мальчик, лет пятнадцати, усердно долбивший резцом орнаментный кронштейн.

— Это мой сын, сказал В*, давая знак мальчику, чтобы он встал и поклонился: хорошо учится, ходит в школу, на экзамене получил хорошую аттестацию...

Хорошее впечатление, сделанное на меня результатом неустанного труда и энергии, было, к сожалению, испорчено следующим обстоятельством.

Из второй комнаты неожиданно вышел один из рабочих и прямо пошел ко мне, бормоча какие-то приветствия. Он был совершенно пьян; несмотря на сильно взбухшие опухшие черты его преждевременно состарившегося лица, оживленного только мутными, точно стеклянными глазами, я узнал в нем, к истинному моему огорчению, резчика Р*. Лет за семь перед тем окончил он курс в рисовальной школе, считался в ней едва ли не лучшим учеником, вышел из нее с медалью за успехи, оставлен был в числе руководителей ремес-

¹⁵ Большая Мещанская неоднократно переименовывалась. В 1873 г. улица была переименована в Казанскую из-за близости к Казанскому собору.

ленного класса и имея ежемесячное содержание, был — как мастер своего дела, — обеспечен еще частными заказами. Год или полтора спустя пришлось однако отказать ему от места: он часто стал пропускать классы и еще чаще являлся в таком виде, что надо было отправлять его домой для отрезвления. Все возможное было сделано, чтобы уговорить его возвратиться на правильный путь, — ничего не помогало. С тех пор до настоящей встречи я потерял его из виду.

Я вышел из мастерской с чувством совершенно противоположным тому, с каким я вошел в нее. [Я не сомневался, что Р*, окончательно спившийся, не мог быть полезным в мастерской В* Вскоре изыскал я, что В* держит его у себя из чувства сострадания]. Униженное положение Р* не выходило у меня из головы. Припоминая, в каком жалком виде встретил я В* девять лет тому назад, припоминая его отчаяние при известии, что в двадцать четыре часа высылают из Петербурга и придется тогда умереть от холоду и голоду вместе с детьми и женой, — переносясь в то же время мысленно к Р* после выпуска его из школы, Р*, свежего, здорового, полного сил, всеми облаканного, с открытой дорогой для дальнейших успехов, и сравнивая теперь положение того и другого, горечь приступала к горлу, и нервы приходили в сильное возбуждение. Будь Р* такой же еврей, как В*, будь он чухонец, немец и т. д., — я, вероятно, отнесся бы равнодушно к такому факту.

Такой взгляд может показаться весьма ограниченным, узким не отвечающим призыву к общечеловеческому чувству, независимо от национальности, но когда еще слияние людей в одну семью¹⁶ — в весьма отдаленном будущем, в настоящее время такое участие, даже пристрастие к своему, ко всему, что связано с родиной — до того всосалось в кровь и приросло к костям, так тесно связано с природой человека, что нельзя от этого освободиться никакими теоретическими ухищрениями. Свой своему поневоле брат, все, что охотно простишь чужестранцу, невольно хватает за сердце, когда касается своего. Р* был коренной русский, при этом еще несомненно даровитейший, и я, срывая на нем сердце, посылал ко всем чертям пресловутую широту природы, в тех случаях, конечно, когда она стремится к свободному разгулу, которого не в силах обуздать рассудок и воля¹⁷.

¹⁶ Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Он между нами жил»: «Когда народы, распри позабыв, В единую семью соединятся». Сходный мотив обнаруживается в Пушкинской речи Ф.М. Достоевского.

¹⁷ Тезис о широте русской природы активно развивал А.А. Григорьев и редакция журнала «Москвитянин». В дальнейшем он становится одним из важнейших для платформы почвенников и славянофилов, прослеживаясь в публицистике «Времени», «Эпохи», «Русского вестника» и «Гражданина» [4]. Знаменательно,

Кто виноват в падении Р*? Кого винить?... Думал я при мысли о том, что Р*, одаренный отличными способностями, имевший на руках все способы выйти в люди, очутился в работниках В*, [который в придачу держит его у себя из сострадания]. Кто виноват в этом? Не естественно ли, что человек с нравственной выдержкой и силой воли, постоянно трезвый и умный, постоянно деятельный — всегда должен взять верх и несомненно в скором времени, сделается хозяином в своем кругу, в своем деле!..

Не проходит дня без того, чтобы не услышать следующей фразы: «Евреи и немцы у нас все взяли!».

Это сушая правда. Но кто же виноват в этом? Кого винить, например, что магазинами в гостинном дворе более чем наполовину завладели евреи; что на Невском проспекте, Б. Морской и других главных улицах торгуют преимущественно иностранцы, и притом иностранными товарами, — и, что еще хуже, часто торгуют русскими изделиями под видом иностранных! Кто виноват в том, например, что Фонтанка, Екатерининский канал, пристани Невы, проезды на острова, принадлежавшие с основания Петербурга Сидоровым, Ивановым и Петровым перешли в руки финляндцам, и Финское общество легкого пароходства извлекает из них отличные выгоды под самым носом Сидоровых и Петровых? У нас есть Урал, изобилующий превосходным железом. Производством кос и серпов на несколько миллионов рублей для России, занимается, между тем, небольшой городок Штейер в верхней Австрии.

Есть ли тут какая-нибудь логичность, и кого винить в таком упущении своих интересов?

Такое же прискорбное явление не ограничивается промышленным и коммерческим миром; оно проявляется, к сожалению, в других противоположных сферах.

Представьте себе господина, недавно назначенного начальником в каком бы то ни было управлении; предположите, что господин этот отчасти карьерист, т. е. не столько предан делу, которому призван служить, сколько желанию выгодно заявить себя в глазах высшего начальства. Вообразить подобное лицо совсем не трудно, благодаря его обильному распространению.

что Ф.М. Достоевский в своих романах неоднократно проблематизировал это качество: «Русские люди вообще широкие люди, Авдотья Романовна, широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному; но беда быть широким без особенной гениальности» [5, с. 465]; «Еще страшнее кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» [6, с. 123].

И вот, утром, в десятом часу, новый начальник, движимый известным уже усердием, отправляется в вверенное ему управление.

В прихожей весь персонал налицо: три сторожа, два курьера и швейцар, на лестнице появляется экзекутор; он почтительно сторонится и отвешивает поклон. Но этим почти и ограничивается встреча. В остальных комнатах, уставленных столами с классическим зеленым сукном, царствует совершенная пустота — если не считать нескольких совсем мелких служащих и писцов, кое-как наклонившихся над бумагой. Так было всегда, так было третьего дня и так сегодня. Пример усердия и раннего прибытия начальника к месту служения, очевидно, произвели весьма слабое действие. Так, конечно, продолжаться не должно и не может.

Начальник входит в помещение первого отделения. Все здесь блистает чистотой и порядком: паркет тщательно вылощен; на сукне, покрывающем стол, не видно пятнышка; по правую руку гряда бумаг, прикрытых томом свода законов; по левую — портрет с бронзовой застежкой; чернильница и перо на своем месте. Нет только самого начальника отделения.

— Господин Зинзевьевица не приходил?.. — спрашивает новый начальник, обращаясь к следовавшему за ним по пятам экзекутору.

— Никак нет-с, — они изволили вчера уехать в Царское село на крестины. Должно быть, опоздали сегодня к поезду.

— Гм... произносит начальник и входит в помещение второго отделения.

— Господин Сидоров также еще не приходил? — спрашивает он.

— Никак нет-с, — отвечает экзекутор, не находя уже, чем оправдать отсутствующего.

Начальнику приходит мысль повторить случай с одним министром, который точно также, не найдя на своих местах начальников отделения, присел к столу одного из них, взял текущее дело и ради назидания, — дописал лично недоконченный доклад. Но он тут же отказался от такого намерения, во-первых, потому что сам когда-то смеялся над таким поступком министра, во-вторых, потому что несмотря на решимость действовать энергично, не нашел в себе смелости вооружить против себя таким резким поступком благороднейших своих коллег.

В третьем отделении новый начальник вполне вознаграждается за неудачи в первых двух.

За столом, пригнув голову к бумаге, сидит человек лет тридцати, — Карл Густавович Габербир, — уроженец одной из прибалтийских губерний. Лицо его не представляет ничего примечательного,

кроме разве геморроидального оттенка, происходящего от чересчур долгого сидения. Белокурые его волосы причесаны безукоризненно — в две щетки; пробор посреди головы настолько тщателен, что на затылке просвечивает кровавый след.

При виде начальника Габербир встает, смиренно поправляет галстук и почтительно кланяется. Из объяснений Габербира начальник узнает, что <конец рукописи>

Литература

1. Вокруг романа «Проселочные дороги»: переписка Д.В. Григоровича и А.А. Краевского 1850–1852 годов // Русская литература. 2022. № 2. С. 146–160. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-152-166
2. Григорович Д.В. Литературные воспоминания / под ред. Г.Г. Елизаветиной. М.: Худож. лит., 1987. 202 с.
3. Гроссман Л.П. Достоевский и правительственные круги 1870-х гг. // Литературное наследство. М.: Наука, 1934. Т. 15. С. 109–114.
4. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 388–451.
5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. С. 5–520.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 5–570.
7. Дюма А. Путевые впечатления в России: в 3 т. М.: Ладомир, 1993. Т. 2. 303 с.
8. Из записной книжки Д.В. Григоровича // Литературные приложения к «Ниве». СПб.: [Б. и.], 1901. С. 610–645.
9. Лотман Л.М. Григорович // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Наука, 1955. Т. 7. С. 301–339.
10. Мещеряков В.П. Григорович: писатель и искусствовед. М.: Худож. лит., 1985. 176 с.
11. Одоевский В.Ф. Сказки и рассказы дедушки Ириная. СПб.: А.С. Суворин, 1889. 145 с.
12. Отрадин М.В. Григорович и Кольцов (К проблеме народного характера в русской литературе 40-х годов XIX века) // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1982. № 2. С. 38–45.
13. Панченко А.А. К исследованию «еврейской темы» в истории русской словесности: сюжет о ритуальном убийстве // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 79–113.
14. Соловьев А. Проблема «Россия и Европа» в русских литературных путешествиях (Фонвизин — Карамзин — Достоевский). Тарту: Tartu University Press, 2022. 210 с.
15. Чехов А.П. Повести и рассказы. М.: И.Д. Сытин, 1894. 285 с.
16. Goldstein D.I. Dostoyevski and the Jews. Austin: University of Texas Press, 1981. 303 p.

Research article and Publication of Archival Documents

D.V. Grigorovich: “Who Is to Blame?”

© 2022. Alexey E. Kozlov

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia

Acknowledgements: The research was funded by Russian Science Foundation (RSF), project no. 21-78-00011.

Abstract: The publication was prepared for the 200th anniversary of Dmitry Grigorovich, who was a contemporary of Turgenev, Tolstoy and Dostoevsky and whose literary and journalistic heritage still requires commentary and research reflection. The article presents an unfinished essay by Dmitry Grigorovich “Who is to blame?” Probably Grigorovich worked on the essay for the last ten years of his life, but the question posed in the essay remained unresolved. Grigorovich turns to the analysis of xenophobia. In the exposition of the essay, relying on his own observations and emotions, he writes about nationalism. Speaking about the external attributes of the nation, explaining his childhood and youthful fears, the writer is the most tendentious: he describes irrational phobias, trying to argue his right not only not to accept others, but also to be afraid of the appearance of representatives of other peoples. This part of the work ends with a discussion about the stereotypes that people have in relation to different nations. The main part of the essay refutes the preliminary judgments made earlier: it is devoted to the history of a Jewish master from Vilna and an executive Baltic official Gaberbir. Unlike Fjodor Dostoevsky, who formulated his position on this matter in the “Diary of a Writer,” Mikhail Katkov and Konstantin Pobedonostsev, who pursued a tendentious nationalist line in periodicals, Dmitry Grigorovich refuses to reach a verdict, although he raises a question that cannot be answered on the pages of his work. Moreover, the issue that bothered the writer was resolved by Anton Chekhov, who managed to translate Russian literature into a universal dimension.

The essay is published in accordance with the rules of modern spelling and punctuation; occasional errors are corrected.

Keywords: Russian literature of the 19th century, Grigorovich, identity, national question, xenophobia, self-reflection.

Information about the author: Alexey E. Kozlov — PhD in Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva str. 8, 630090 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Email: alexeykozlov54@gmail.com

For citation: “D.V. Grigorovich: ‘Who is to Blame?’,” text prep. and comment. by A.E. Kozlov. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 152–168. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-152-168>

References

1. “Vokrug romana ‘Proselochnye dorogi’: perepiska D.V. Grigorovicha i A.A. Kraevskogo 1850–1852 godov” [“Around the Novel ‘Country Roads’: Correspondence between D.V. Grigorovich and A.A. Kraevsky, 1850–1852”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2022, pp. 146–160. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-152-166 (In Russ.)
2. Grigorovich, D.V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Memoirs], ed. by G.G. Elizavetina. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987. 202 p. (In Russ.)
3. Grossman, L.P. “Dostoevskii i pravitel’stvennye krugi 1870-kh gg.” [“Dostoevsky and Government Circles in the 1870s.”]. *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 15, 1934, pp. 109–114 (In Russ.)
4. Dostoevsky, F.M. “Zimnie zametki o letnikh vpechatleniakh” [“Winter Notes on Summer Impressions”]. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 4. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 388–451. (In Russ.)
5. Dostoevsky, F.M. “Prestuplenie i nakazanie” [“Crime and Punishment”]. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 5. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 5–520. (In Russ.)
6. Dostoevsky, F.M. “Brat’ia Karamazovy” [“The Brothers Karamazov”]. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 9. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 5–570. (In Russ.)
7. Dumas, A. Putevye vpechatleniia v Rossii: v 3 t. [Travel Impressions of Russia: in 3 vols.], vol. 2. Moscow, Lodomir Publ., 1993. 303 p. (In Russ.)
8. “Iz zapisnoi knizhki D.V. Grigorovicha” [“From the Notebook of D.V. Grigorovich”]. *Literaturnye prilozheniia k ‘Nive.’* St. Petersburg, [S. n.], 1901, pp. 610–645. (In Russ.)
9. Lotman, L.M. “Grigorovich” [“Grigorovich”]. *Istoriia russkoi literatury: v 10 t.* [History of Russian Literature: in 10 vols.], vol. 7. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1955, pp. 301–339. (In Russ.)
10. Meshcheriakov, V.P. *Grigorovich: pisatel’ i iskusstved* [Grigorovich as a Writer and Art Critic]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985. 176 p. (In Russ.)
11. Odoevsky, V.F. *Skazki i rasskazy dedushki Irineia* [Tales and Stories of Grandfather Iriney]. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1889. 145 p. (In Russ.)
12. Otradin, M.V. “Grigorovich i Kol’tsov (K probleme narodnogo kharaktera v russkoi literature 40-kh godov XIX veka)” [“Grigorovich and Koltsov (On the Problem of Peasants Character in Russian Literature of the 40s of the 19th Century)”]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Serii istorii, iazyka i literatury*, no. 2, 1982, pp. 38–45. (In Russ.)
13. Panchenko, A.A. “K issledovaniiu ‘evreiskoi temy’ v istorii russkoi slovesnosti: siuzhet o ritual’nom ubiistve” [“On the Study of the ‘Jewish Theme’ in the History of Russian Literature: the Plot of a Ritual Murder”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 104, 2010, pp. 79–113. (In Russ.)

14. Solov'ev, A. *Problema "Rossiia i Evropa" v russkikh literaturnykh puteshestviiakh (Fonvizin — Karamzin — Dostoevskii)* [*The Problem of "Russia and Europe" in Russian Literary Travels (Fonvizin — Karamzin — Dostoevsky)*]. Tartu, Tartu University Press, 2022. 210 p. (In Russ.)
15. Chekhov A.P. *Povesti i rasskazy* [*Stories and Tales*]. Moscow, I.D. Sytin Publ., 1894. 285 p. (In Russ.)
16. Goldstein, D.I. *Dostoyevski and the Jews*. Austin, University of Texas Press, 1981. 303 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 01.03.2022
Одобрена после рецензирования: 12.05.2022
Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 01.03.2022
Approved after reviewing: 12.05.2022
Date of publication: 25.06.2022

«Толстый генерал» и князь Гремин: превращения литературного образа

© 2022, К.В. Душенко

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН)
Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: Благородный старик, муж Татьяны, стал частью «сверхтекста» «Евгения Онегина» благодаря опере Чайковского (1879) и «Пушкинской речи» Достоевского (1880). «Постарению» этого образа, возможно, способствовала контаминация с образом князя Верейского из романа «Дубровский». В «Дядюшкином сне» Достоевский обращается к обоим этим образам. Князь Гремин впервые появился в повести Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830). С легкой руки Гоголя фамилия Гремин неоднократно использовалась в качестве нарицательной в ироническом контексте, но Гремин Чайковского — сугубо положительный лирический персонаж. В «Пушкинской речи» муж Татьяны не просто старик, а страдалец «во вкусе Достоевского». Некоторые его черты, вероятно, восходят (помимо воли автора) к трагикомическому образу дядюшки из «Дядюшкиного сна». Пародийная отсылка к образу старика-страдальца из «Пушкинской речи» содержится в рассказе Чехова «Загадочная натура» (1883).

Ключевые слова: «Евгений Онегин», «Дядюшкин сон», А.С. Пушкин, П.И. Чайковский, А.А. Бестужев-Марлинский, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов.

Информация об авторе: Константин Васильевич Душенко — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Нахимовский пр-т, д. 27, 51/21, 117997 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nlm.ru

Для цитирования: Душенко К.В. «Толстый генерал» и князь Гремин: превращения литературного образа // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 169–182. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-169-182>

С 1880-х гг. представление о героях пушкинского «Евгения Онегина» в массовом сознании складывалось под сильнейшим влиянием оперы Чайковского. По замечанию Сергея Денисенко, «литератур-

ный и театральные тексты перемешались в сознании слушателя-зрителя-читателя “Онегина”, слились воедино, <...> превратившись в *сверхтекст*» [5, с. 251]. Существенной частью этого сверхтекста является образ князя Гремина, мужа Татьяны.

В опере муж Татьяны — одно из главных действующих лиц, у Пушкина — второстепенный персонаж без имени — князь N. В главе 7 это «какой-то важный генерал»; услышав, что он обратил на нее внимание, Татьяна недоуменно спрашивает: «Кто? Толстый этот генерал?» [18, с. 162, 163]. В главе 8 выясняется, что Онегин ему «родня и друг»; князь с ним на «ты» и вспоминает «проказы, шутки прежних лет». Наконец, Татьяна сообщает, что «муж в сраженьях изувечен» и «нас за то ласкает двор» [18, с. 172, 173, 175, 187].

Для Белинского муж Татьяны «с головы до ног» охарактеризован стихами «...И всех выше / И нос и плечи подымал / Вошедший с нею генерал» («Сочинения Александра Пушкина», статья восьмая, 1845) [2, т. 7, с. 464]. Очевиден контраст между авторским, ироническим описанием генерала и возвышающими его словами Татьяны в сцене объяснения с Онегиным. Следует, однако, помнить, что ближайшая цель слов Татьяны — показать недостойность побуждений Онегина.

Вопрос о возрасте князя N долгое время не возникал. В нашумевшей статье Д.И. Писарева о «Евгении Онегине» (1865) единственный, саркастически повторяющийся эпитет мужа Татьяны — «толстый» [16]. В 1874 г. беллетрист-нравоописатель Михаил Авдеев (1821–1876), младший современник Пушкина, называет генерала «изувеченным стариком». Этот старик Татьяне, вероятно, противен, и замуж она вышла «не в силу ясно сознанного долга — она создала себе долг из общепринятой рутины» [1, с. 177, 188].

Представление о муже-старике окончательно закрепилось благодаря опере Чайковского (1879) и «Пушкинской речи» Достоевского (1880). «Татьяна <...> выходит замуж за старого генерала», — сообщалось в школьном пособии по литературе, изданном в 1881 г. [21, с. 153]. Однако уже Н.О. Лернер вполне убедительно показал, что большой разницы в возрасте между Онегиным и мужем Татьяны нет. Князь N принадлежит к числу молодых генералов «двенадцатого года». В главе 8, действие которой начинается осенью 1824 г., Онегину около 28 лет, а мужу Татьяны — «35 лет и уж никак не более сорока» [14, с. 215]. В.Ф. Ходасевич независимо пришел к той же оценке: около 36 лет.

Кроме того, «изувечен», по Лернеру, «не значит ни калека, ни развалина, а просто человек был несколько раз ранен» [14, с. 214]. Такое словоупотребление не вполне обычно; в словаре Даля «изуве-

ченный» означает именно «искалеченный». Тем не менее Лернер, как мы полагаем, был прав, и «изувечен» у Татьяны скорее гипербола, подчеркивающая боевую доблесть ее мужа.

Лернер указывал и причину неверного представления о возрасте генерала: «Когда Чайковский писал свою оперу, а Достоевский говорил речь, русские люди давно перестали вступать в общественную жизнь так рано, как во времена Пушкина» [14, с. 215].

Однако можно предположить и другую причину, а именно контаминацию образа мужа Татьяны с образом князя Верейского из романа «Дубровский» (1833, опубл. в 1841 г.). Сходство сюжетных линий «Онегин — Татьяна — генерал» и «Дубровский — Маша — Верейский» очевидно, как и сходство финалов обоих произведений («Я дала клятву <...>, князь мой муж» [17, с. 221]).

Князь Верейский описан гораздо подробнее, чем князь N.6:

Князю было около 50 лет, но он казался гораздо старше. Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нем свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами [17, с. 207].

Отношение Маши к навязанному ей жениху, как можно полагать, немногим отличалось от отношения Татьяны к мужу, выбранному для нее родней: «Обращение ее со старым женихом было холодно и принужденно. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный ее безмолвным согласием» [17, с. 213].

***

В 1859 г. увидела свет повесть Достоевского «Дядюшкин сон». В комментарии к ее изданию в «Полном собрании сочинений» отмечены черты сходства дядюшки с графом Нулиным и Хлестаковым. Между тем вводная характеристика дядюшки (гл. 2) обнаруживает куда более очевидное сходство с портретом князя Верейского: «Князь К. был еще не бог знает какой старик, а между тем, смотря на него, невольно приходила мысль, что он сию минуту развалится: до того он обветшал, или, лучше сказать, износился». «Человек он был к тому же добрейший, разумеется, не без некоторых особенных княжеских замашек»; он мог быть «очаровательно весел», и мордасовские дамы видят в нем «милого старичка» [7, с. 300–301].

Главная пружина сюжета — старания Марьи Александровны, «первой дамы в Мордасове», выдать свою дочь Зинаиду замуж за

князя. Зина любит другого, и Марья Александровна мобилизует все свое красноречие, чтобы уговорить ее согласиться на этот брак (гл. 5). Начинает она с повторения доводов «нового поколения», не признающего брака без любви: «Ужасно поклясться перед алтарем Божиим в любви к тому, кого не можешь любить! Ужасно принадлежать тому, кого даже не уважаешь!» [7, с. 325]. Но доводы эти приводятся лишь для того, чтобы их опровергнуть, представив брак с выжившим из ума стариком как подвиг христианской добродетели и верх самоотречения:

...Ты, красавица, — жертвуешь старику свои лучшие годы! Ты, как прекрасная звезда, осветишь закат его жизни; ты, как зеленый плющ, обовьешься около его старости <...>. Если ты не веришь в любовь, то обрати свои чувства на другой, более возвышенный предмет, обрати искренно, как дитя, со всею верою и святостию, — и Бог благословит тебя. Этот старик тоже страдал, он несчастен, его гонят <...>. Будь же его другом, будь его дочерью, будь, пожалуй, хоть игрушкой его, — если уж всё говорить! — но согрей его сердце, и ты сделаешь это для Бога, для добродетели! Он смешон, — не смотри на это. Он получеловек, — пожалей его: ты христианка! Принудь себя; такие подвиги нудятся. <...> Есть ангелы божи, исполняющие это и благословляющие Бога за свое назначение [7, с. 326].

В этом пассаже можно было бы усмотреть пародию на «Пушкинскую речь» Достоевского, не будь она произнесена два десятилетия спустя.

Наконец, эпилог повести содержит прямые переклички с главой 8 «Евгения Онегина». Действие происходит в главном городе «отдаленнейшего края» (вероятно, сибирского), на балу у генерал-губернатора. Чиновник Мозгляков, прежний претендент на руку Зинаиды, узнает, что два года назад в Москве она вышла замуж за генерал-губернатора. Теперь она светская дама, «гордая и надменная»; «ее взгляд небрежно скользнул по его лицу и тотчас же обратился на какого-то другого». Муж Зинаиды — «старый воин, израненный в сражениях, с двумя звездами и с белым крестом на шее». Подобно князю N, он ведет себя «важно и чинно» [7, с. 397]. Вероятно, уже тогда муж Татьяны представлялся Достоевскому «старым воином». «Израненный в сражениях», конечно, парафраза пушкинского «в сраженьях изувечен», что свидетельствует в пользу верности истолкования этого оборота Лернером.

***

Опера «Евгений Онегин», законченная в начале 1878 г., была впервые поставлена в марте 1879 г. на сцене Малого театра силами учащихся Московской консерватории. Либретто написал сам композитор вместе с К.С. Шиловским. Доля участия обоих авторов либретто остается невыясненной, но, судя по переписке Чайковского конца 1870-х гг., а также по другим примерам его работы с либреттистами, композитор намечал основные сюжетные линии (сценариум), а Шиловский отвечал за стихотворное оформление сюжета.

Здесь безымянный пушкинский князь получил фамилию Гремин. Эта фамилия была уже знакома читающей публике, и вовсе не с лучшей стороны. В повести А.А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830) князь Гремин — командир гусарского эскадрона. Отталкиваясь от пятой и шестой глав «Евгения Онегина» (более поздние были ему еще неизвестны), Марлинский постарался «исправить» пушкинский роман. Герои повести Стрелинский и Гремин — друзья-враги, подобно Онегину с Ленским [13, с. 30]. Гремин влюблен в Алину Звездич, замужнюю даму; муж ее — больной семидесятилетний старик. У Марлинского дело обходится без трагедий: Гремин женится на Ольге, сестре Стрелинского, сумевшей помешать их дуэли.

Фамилии героев повести — «говорящие». Фамилия Звездич указывает на блестящее положение Алины в свете; Стрелинский — от слова «стрелять»; Гремин — от слова «греметь» (в словаре Даля приведен также синоним «гремкать» и прилагательное «гремкий», с ударением на первом слоге.) В ряде публикаций (напр.: [5]) персонаж оперы Чайковского именуется Грёминым — вероятно, по театральной традиции; обстоятельства появления этой формы имени нам неизвестны.

С «Испытания» начинается Белинский разбор беллетристического творчества Марлинского в обширной статье о нем 1840 г. Среди разительных изъянов повести назван здесь язык Гремина и прочих персонажей, «склеенный из азбучных афоризмов, ходячих сентенций и острот, вычитанных из плохих романов» [2, т. 4, с. 40]. Именно в этой связи упомянут Гремин в «Мертвых душах» Гоголя, опубликованных два года спустя после статьи Белинского: Чичиков «уже готов был отпустить ей ответ, вероятно ничем не хуже тех, какие отпускают в модных повестях Звонские, Линские, Лидины, Гремины и всякие ловкие военные люди» [3, с. 152].

С этого времени фамилия Гремин вплоть до 1870-х гг. многократно использовалась в качестве нарицательной, обычно в ряду других «романических имен».

«Фамилии действующих лиц всегда самые романические: Славины, Гремины, Альмские, Лирины, Звонские, Светины, Лидины и т. д. <...> ...Графы, князья <...> отличаются такою тонкостью обращения, таким остроумием, о каких, можно сказать решительно, и понятия не имеют люди того большого света, который существует не в романах, а в действительности» (Белинский в рецензии 1842 г.) [2, т. 6, с. 442].

«Князья Звонские, Гремины и Лидины выгнаны из литературы» (Аполлон Майков в 1849 г.) [15, с. 81].

«*Звонские, Гремины и Лидины*, являвшиеся в повестях Марлинского, конечно очень смешны <...>» (Аполлон Григорьев, «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая», 1859) [4, с. 502].

«...Иные и не подозревают, что Гремины, Звонские, Лидины Марлинского — денщики, переодетые в барские мундиры» [12, с. 248].

«Когда лучшие люди онегинского времени были подавлены до совершенной апатии и перемерли от хандры, за ними появились, с одной стороны, Звездичи и князья Гремины, с другой Чичиковы, Бетрищевы и вся их стая»; «Звездичи и Гремины были действительными представителями своего времени и общества. <...> ...Гремины, Стрелинские и Правины — эта пустота, одетая в блестящий лоск богатства, светскости и салонного остроумия»; «Гремины и Чичиковы существуют и процветают доселе» [1, с. 49, 50, 51]. Этот пример особенно показателен, поскольку здесь пустые и ничтожные «князья Гремины» противопоставляются «лучшим людям онегинского времени».

П.Н. Ткачев в рецензии на первые части «Анны Карениной» (1875) писал, что граф Вронский — это «Гремин или Лидин новейшего времени» [20, с. 38]. Связь сюжета толстовского романа с «Евгением Онегиным» хорошо известна, и роль Вронского соответствует роли Онегина, но, конечно, не мужа Татьяны.

Несмотря на столь одиозную репутацию фамилии Гремин, у Чайковского князь — сугубо положительный лирический персонаж и к тому же старик, вопреки сложившемуся представлению о Гремине как молодом офицере. Сведений о чтении Чайковским Марлинского не имеется [19]; можно предположить, что либреттисты воспользовались «звонкой» фамилией, не задумываясь о ее литературной генеалогии.

Неоднократно отмечалось, что знаменитая ария «Любви все возрасты покорны» имеет существенно иной смысл, нежели пушкинская строфа, начинающаяся с того же стиха. У Пушкина (гл. 8, XXIX)

благотворность любви для «юных, девственных сердец» противопоставляется ее бесплодности в «позднем возрасте»:

Печален страсти мертвой след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг [18, с. 178] .

У Чайковского же:

Ее порывы благотворны <...>
И закаленному судьбой
Бойцу с седою головой [10, с. 63].

«Ты, как прекрасная звезда, осветишь закат его жизни», — в устах Марьи Александровны из «Дядюшкиного сна» этот романтический штамп — чистое лицемерие, как и уподобление жены старика-князя «ангелу божьему». В арии Гремина те же образы даны как нельзя более серьезно:

Она блистает, как звезда во мраке ночи,
В небе чистом,
И мне является всегда
В сиянье ангела,
В сиянье ангела лучистом!.. [10, с. 64].

Во время репетиций и после первых представлений «почитатели Пушкина, как, например, М.Н. Катков», были недовольны «отступлениями от Пушкина» [11, с. 142]. Тургенев, высоко оценив музыку Чайковского, в самых резких выражениях отзывался о либретто оперы [5, с. 250].

Оперный Гремин изъясняется едва ли не языком Марлинского¹. Отсюда не следует, будто авторы либретто сознательно обращались к творчеству автора «Испытания»; тут мы имеем дело с ходячими псевдоромантическими клише, которыми избилует либретто и которые коробили слух тогдашних, а нередко и позднейших почитателей Пушкина.

¹ У Марлинского князь Гремин о своей возлюбленной говорит, что она «сверкает звездой на модном горизонте» (что выделено курсивом в статье Белинского 1840 г.) [2, т. 4, с. 39].

В первоначальном варианте либретто после возгласа Онегина «Ты — моя!» Татьяна, уступив чувству, падает в его объятия. Возшедший муж делает Онегину знак удалиться, после чего следовало заключительное восклицание Онегина: «Позор! Тоска! О, жалкий жребий мой!» [5, с. 445]. Более развернутый «канонический» финал появился уже после «Пушкинской речи» Достоевского.

Эта речь была произнесена 8 июня 1880 г. Здесь муж Татьяны — «старик-генерал», и не просто старик, а «страдаец во вкусе Достоевского», как сказал бы Чехов, — «...измена ее покроет его позором, стыдом и убьет его». Возможно ли «замучить всего только лишь одно человеческое существо, <...> пусть <...> смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика» и «на слезах этого обесчещенного старика» возвести здание своего счастья? [8, с. 142]. Читавшие «Дядюшкин сон» могли бы тут вспомнить речь Марьи Александровны перед Зинаидой: «Этот старик тоже страдал, он несчастен, его гонят. <...> Он смешон, — не смотри на это. Он получеловек, — пожалей его: ты христианка!» [7, с. 326].

Отметим также довольно неожиданное упоминание о Шекспире, и притом в составе типично гоголевского оборота. У Гоголя избыточный оборот 'какой-нибудь' встречается необычайно часто; особое сгущение оборотов подобного рода наблюдается в «Повести о капитане Копейкине», например: «Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми! или там эдакая какая-нибудь Литейная; там спиц эдакой какой-нибудь в воздухе <...>» [3, с. 523].

В «Селе Степанчиково» (1859) монологи Фомы Опискина содержательно и стилистически пародируют Гоголя. Здесь интересующий нас оборот относится уже к историческим личностям, причем упоминаются они в пародийных рассуждениях о добродетели: «... преисполненного добродетелями, которым <...> может позавидовать даже какой-нибудь слишком прославленный Александр Македонский». «А тут, может быть, сам Макиавель или какой-нибудь Меркаданте перед ними сидел, и только тем виноват, что беден и находится в неизвестности» [9, с. 68, 90].

В «Дядюшкином сне» Марья Александровна упоминает Шекспира поминутно в той же стилистике: «начитались там какого-нибудь вашего Шекспира»; «романтизм, наваянный этим проклятым Шекспиром» и т. д. [7, с. 405, 425]. Обращение к образам и речевым формулам «Дядюшкиного сна» в 1880 г., понятно, не могло быть сознательным, но и случайным его едва ли можно считать. Образ

дядюшки в повести — не комический, а трагикомический, и некоторые его черты, как мы полагаем, отразились в «Пушкинской речи» помимо воли ее автора.

Именно тогда Чайковский переделал финал оперы. 22 октября 1880 г. А.И. Чайковский писал брату: «Донельзя счастлив, что ты согласился на эти перемены. Ей богу, почти не приходится говорить об “Онегине”, чтобы сейчас же не зашла речь о том, что ты напрасно поправлял Пушкина. Все это наделала речь Достоевского и его августовский номер “Дневника”» [6, с. 84]. Премьера новой редакции оперы состоялась в московском Большом театре в январе 1881 г. Татьяна уже не падает в объятия Онегина — она берет на себя роль проповедника-моралиста, словно бы вторя «Пушкинской речи»:

Но пыл преступный подавив,
Долг чести суровый, священный
Чувство побеждает! [5, с. 473].

Стилистическая какофония либретто достигает своей кульминации. Не случайно Станиславский в 1922 г. обратился к первоначальному тексту, и с тех пор опера ставится в двух редакциях.

***

Известно, что Чехов относился к творчеству Достоевского настороженно, а почти все упоминания о нем и его героях в чеховских рассказах выдержаны в пародийной тональности. Наиболее известный пример такого «отгалкивания от Достоевского» — рассказ «Загадочная натура» (1883). В купе первого класса встречаются «хорошенькая дамочка» и Вольдемар, чиновник и начинающий писатель.

«— О, я постигаю вас! — говорит чиновник особых поручений, целуя ее руку около браслета. — Ваша чуткая, отзывчивая душа ищет выхода из лабиринта... Да! Борьба страшная, чудовищная, но... не унывайте! Вы будете победительницей! Да!»

Дамочка охотно принимает предложенную ей роль:

«— <...> Я страдальца во вкусе Достоевского... Покажите миру мою душу, Вольдемар, покажите эту бедную душу!».

«— Чудная! — лепечет писатель, целуя руку около браслета. — Не вас целую, дивная, а страдание человеческое! Помните Раскольникова? Он так целовал» [22, с. 90–91].

Однако в «Загадочной натуре» можно отыскать отсылку не только к «Преступлению и наказанию»:

Я жаждала чего-то необыкновенного... не женского! И вот... И вот... подвернулся на моем пути богатый старик-генерал... Поймите меня, Вольдемар! Ведь это было самопожертвование, самоотречение, поймите вы! Я не могла поступить иначе. Я обогатила семью, стала путешествовать, делать добро... А как я страдала, как невыносимы, низменно-пошлы были для меня объятия этого генерала, хотя, надо отдать ему справедливость, в свое время он храбро сражался. Бывали минуты... ужасные минуты! Но меня подкрепляла мысль, что старик не сегодня — завтра умрет, что я стану жить, как хотела, отдамся любимому человеку, буду счастлива... [22, с. 91–92].

Тема «страданий по Достоевскому» уже прозвучала, поэтому «старик-генерал», который «храбро сражался» и ради которого дамочка готова принести себя в жертву, напоминает о «Пушкинской речи». В то же время мысль о возможности выйти замуж за любимого человека после смерти старика мужа повторяет доводы, которыми Марья Александровна в «Дядюшкином сне» убеждает Зинаиду выйти замуж за князя.

В концовке рассказа гротескные «страдания по Достоевскому» доводятся до абсурда:

— Но вот старик умер... <...> Теперь-то и отдаться любимому человеку, сделаться его подругой, помощницей, носительницей его идеалов, быть счастливой... отдохнуть... Но <...> я несчастна, несчастна, несчастна! На моем пути опять стоит препятствие! Опять я чувствую, что счастье мое далеко, далеко! Ах, сколько мук, если бы вы знали! Сколько мук!

— Но что же? Что стало на вашем пути? <...>

— Другой богатый старик... [22, с. 91–92].

Итак, родословная князя Грешина не сводится только к последним главам «Евгения Онегина» и опере Чайковского. Свою роль в создании этого образа сыграли роман Пушкина «Дубровский», повесть Марлинского «Испытание», «Дядюшкин сон» и «Пушкинская речь» Достоевского, а также литературная критика 1850–1870-х гг.

Литература

1. *Авдеев М.В.* Наше общество (1820–1870) в героях и героинях литературы. СПб.: Тип. К.В. Трубникова, 1874. 291 с.
2. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
3. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6: Мертвые души. [Ч. 1]. 924 с.
4. *Григорьев А.А.* Литературная критика. М.: Худож. лит., 1967. 630 с.
5. *Денисенко С.В.* Пушкинские тексты на театральной сцене в XIX веке. СПб.: Нестор-История, 2010. 532 с.
6. *Домбаев Г.* Творчество Петра Ильича Чайковского в материалах и документах. М.: Гос. муз. изд-во, 1958. 635 с.
7. *Достоевский Ф.М.* Дядюшкин сон. (Из мордасовских летописей) // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М.; Л.: Наука, 1972. Т. 2. С. 296–398.
8. *Достоевский Ф.М.* Пушкин (Очерк). Произнесено 8 июня в Заседании Общества любителей российской словесности // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М.; Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 136–149.
9. *Достоевский Ф.М.* Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М.; Л.: Наука, 1972. Т. 3. С. 5–168.
10. Евгений Онегин П.И. Чайковского / На стихи А.С. Пушкина. М.: Гос. муз. изд-во, 1963. 72 с. (Оперные либретто).
11. *Кашкин Н.Д.* Воспоминания о П.И. Чайковском. М.: Гос. муз. изд-во, 1954. 225 с.
12. *Колошин С.П.* Светские язвы: Повесть // Утро: Лит. сб. М.: Тип. Барфкнехта, 1859. С. 215–343.
13. *Кулеиов В.И.* А.А. Бестужев-Марлинский // *Бестужев-Марлинский А.А.* Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. С. 5–32.
14. *Лернер Н.О.* Муж Татьяны // *Лернер Н.О.* Рассказы о Пушкине. Л.: Прибой, 1929. С. 213–216.
15. [Майков А.Н.] Выставка в Императорской Академии художеств. Октябрь, 1849 // Современник. СПб., 1849. Т. 18, № 1. С. 58–84 (2-я паг.).
16. *Писарев Д.И.* Пушкин и Белинский. «Евгений Онегин» // *Писарев Д.И.* Соч.: в 4 т. М.: Гос. изд-во худож. лит. 1956. С. 306–364.
17. *Пушкин А.С.* Дубровский // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8. С. 159–223.
18. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6: Евгений Онегин. 700 с.
19. *Савинцева В.А.* Князь Гремин А. Бестужева-Марлинского: об одном гипотетическом прообразе персонажа из оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского //

Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. Екатеринбург, 2016. № 11–2. С. 32–38.

20. *Ткачев П.Н.* Критический фельетон // Дело. СПб., 1875. № 5. С. 13–42 (3-я паг.).

21. *Цветков А.А.* Образцы русской словесности (применительно к курсу средних учебных заведений). Отдел III. Пушкинский период (до Гоголя включительно). СПб.: Э. Гартъе, 1881. 616 с.

22. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 2. 584 с.

Research Article

“The Fat General” and Prince Gremin: Transformations of the Literary Image

© 2022. Konstantin V. Dushenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The noble old man, Tatiana’s husband, became part of the “supertext” of “Eugene Onegin” thanks to Tchaikovsky’s opera (1879) and Dostoevsky’s “Pushkin speech” (1880). The “aging” of this image, possibly, was facilitated by the contamination with the image of Prince Vereisky from Pushkin’s novel “Dubrovsky.” In the story “Uncle’s Dream” Dostoevsky refers to both of these images. Prince Gremin first appeared in the story in Bestuzhev-Marlinsky’s story “The Trial” (1830). Thanks to Gogol’s example, the surname Gremin was repeatedly used as a household name in an ironic context, but Tchaikovsky’s Gremin is purely positive lyrical character. In “Pushkin speech,” Tatyana’s husband is not just an old man, but a sufferer “in the taste of Dostoevsky.” A parody reference to this image is contained in Chekhov’s story “The Mysterious Nature” (1883).

Keywords: “Eugene Onegin,” “Uncle’s Dream,” A.S. Pushkin, P.I. Tchaikovsky, A.A. Bestuzhev-Marlinsky, F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov.

Information about the author: Konstantin V. Dushenko — DSc in History, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nahimovsky Prospekt 27, 51/21, 117997 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nl.n.ru

For citation: Dushenko, K.V. “‘The Fat General’ and Prince Gremin: Transformations of the Literary Image.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 169–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-169-182>

References

1. Avdeev, M.V. *Nashe obshchestvo (1820–1870) v geroiakh i geroiniakh literatury*. [Our Society (1820–1870) in Literary Characters]. St. Petersburg: K.V. Trubnikov Publ., 1874. 291 p. (In Russ.)
2. Belinskii, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1953–1959. (In Russ.)
3. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols.], vol. 6: *Mertvye dushi* [Dead Souls], [pt. 1]. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1951. 924 p. (In Russ.)
4. Grigor'ev, A.A. *Literaturnaia kritika* [Literary Criticism]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967. 630 p. (In Russ.)
5. Denisenko, S.V. *Pushkinskie teksty na teatral'noi stsene v XIX veke* [Pushkin's Texts on the Theater Stage in the 19th Century]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010. 532 p. (In Russ.)
6. Dombaev, G. *Tvorchestvo Petra Il'icha Chaikovskogo v materialakh i dokumentakh* [Works of Pyotr Ilyich Tchaikovsky in Materials and Documents]. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1958. 635 p. (In Russ.)
7. Dostoevskii, F.M. “Diadiushkin son (Iz mordasovskikh letopisei)” [“Uncle's Dream (From the Annals of Mordasov)”. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.], vol. 2. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 296–398. (In Russ.)
8. Dostoevskii, F.M. “Pushkin (Ocherk). Proizneseno 8 iunia v Zasedanii Obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti” [“Pushkin (Essay). Pronounced on June 8 at the Meeting of the Society of Lovers of Russian Literature”]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.], vol. 27. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 136–149. (In Russ.)
9. Dostoevskii, F.M. “Selo Stepanchikovo i ego obitateli: Iz zapisok neizvestnogo” [“The Village of Stepanchikovo and its Inhabitants: From the Notes of an Unknown”]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.], vol. 3. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 5–168. (In Russ.)
10. *Evgenii Onegin P.I. Chaikovskogo / Na stikhi A.S. Pushkina* [Eugene Onegin by P.I. Tchaikovsky / On A.S. Pushkin's Poems]. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1963. 72 p. (In Russ.)
11. Kashkin, N.D. *Vospominaniia o P.I. Chaikovskom* [Memories of P.I. Tchaikovsky]. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1954. 225 p. (In Russ.)
12. Koloshin, S.P. «Svetskie iazvy: Povest'» [«Sores of Society: a Story»]. *Utro: Literaturnyi sbornik* [Morning: Literary Collection]. Moscow, Barfknekht Publ., 1859, pp. 215–343. (In Russ.)
13. Kuleshov, V.I. A.A. «Bestuzhev-Marlinskii» [«A.A. Bestuzhev-Marlinsky»]. *Bestuzhev-Marlinskii A.A. Sochineniia: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981, pp. 5–32. (In Russ.)

14. Lerner, N.O. “Muzh Tat’iany” [“Tatyana’s Husband”]. Lerner, N.O. *Rasskazy o Pushkine* [Stories about Pushkin]. Leningrad, Priboi Publ., 1929, pp. 213–216. (In Russ.)
15. [Maikov, A.N.] «Vystavka v Imperatorskoi Akademii khudozhestv. Oktiabr’, 1849» [«Exhibition at the Imperial Academy of Arts. October, 1849»]. *Sovremennik*, vol. 18, no. 1. St. Petersburg, 1849, pp. 58–84 (2nd pag.). (In Russ.)
16. Pisarev, D.I. “Pushkin i Belinskii. ‘Evgenii Onegin’.” [“Pushkin and Belinsky. ‘Eugene Onegin’.”]. Pisarev, D.I. *Sochineniia: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1956, pp. 306–364. (In Russ.)
17. Pushkin, A.S. “Dubrovskii” [“Dubrovsky”]. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t.* [Complete Works: in 17 vols.], vol. 8. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1948, pp. 159–223. (In Russ.)
18. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t.* [Complete Works: in 17 vols.], vol. 6: Evgenii Onegin [Eugene Onegin]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1937, 700 p. (In Russ.)
19. Savintseva, V.A. “Kniaz’ Gremin A. Bestuzheva-Marlinskogo: ob odnom gipoteticheskom proobrazе personazha iz opery ‘Evgenii Onegin’ P.I. Chaikovskogo” [“Prince Gremin by A. Bestuzhev-Marlinsky: about one Hypothetical Prototype of a Character from the Opera ‘Eugene Onegin’ by P.I. Tchaikovsky”]. *Muzyka v sisteme kul’tury: Nauchnyi vestnik Ural’skoi konservatorii*, no. 11–2, Ekaterinburg, 2016, pp. 32–38. (In Russ.)
20. Tkachev, P.N. “Kriticheskii fel’eton” [“Critical Feuilleton”]. *Delo*, no. 5, St. Petersburg, 1875, pp. 13–42 (3rd pag.). (In Russ.)
21. Tsvetkov, A.A. *Obraztsy russkoi slovesnosti (primenitel’no k kursu srednikh uchebnykh zavedenii). Otdel III. Pushkinskii period (do Gogolia vkluchitel’no).* [Samples of Russian Literature (in Relation to the Course of Secondary Educational Institutions). Section III. Pushkin’s Period (up to and Including Gogol)]. St. Petersburg, E. Gart’e Publ., 1881. 616 p. (In Russ.)
22. Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.], vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1975. 584 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.12.2021
Одобрена после рецензирования: 05.02.2022
Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 09.12.2021
Approved after reviewing: 05.02.2022
Date of publication: 25.06.2022

«Памяти Н.К. Михайловского». Особенности некрологического стихотворения

© 2022, М.В. Строганов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Смерть Н.К. Михайловского в январе 1904 г. стала для современников знаковым событием, что выражено в риторике многочисленных некрологов: «последний из могикан», «утес», «меч», «маяк», «светоч», «вождь», «знаменосец», «знамя». Но стихотворная тризна была скудной: три стихотворения опубликованы в 1904 г. (П.Ф. Якубович, П.И. Вейнберг, К. Горбунов); два напечатаны на первую годовщину смерти в 1905 г. под общим заглавием «Памяти Н.К. Михайловского» (С.С. Синегуб, А.И. Гуковский), — все публикации в журнале «Русское богатство», которым руководил Михайловский. Формула «памяти имярек» в литературе появилась довольно поздно. Ее нет среди стихотворений на смерть А.С. Пушкина (1837); а среди 34 стихотворений на смерть М.Е. Салтыкова (1889) она встречается в десяти. В центре всех стихотворений памяти Михайловского находится образ учителя и «бойца» «под знаменем науки», сформировавшийся в массовом сознании русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: Н.К. Михайловский, некрологическое стихотворение, «учитель жизни», массовое сознание, журнал «Русское богатство».

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>

E-mail: mvstroganov@gmail.com

Для цитирования: *Строганов М.В.* «Памяти Н. К. Михайловского». Особенности некрологического стихотворения // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 183–198. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-183-198>

Для историка русской литературы и культуры 1904 г. может быть связан с самыми разными событиями, но ни один из современных исследователей не вспомнит в качестве одного из важнейших (если

не важнейшего) из них смерть Н.К. Михайловского. Между тем для современников смерть Михайловского стала событием знаковым.

Смерть Николая Константиновича Михайловского — самое крупное, самое тяжкое событие в литературе. Под впечатлением этой неожиданной и великой утраты мысль замирает и не может опомниться от неожиданности, что вдруг не стало человека, который в течение сорока почти лет стоял во главе нашей журналистики как признанный вождь и руководитель в важнейших вопросах ответственности и критики. Не верится, что навек смолк голос, к которому мы привыкли прислушиваться всякий раз, когда в литературе возникало новое явление, появлялось новое течение или выступал новый талант (А.И. Богданович)¹.

Умер один из самых крупных русских мыслителей-социалистов, умер последний из могикан славного поколения семидесятых годов, умер человек, отражавший в своих писаниях и неизменный идеалистический порыв целого ряда революционных поколений русской интеллигенции к светлому социалистическому будущему, и менявшуюся в связи с переменой обстоятельств их тактику (В.М. Чернов)².

Это был непоколебимый «утес», о который разбивались мутные волны, это был острый «меч», под ударами которого падали недруги. Это был высокий «маяк», помогавший находить правый путь в ненастной мгле настоящего; это был яркий «светоч», лучами своей мысли прорезавший туманные дали будущего. Это был вождь русской интеллигенции, цензура, ее знаменосец. Он бодро нес ее идейный «стыг», и в его испытанных руках ни разу не дрогнуло ее

Не знавшее побед, но не запятнанное знамя... (А.В. Пешехонов)³.

Русская литература потеряла одного из крупнейших своих деятелей, русская интеллигенция похоронила одного из своих лучших и благороднейших вождей (В.А. Мякотин)⁴.

¹ *Богданович А. И.* Памяти Н.К. Михайловского // Мир Божий. 1904. № 3. С. 410.

² *Гарденин Ю.* Памяти Н.К. Михайловского / Партия социалистов-революционеров. [СПб.]: Тип. партии социалистов-революционеров, 1904. С. 1.

³ *Пешехонов А.* С кладбища // Русское богатство. 1904. № 2. Отд. 2. С. XII. Цит. из стихотворения А.М. Жемчужникова «Завешание» (1897). Ср.: *Якубович П.* Алексей Михайлович Жемчужников // Русское богатство. 1908. № 5. 2 отд. С. 172.

⁴ *Мякотин В. А.* Хроника внутренней жизни. I. Памяти Н.К. Михайловского // Русское богатство. 1904. № 2. Отд. 2. С. 135–144.

Мне остается лишь выразить здесь же, на страницах «Русского богатства», глубокое почтение и идейную любовь к памяти того, кто сорок лет стоял, боролся и умер среди борьбы «на славном посту»!.. Русские граждане! поклонитесь ему, служившему всю жизнь свою свету и истине!.. Знаете ли вы, кого потеряли — и в какой момент?.. (Н.С. Русанов)⁵.

...Смерть Николая Константиновича Михайловского — потеря невознаграждаемая и для литературы, и для общества. <...> Отошел в вечность бесспорный вождь и глава всей прогрессивной русской журналистики и последний сильный пророк позитивизма, пришедший дух и знамя его от старших богатырей шестидесятых годов. Со знаменем этим Михайловский бодро стоял «на славном посту» над прахом отошедших в вечность старших товарищей. Общественные бури истрепали гордое, честное знамя в клочки, но Михайловский ни на миг не выпустил древка из рук, ни на пядь не отступил с давней, буйными боями завоеванной позиции. Пусть иные новые течения, стремясь вперед, пошли быстрее и обогнали Михайловского, — пусть для многих он слыл уже либеральным старовером! Иначе и быть не могло, и не должно быть: в том и прогресс, чтобы созревающие поколения опережали и исправляли поколения, созревшие и снимаемые временем с общественной полосы, как полный колос!.. Но и в самых спешных, самых передовых течениях не было и нет ни одного человека, который время от времени не оглядывался бы назад — посмотреть с тревожною любовью, как стоит на своем месте, будто незыблемая скала над потоком, старый, стойкий знаменосец, как колышется под встречным ветром над его седою головою старое, многострадальное, яркое знамя. Этот сорок с лишком лет непоколебимый флаг был маяком для отставших, куда им плыть, вдогонку века, а опередившие ценили в нем отправную точку, от которой они самостоятельно поплыли к новым берегам. И вот — уже не на кого оглянуться: опустел славный пост, рухнул старый знаменосец! Покройте же заслуженным знаменем гроб его и, по слову поэта, не сыпьте цветов на его могилу, а положите меч, потому что умер храбрый боец за человечество!

Имя Михайловского стало на Руси символом литературной порядочности, а его авторитетное благословение — паспортом на принадлежность к передовому полку русского прогресса. И эта пассивная символичность Михайловского, особенно подчеркнутая

⁵ Кудрин Н.Е. Галерея французских знаменитостей. II. Анатолий Франс // Русское богатство. 1904. № 2. 2 отд. С. 115.

в последний период его жизни, была для общества едва ли не столь же важна, как его кипучая, активная неутомимость. Он так долго поднимал вверх свое знамя, что наконец — для сотен тысяч читающих — слился с ним в один образ и стал сам знамя... «Человек — знамя!» — какой еще титул может звучать для публициста наградою выше, желаннее, благороднее?! А тут еще — и такое светлое, человеколюбивое знамя. <...>

Хорошо было сознавать, что сидит негде этакая живая правда журналистики, которую ты хочешь — люби, не хочешь — не люби, а признавать должен, если в душе у тебя совесть жива; от которой клевета и насмешка отскочат, как горох от мраморной стены; на которой, как на камне пробирном, ты можешь испытать свою искренность, чистоту своих литературных побуждений, ясность своих общественных взглядов, твердость своих общественных убеждений (А.А. Амфитеатров)⁶.

Смерть Михайловского вызвала мощнейший отклик не только в среде его литературных и политических современников, но и у широкой публики. Журнал «Русское богатство», в котором он с 1893 г. играл ведущую роль редактора-издателя (сначала неофициально, а потом и юридически), в пяти ближайших после смерти Михайловского номерах печатал перечни лиц, учреждений, общественных организаций, стихийных коллективов, возложивших и приславших венки (всего 75 венков)⁷ и соболезнующие телеграммы и письма (всего 265 телеграмм и писем)⁸.

Когда летом 1904 г. привезли в Россию хоронить А.П. Чехова, то, несмотря на некоторую путаницу с информацией, были и венки, и цветы, но такого бурления не было. Таковую горесть: «кого мы потеряли», «великая утрата» — никто не выражал. «Последний из могикиан», «утес», «меч», «маяк», «светоч», «вождь», «знаменосец», «символ литературной порядочности», «знамя» — таких слов к Чехову тоже никто не применял. Современники прекрасно понимали масштаб Чехова как писателя, но они не воспринимали Чехова в качестве учителя жизни, более того: модернистская личность Чехова сама по себе отвергала подобное восприятие.

⁶ Амфитеатров А.А. После сороковины // Санкт-Петербургские ведомости. 1904. 8 марта.

⁷ Венки на гроб Н. К. Михайловского // Русское богатство. 1904. № 2. 2 отд. С. 165–168.

⁸ Телеграммы и письма, полученные после кончины Н.К. Михайловского его семьей и редакцией «Русского богатства» // Русское богатство. 1904. № 2. 2 отд. С. 170–188; № 3. 2 отд. С. 183–193; № 4. 2 отд. С. 218–226; № 5. 2 отд. С. 201–206.

Личность же Михайловского сложилась в лоне представлений, которые сформулировал Н.Г. Чернышевский в «Эстетических отношениях искусства к действительности»: «Пусть искусство довольствуется своим прекрасным назначением <...> быть для человека учебником жизни» [9, с. 90]. И Михайловский хотел быть и был учителем жизни. И очень странно, что современный историк не учитывает всех этих оценок и видит в Михайловского только «жандарма литературной республики» [1]. Иначе как предвзятостью такую оценку не назовешь.

На фоне мощного некрологического потока венков, писем и телеграмм на удивление скудным оказывается стихотворное приношение: всего три стихотворения, которые были опубликованы в 1904 г., и два стихотворения, которые появились в печати в первую годовщину смерти Михайловского в 1905 г. И все они в «Русском богатстве». И более — нигде.

В письме к Е.П. Пешковой от 30 января 1904 г. М. Горький сообщал: «Похоронили Михайловского — скучно и благополучно. Разве после того, как мы — я, Пятницкий, — ушли с Волкова, — молодежь наскандалила. Речей было немного — бесцветные, стихотворения два — тоже. Дорогой на кладбище пели “Вставай, поднимайся” почти все время, но полиция не мешала, и это бросили, пели уже только “Вечную память”» [2, с. 36]. Упомянутые Горьким стихотворения принадлежали К. Горбунову и, видимо, П.И. Вейнбергу. Третье стихотворение к похоронам Михайловского написал П.Ф. Якубович, но он вряд ли мог произнести его. Дело в том, что в 1903 г. с него был снят гласный надзор, и в связи с этим он писал В.Г. Короленко 18 сентября 1903 г.: «Вы слышали, вероятно, дорогой Владимир Галактионович, о большой перемене в моей судьбе (которой я, впрочем, еще не замечаю), — о полном возвращении мне свободы. Говорят, это за мою книжку... Вот как стали ценить у нас литературу! Подумаешь — в Европу переехали. По сему поводу П.И. Вейнберг тянет меня на литерат<урные> вечера (только не ошибется ли он — не запретит ли меня градоначальник!)» [4, с. 485]. Якубович был прав в своих подозрениях: до 1905 г. он по-прежнему не имел права на публичные выступления.

Однако в посвященном памяти Михайловского номере журнала «Русское богатство» первым было опубликовано именно стихотворение П.Ф. Якубовича «У гроба Н.К. Михайловского», — думается, по большой степени его участия в работе редакции журнала:

С спокойно-мраморным челом, —
Как будто задремав случайно, —
Лежит он, полон думы тайной
О чем-то важном и большом.
И вот возносит хор бесстрастный
О нем последнюю мольбу...
Не сон ли снится, сон ужасный,
Что, мертвый, он лежит в гробу?
Он — мертв? Всю жизнь будивший к жизни!
Сквозь грохот бури, ночи мрак
Светивший горестной отчизне,
Как призывающий маяк!
Не может быть! Мы здесь ошибкой...
Вот он услышит наш призыв
И встанет с ясною улыбкой:
«Друзья, не плачьте! Я ведь жив».

Нет! не дойдет к тебе стозвучный жизни шум,
Уж не увидишь ты луча зари желанной!
Ты взором лишь орла с вершины гордых дум
Провидел край обетованный...

Но подвиг твой живет. Учитель дорогой,
Спи безмятежным сном, людских угроз не зная!
В далекой памяти страны твоей родной
Ты будешь жить, не умирая!⁹

Некрологический раздел этого номера «Русского богатства» состоял из четырех материалов: очень взвешенная, без эмоций и в этом отношении выбивающаяся из общего ряда статья В.Г. Короленко, риторическое стихотворение Якубовича, взволнованная, эмоциональная статья А.В. Пешехонова «С кладбища» и риторическое же стихотворение П.И. Вейнберга «Памяти Н.К. Михайловского»:

⁹ П.Я. У гроба Михайловского // Русское богатство. 1904. № 2. С. XI. Ср.: Якубович П.Ф. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 263–264. (Библиотека поэта. Большая серия). Вариант стиха 16: «О чем вы плачете?... Я — жив!» Дата: 29 января 1904 г. (П.Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения. СПб.: Книгоиздательское тов-во «Просвещение», 1910. Т. 2. 4-е изд., испр. и доп. 234 с.).

Тернистой, но славною дорогой
 Ты в жизни шел — шел много, много лет,
 С решимостью неколебимо строгой,
 Неся в душе неугасимый свет.
 Он был тебе звездой путеводной,
 Он был оплот пытливого ума
 В часы, когда вокруг стези свободной
 Сгущалася враждующая тьма.
 Тяжелый путь!.. То светлые поляны
 В цветах весны, и свежесть, и простор;
 То мрачный лес, зловещие туманы;
 То луч надежд; то гибель и позор...
 Вслед за тобой шли смелые собратья;
 Но не один, лишившись сил в борьбе,
 Пал с воплями унынья и проклятья,
 С отчаяньем и в людях, и в себе.
 А ты, боец под знаменем науки,
 С пером-мечом ты продолжал идти,
 На миг один не опуская руки,
 На шаг один не совратясь с пути.
 Ты был силен той силой убежденья,
 Что искони творила чудеса,
 Той верой в суд и кару Провиденья,
 Что в мир земной низводит небеса...
 И вот, когда уж пристань показалась
 Невдалеке, когда заветный час
 Уж начал бить — из-за угла подкралась
 Коварно смерть — и ты ушел от нас!..

***

Нелепая игра существования!
 Жестокая насмешка естества!
 Жить — в радостях и муках упования,
 И умереть — в минуту торжества!..¹⁰

В отличие от остальных трех авторов некрологического раздела, Вейнберг не был постоянным сотрудником «Русского богатства», но он был лично очень близок к Михайловскому и домашним образом

¹⁰ Вейнберг П.И. Памяти Н.К. Михайловского // Русское богатство. 1904. № 2. С. XVI.

участвовал в жизни журнала. Именно этим и определяется помещение его стихотворения в данной части журнала.

Однако на похоронах было произнесено и еще одно стихотворение, которое редакция «Русского богатства» тоже поместила во 2-м номере, но не в некрологическом разделе, а почти в самом конце. Такой формой публикации редакция журнала подчеркивала, что автор не относится к кругу «Русского богатства» и не является профессиональным литератором, что это «народное» волеизъявление. Это было стихотворение некоего К. Горбунова, о котором мы не можем сказать ничего определенного, кроме того, что под этим же именем на страницах журнала только один раз еще (в 1900 г.) появлялось малозаметное стихотворение¹¹. Единственное, что мы определенно знаем о втором его стихотворении, — это то, что оно было «произнесено автором на могиле Н.К. Михайловского 30 января»:

Прощай, учитель наш! Прощай, борец,
Поднявший высоко свое над нами знамя,
Во храме Истины, как верный жрец,
Всю жизнь поддерживавший пламя!

Прощай, прощай, народа верный друг!
Ты умер, но живет твое святое дело:
Твоих учеников растет могучий круг, —
Вперед они глядят, как ты учил их, смело.

Вперед они идут, — туда, где луч зари
Блистал тебе наградой и приветом
И озарял отрадным, дивным светом
Свободы, равенства и братства алтари!

Вперед они идут! Когда ж в пути их день
Затмится тучами печали иль сомненья,
Тогда, спеша, с улыбкой ободренья
К ним подойдет твоя, учитель, тень

И глянет им в глаза, — и жизни жаркой кровью
По жилам их огонь священный пробежит,
Сердца исполнятся могучею любовью,
И дружный клич «вперед!» отважно прозвучит.

¹¹ *Горбунов К.* Душа. Аджарская песня (Покинув землю, покинув тело...) // Русское богатство. 1900. № 1. С. 130.

Прощай, учитель наш! Прощай, борец,
 Поднявший высоко свое над нами знамя,
 Во храме Истины, как верный жрец,
 Всю жизнь поддерживавший пламя!..¹²

В январском номере «Русского богатства» за 1905 г., к первой годовщине смерти Михайловского, был опубликован цикл «Памяти Н.К. Михайловского» из двух стихотворений разных авторов, которые были написаны, очевидно, в том же 1904 г., но по не зависящим от авторов причинам не могли быть доставлены в редакцию своевременно.

Первое из этих стихотворений принадлежит С.С. Синегубу, который в это время жил в Томске [5, с. 384–388] и не мог участвовать в похоронах. В 1903 г. «Русское богатство» опубликовало шесть стихотворений Синегуба: «Наше прошлое светло», «Ни ветерка... И нет предела зною» (№ 6), «Хотел бы я от злой судьбины» (№ 7), «Вот уж гаснет вдали умирающий день» (№ 8), «На закате» (№ 9), «Вот и старость седая пришла» (№ 10). Как можно предположить, этой публикации могли способствовать либо И.Г. Короленко, который жил в это время в Томске, либо П.С. Ивановская, свояченица В.Г. Короленко, в бумагах которой сохранилось одно стихотворение Синегуба, с надписью: «Из первых стихотворений С. Синегуба, написанных им после приезда в Петербург. Переданы мне им в 1894 г.»; опубликовано в 1969 г.¹³

Свое стихотворение на смерть Михайловского Синегуб сочинил, судя по всему, в ближайшее после похорон время, и уже датой 30 октября 1904 г. помечено цензурное разрешение на отдельном издании этого произведения с музыкой П.П. Шенка¹⁴. Текст в нотном издании не отличается от текста в «Русском богатстве»:

Безумная надежда в грудь стучится,
 Что ты опять появишься средь нас...
 С тяжелой думою, что ты навек угас,
 Не хочет сердце помириться!
 На миг хоть ласковой мечтою
 Больное сердце обмануть,

¹² Стихотворение К. Горбунова, произнесенное автором на могиле Н.К. Михайловского 30 января // Русское богатство. 1904. № 2. 2 отд. С. 169.

¹³ [17, с. 163–164]. РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Ед. хр. 73 Л. 1.

¹⁴ Памяти Н.К. Михайловского / Слова С. Синегуба; музыка П.П. Шенка. [СПб.:] Лит. и нотопечатня Г. Шмидт, [1904].

Что ты, измученный борьбою,
Прилег на время отдохнуть.
Я напрягаю слух болезненно и страстно,
Я жду с мучительной тоской —
Не прозвучит ли вдруг, как прежде, смело, ясно
Вновь вдохновенный голос твой!
В святой борьбе за счастье отчизны
С могучим гнетом злобных сил
Тебя не слышу я, учитель светлый жизни,—
И жду, и жду, родной, чтоб ты заговорил!..¹⁵

Оценка, которую Синегуб дает в этом стихотворении Михайловскому, резко противоречит тому, что он пишет о нем в своих воспоминаниях. Говоря об особой позиции А.И. Фаресова и Ю.Н. Говорухи-Отрока на процессе по «делу 193-х»¹⁶, Синегуб уточняет: «Правда, во время суда Говоруха-Отрок был еще далек от катковщины и находился, по-видимому, в приятельских отношениях с Н.К. Михайловским, который приходил даже к нему на свидание в дом предварительного заключения, где и я видел вблизи знаменитого писателя. Говорили, что и Михайловский не особенно симпатизировал деятельности сидевшей тогда в тюрьмах радикальной молодежи; а побывав на нашем процессе во время нашего протеста, будто бы выразился о нас, что мы со своим протестом напомнили ему дикарей, пытавшихся закрыть шапками жерла выставленных против них пушек»¹⁷. Впервые эти воспоминания были опубликованы через два года после смерти Михайловского и написания стихотворения на его смерть¹⁸. Но уже в это время было известно, что отношение Михайловского к революционному народничеству было иным, о чем убедительно писал В.М. Чернов, и мы уже цитировали его большую работу «Памяти Н.К. Михайловского». Но Синегуб почему-то решил указать на компрометирующие Михайловского слухи в народни-

¹⁵ Синегуб С. Безумная надежда в грудь стучится // Русское богатство. 1905. № 1. С. 133; Синегуб С.С. Стихотворения // Поэты-демократы 1870–1880-х годов / биогр. справки, подгот. текста и примеч. В.Г. Базанова, Б.Л. Бессонова и А.М. Бихтера. Л.: Сов. писатель, 1968. 784 с. (Библиотека поэта. Большая серия).

¹⁶ Официальное название процесса — «Дело о пропаганде в Империи»: в 1877–1878 гг. к ответственности за «революционную пропаганду» были привлечены 193 народника, в том числе Ю.Н. Говоруха-Отрок, который был осужден на ссылку в Тобольскую губернию на год и 3 месяца.

¹⁷ Синегуб С. Записки чайковца / предисл. И. Гладнева. М.; Л.: Молодая гвардия, 1929. С. 201.

¹⁸ Синегуб С. Воспоминания чайковца (окончание) // Былое. 1906. № 10. С. 60.

ческой среде, причем не дезавуируя их. В стихотворении же мы не находим никаких отголосков подобных слухов.

Не менее интересно в данном издании участие П.П. Шенка, известного в свое время композитора, автора многочисленных опер, балетов и ораторий, достаточно далеких по содержанию от того, что интересовало Михайловского или Синегуба; отличаются от этой кантаты и его «многочисленные романсы, созданные преимущественно на слова К.Р.» [3, с. 9]. Правда, в творчестве Шенка мы находим несколько произведений коммеморативного характера: «Памяти Пушкина», «Хвала Гоголю», «Памяти Некрасова». Однако все эти произведения были созданы буквально на память, но не на смерть того или иного деятеля. От кого Шенк мог узнать стихотворение Синегуба до его публикации в «Русском богатстве», через кого композитор мог вступить в переписку с автором стихов для приобретения прав на публикацию кантаты — пока неизвестно. Более того, судя по надписи на титульном листе: «Доход от продажи предоставлен композитором в пользу Литературного фонда», — нотное издание было выпущено большим тиражом. Между тем мы не смогли обнаружить его в крупнейших библиотеках, и единственный экземпляр этого издания выявлен в Рукописном отделе Пушкинского Дома¹⁹. Складывается впечатление, что в редакции «Русского богатства» знали о существовании этого нотного издания, но опубликовали стихотворение Синегуба как будто впервые, без указаний на предыдущую публикацию.

Второе стихотворение в этом цикле принадлежит юристу, эсеру, в будущем видному деятелю русской эмиграции А.И. Гуковскому, который выступал в «Русском богатстве» в качестве литературного критика и рецензента²⁰. Он был арестован 14 мая 1903 г. по делу об

¹⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. Р. I. Оп. 251. Ед. хр. 220. Благодарю А.В. Вострикова, любезно указавшего мне на это издание.

²⁰ А.И. Гуковскому принадлежит ряд рецензий в анонимном разделе «Новые книги» (2 отд., далее не указывается), которые выявлены А.В. Востриковым по гонорарным ведомостям журнала «Русское богатство», сохранившимся в фонде А.Г. Горнфельда (ОР РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 1261, 1262, 1263): *Сигма С.* (С.Н. Сыромятников) Петербургские негативы. СПб.: А.С. Суворин, 1901. 273 с. (1901. № 2. С. 39–44); *Погорелов А.* «Мрак» и «Перед грозой» (Из жизни Приуралья). М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1900. 448 с. (1901. № 3. С. 30–33); *Волынский А.Л.* Царство Карамазовых. Н.С. Лесков: Заметки. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 493 с. (1901. № 8. С. 44–50); *Лассаль Ф.* Дневник. СПб.: Б.Н. Звонарев, 1901. 263 с. (Там же. С. 50–53); *Бунин И.* Рассказы. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1902. Т. 1. 291 с. (1902. № 7. С. 103–107); Рассказы Путника (Н.Н. Лендера). СПб.: А.С. Суворин, 1902. 319 с. (Там же. С. 107–109); *Гитлиус (Мережковская) З.* Третья книга рассказов. СПб.: [Б. и.], 1902. 466 с. (1902. № 8. С. 15–19); *Купчинский Ф.П.* Соч.: в 2 ч. СПб.: Коммерч. скоропеч. Е. Тиле преemn., 1902. Ч. 1: Стихотворения; Ч. 2: Проза. (Там же. С. 19–21); *Дерюжинский В.Ф.*

организации демонстративного празднования двухсотлетия Петербурга и содержался в предварительном заключении в Петербургской одиночной тюрьме. По постановлению министра внутренних дел выслан 20 февраля 1904 г. под надзор полиции в Архангельск²¹. Таким образом, он тоже не мог не только участвовать в похоронах, но, возможно, и своевременно передать стихотворение в редакцию. И следует отметить, что это единственное известное стихотворное произведение среди его сочинений:

Мгла и ненастье... Равнина без края.
 — Пахарь и сеятель мысли свободной!
 Не отдыхая, прошел ты свой путь,
 Грудью больной на соху налегая.
 От каменистой пустыни холодной
 Много толчков приняла твоя грудь!

Рано ты вышел и долгие годы
 Шел все вперед. И давно уже иней
 Посеребрил твои кудри... И вот —
 Радостный вид! — избыльные всходы
 Зашелестели над мертвой пустыней...
 С светлой улыбкой пошел ты вперед.

Чудилось — близко уж... Прибыло силы...
 С трепетных уст «отпускаешь ныне»
 Было готово сорваться... Увы!
 Миг — и покрыл тебя сумрак могилы...
 Поздно! Великая весть благостыни
 Не приподымет твоей головы!

Судебные деятели об университетской подготовке молодых юристов. СПб.: Сенатская типография, 1902. 20 с. (1902. № 10. С. 38–42); *Кольчи́ко И.* Волки и овцы: Роман в 3 ч. СПб.: Тип. В.П. Мещерского, 1902. 586 с. (1903. № 1. С. 21–26); *Наживин И.Ф.* Дешевые люди: Очерки и рассказы. М.: Д.П. Ефимов, 1903. 304 с. (Там же. С. 26–27); *Телешов Н.* Повести и рассказы. М.: Типо-лит. «Рус. т-ва печ. и изд. дела», 1902. 282 с. (1903. № 2. С. 27–28); *Вера.* Одна из многих. СПб.: Знание, 1903. 276 с. (1903. № 3. С. 80–82); *Юшкевич Семен.* Рассказы. СПб.: Знание, 1903. Т. 1. 355 с. (1903. № 4. С. 41–43); *Круглов А.В.* Вчера и сегодня: Повести и рассказы. М.: И.А. Соловьев, 1903. 251 с. (Там же. С. 43–45). А также: *Гуковский Ал.* Очерк русского журнального быта (О «Думах журналиста» г. Лемке) // РБ. 1903. № 9. 2 отд. С. 230–245; *Гуковский Ал.* Границы анализа в литературной критике // РБ. 1903. № 11. 2 отд. С. 1–22.

²¹ См. письма А.И. Иванчина-Писарева к Н.К. Михайловскому от 19 мая 1903 г.: РО ИРЛИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 272; Н.К. Михайловского к А.И. Иванчину-Писареву от 23 мая 1903 г.: РО ИРЛИ РАН. Ф. 114. Оп. 2. Ед. хр. 280. Л. 146–147.

Вновь небеса потемнели над нивой,
 Туча ее облегла грозовая...
 Холодом веет и градом грозит...
 Мрачно и жутко... О, Боже правдивый!
 Пусть непогода развеется злая,
 Всходы живые пускай пощадит!²²

Итак, мы видим, что все пять стихотворений на смерть Михайловского были написаны вскоре по получении известия о событии смерти. В этом отношении разницы между ними нет. Произведения с названием, включающим в себя формулу «памяти имярек», достаточно часто встречаются в поминальной практике. И обычно это стихотворные и гораздо реже прозаические некрологические сочинения. Но следует указать, что произведения с таким названием стали появляться довольно поздно. В частности, среди стихотворений на смерть А.С. Пушкина (1837) нам неизвестно ни одно, которое имело бы такое название [6]. А среди 34 стихотворений на смерть М.Е. Салтыкова (1889) такая формула встречается уже в десяти заглавиях и подзаголовках [8]²³(ср. также: [7]).

Все стихотворения памяти Михайловского не содержат ничего нового в сравнении с прозаическими некрологами, но дают более отчетливые формулы образов, которые мы находим в них. В центре стихотворений Якубовича, Горбунова и Синегуба находится образ учителя, который совершает подвиг, борясь за правое дело и неся боевое знамя. Вейнберг и Гуковский не называют Михайловского непосредственно учителем. Вместе с тем Вейнберг указывает, что Михайловский обладал «силой убеждения, что искони творила чудеса», а Гуковский называет его «пахарем и сеятелем мысли свободной», то есть фактически тоже учителем, просветителем. И так же, как Якубович, Горбунов и Синегуб, Вейнберг называет Михайловского «бойцом», хотя и уточняет: «под знаменем науки». Наименее тривиален в этом ряду Гуковский, в стихах которого слышатся отзвуки евангельской притчи про сеятеля в известной интерпретации

²² Гуковский А. Мгла и ненастье... Равнина без края // Русское богатство. 1905. № 1. С. 133–134.

²³ Собрание текстов см.: Стихотворные отклики современников на смерть М.Е. Салтыкова / сост., вступ. заметка Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова; подгот. текстов Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова, Д.К. Равинского // Культура и текст. Барнаул: АлтГПА, 2015. № 4 (22). Щедринский сборник. Вып. 4: Статьи. Публикации. Материалы энциклопедии. С. 154–202. URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (дата обращения: 08.03.2022).

А.С. Пушкина («Свободы сеятель пустынный...»), хотя ритмически его стихотворение относится к некрасовской традиции.

Эти стихи, посвященные памяти Михайловского, наглядно показывают нам, что разум человеческий не может придумать ничего нового и оригинального и только повторяет старые узоры по старой же канве. И дело не в таланте авторов, а в невозможности придумать что-либо новое на такой старой сюжет, как смерть дорогого и близкого человека.

Литература

1. *Блохин В.В.* Жандарм литературной республики. Н.К. Михайловский: жизнь, литература, политическая борьба. М.: Весь мир, 2019. 256 с.
2. *Горький М.* Полн. собр. соч.: в 24 т. М.: Наука, 1998. Т. 4: Письма. 478 с.
3. *Гурова Я.* Петр Петрович Шенк. Малоизвестные страницы биографии // *MUSICUS*. 2016. № 1 (45). С. 9–10.
4. Литературное наследие. М.: Наука, 2022. Т. 107. Кн. 2.: Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников, 1890–1903. 664 с.
5. *Носова А.Г.* Синегуб-Будаков Евгений Сергеевич. Фонд 675 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 384–388.
6. *Строганов М.В.* Смерть Пушкина в стихах его современников // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия. Калининград: Калининградский гос. ун-т, 1989. С. 87–101.
7. *Строганова Е.Н., Симора М.В.* Стихотворные отклики на смерть Ф.М. Достоевского // О прозе. О поэзии. О Славе: памяти Вячеслава Александровича Сапогова: Сб. науч. ст. Псков: Псковский пед. ун-т, 2015. С. 54–68.
8. *Строганова Е.Н., Строганов М.В.* «Литературный венок» на могилу М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вопросы филологии и преподавания филологических дисциплин: Сборник научных и публицистических статей, посвященный памяти профессора А.П. Ауэра. Коломна: Гос. социально-гуманитарный ун-т, 2017. Вып. II. С. 231–255.
9. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 2: Статьи и рецензии. 1853–1855. 944 с.
10. *Якушин Н.С.* Синегуб в Сибири // Сибирские огни. 1969. № 10. С. 158–164.

Research Article

“In Memory of N.K. Mikhailovsky.” Features of an Obituary Poem

© 2022. Mikhail V. Stroganov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: Death of N.K. Mikhailovsky in January 1904 became a landmark event for contemporaries, which is expressed in the rhetoric of numerous obituaries: “the last of the Mohicans,” “cliff,” “sword,” “lighthouse,” “lamp,” “leader,” “standard-bearer,” “banner.” But the poetic feast was relatively scarce: three poems were published in 1904 (P.F. Yakubovich, P.I. Weinberg, K. Gorbunov); two were printed on the first anniversary of his death in 1905 under the general title “In Memory of N.K. Mikhailovsky” (S.S. Sinegub, A.I. Gukovsky), — all of them were published in Mikhailovsky’s magazine “Russian Wealth.” The formula of “memory of so-and-so” appeared rather late. It is not found among the poems on the death of A.S. Pushkin (1837); and among the 34 poems on the death of M.E. Saltykov (1889) it occurs only in ten of them. At the center of all poems in memory of Mikhailovsky is the image of a teacher and a “fighter” “under the banner of science,” which was formed in the mass consciousness of the Russian intelligentsia at the turn of the 19th and 20th centuries.

Keywords: N.K. Mikhailovsky, obituary poem, “teacher of life,” mass consciousness, magazine “Russian wealth.”

Information about the author: Mikhail V. Stroganov — DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-7618-7436>

E-mail: mvstroganov@gmail.com

For citation: Stroganov, M.V. “‘In Memory of N.K. Mikhailovsky.’ Features of an Obituary Poem.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 183–198. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-183-198>

References

1. Blokhin, V.V. *Zhandarm literaturnoi respubliki. N.K. Mihailovskii: zhizn', literatura, politicheskaya bor'ba* [Gendarme of the Literary Republic. N.K. Mikhailovsky: Life, Literature, Political Struggle]. Moscow, Ves' mir Publ., 2019, 256 p. (In Russ.)
2. Gor'kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 24 t.* [Complete Works: in 24 vols.], vol. 4: Pis'ma [Letters]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 478 p. (In Russ.)
3. Gurova, Ia. “Petr Petrovich Shenk. Maloizvestnye stranitsy biografii” [“Petr Petrovich Shenk. Little-known Pages of the Biography”]. *MUSICUS*, no. 1 (45), 2016, pp. 9–10. (In Russ.)

4. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 107, book 2: Zhurnal "Russkoe bogatstvo" N.K. Mikhailovskogo. Iz perepiski chlenov redaktsii, avtorov i sovremennikov, 1890–1903 [N.K. Mikhailovsky's Magazine "Russian Wealth." From the Correspondence between the Editorial Board Members, the Authors and Contemporaries, 1890–1903]. Moscow, Nauka Publ., 2022. 664 p. (In Russ.)
5. Nosova, A.G. "Sinegub-Budakov Evgenii Sergeevich. Fond 675" ["Sinegub-Budakov Evgeny Sergeevich. Fund 675"]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1998 god [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1998]*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2006, pp. 384–388. (In Russ.)
6. Stroganov, M.V. "Smert' Pushkina v stikhah ego sovremennikov" ["Pushkin's Death in the Verses of his Contemporaries"]. *Pushkin: problemy tvorchestva, tekstologii, vospriiatii [Pushkin: Problems of Creativity, Textology, Perception]*. Kaliningrad, Kaliningrad State University Publ., 1989, pp. 87–101. (In Russ.)
7. Stroganova, E.N., Simora, M.V. "Stikhotvornye otkliki na smert' F.M. Dostoevskogo" ["Poetic Responses to the Death of F.M. Dostoevsky"]. *O proze. O poezii. O Slave: pamiati Viacheslava Aleksandrovicha Sapogova: Sbornik nauchnykh statei [About Prose. About Poetry. About Glory: in Memory of Vyacheslav Alexandrovich Sapogov: Collection of Academic Articles]*. Pskov, Pskov Pedagogical University Publ., 2015, pp. 54–68. (In Russ.)
8. Stroganova, E.N., Stroganov, M.V. "Literaturnyi venok' na mogilu M.E. Saltykova-Shchedrina" ["Literary Wreath' on the Grave of M.E. Saltykov-Shchedrin"]. *Voprosy filologii i prepodavaniia filologicheskikh distsiplin: Sbornik nauchnykh i publitsisticheskikh statei, posviashchennyi pamiati professora A.P. Auera [Issues of Philology and Teaching of Philological Disciplines: Collection of Academic and Publicistic Articles Dedicated to the Memory of Professor A.P. Auer]*, issue II. Kolomna, State Social and Humanitarian University Publ., 2017, pp. 231–255. (In Russ.)
9. Chernyshevskii, N.G. *Polnoe sobranie sochinenii v 15 t. [Complete Works: in 15 vols.]*, vol. 2: Stat'i i retsenzii. 1853–1855 [Articles and Reviews. 1853–1855]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1949. 944 p. (In Russ.)
10. Iakushin, N. "S.S. Sinegub v Sibiri" ["Sinegub in Siberia"]. *Sibirskie ogni*, no. 10, 1969, pp. 158–164. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.03.2022
Одобрена после рецензирования: 25.03.2022
Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 09.03.2022
Approved after reviewing: 25.03.2022
Date of publication: 25.06.2022

Валерий Брюсов и его ученики. «Дело» Надежды Львовой

© 2022, М.В. Орлова

Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля,
Москва, Россия

Аннотация: Настоящая статья посвящена выдающемуся русскому поэту конца XIX – начала XX в. В.Я. Брюсову как учителю, повлиявшему на многих его современников. Упоминается об учениках «Брюсовского института», коротко рассказывается об отношениях к Брюсову-учителю критика Корнея Чуковского, писателя Алексея Ремизова, поэта Николая Гумилева. Большую часть статьи занимает исследование проблемы взаимоотношений Брюсова с учениками. Среди них названы его жена И.М. Брюсова и писательница Н.И. Петровская. Рассматривается также влияние Брюсова-поэта на молодую поэтессу Надежду Львову и высказывается мнение о недавно вышедшей книге Т.С. Карпачевой о Львовой. В приложении «In dubio pro geo», подготовленном юристом В.К. Чакиевым (Москва), доказывающаяся несостоятельность предъявленных Брюсову автором новой книги о Львовой юридических обвинений в деле о самоубийстве поэтессы.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, И.М. Брюсова, Н.И. Петровская, Н.Г. Львова, Поль Верлен, русская литература начала XX в., французская литература конца XIX в., эпистолярный.

Информация об авторе: Моника Викторовна Орлова — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Музей Серебряного века (Дом В.Я. Брюсова), Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля (Государственный литературный музей), пр. Мира, д. 30, 129090 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7943-8181>

E-mail: dombrusova@yandex.ru

Для цитирования: Орлова М.В. Валерий Брюсов и его ученики. «Дело» Надежды Львовой // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 199–229. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-199-229>

Сильнейшее влияние Брюсова на своих литературных современников признавали все, кто попадал в его орбиту на протяжении жизни поэта: от единомышленников, составлявших малочисленный круг «московских декадентов» в начале 1890-х гг., затем десятерых поэтов — участников сборника «Круговая чаша» (М.: Весна, 1913), до студентов Высшего литературно-художественного института, основанного в 1921 г. Закрытый в 1925 г. и открытый заново в 1933 по другой программе и в другой действительности, институт, носящий имя А.М. Горького, по сей день остается уникальным учебным заведением, подобного которому нет в мире. Очевидно, что абитуриенты, принятые в институт при жизни Брюсова, по определению становились его учениками.

Мемуары бывших студентов о ректоре ВЛХИ¹ опубликованы в сборниках «Брюсовских чтений», начиная с первого тома ереванской «брюсовианы»: З.И. Ясинская со статьей «Мой учитель, мой ректор» выступила в первом сборнике «Брюсовских чтений-1962», Б.И. Пуришев и А.А. Ильинский — в следующем (1963). Александр Корчагин, заместитель ректора ВЛХИ, вспоминал как представитель студентов 1922–1924 гг. на Брюсовских чтениях 1971 г.: «Когда Брюсов умер, мы с глубокой грустью, перефразируя известные строки Пушкина, говорили: Валерий Брюсов нас заметил / И, в гроб сходя, благословил» [9, с. 622].

Книга воспоминаний «В Брюсовском институте» (1998) принадлежит его выпускнице Александре Смирновой-Козловой. Известные в советское время литературоведы, авторы вузовских учебников Леонид Иванович Тимофеев, окончивший ВЛХИ, и Геннадий Николаевич Поспелов, сдававший Брюсову зачет по курсу стиховедения, который поэт вел в Московском университете, запомнили поэта по-разному. Тимофеев рассказал В.Д. Дувакину не только о методике и особенностях преподавания предметов, но и об участии Брюсова в жизни студентов, даже о его прыжках с балкона вместе с ними: «Это черта его характера — быть, так сказать, во главе — проявилась даже и тут» [18, с. 19]. Поспелов, отлично сдавший курс стиховедения, напротив, ощутил холод и гордую недоступность Брюсова, запомнил его «изумительное лицо с миндалевидными <...> и какими-то особенными по своему выражению глазами» [18, с. 71].

---

¹ Московский Высший литературно-художественный институт 20-х гг., называвшийся «Брюсовским», передал это разговорное название в современный Ереван: «Брюсовским» называют свой вуз выпускники и студенты Ереванского государственного университета имени В.Я. Брюсова, с памятником поэту перед входом.

Влияние Брюсова испытывал молодой Корней Чуковский, приглашенный поэтом в журнал «Весы». Чуковский признавался в письме к Брюсову от 11 февраля 1910 г.: «По Вашим критическим статьям (Вы, конечно, это заметили) я учился писать. Я Ваш питомец и вскормленник»². 11 декабря 1923 г., поздравляя Брюсова с 50-летием, свой текст к юбилею Чуковский записал и в дневник: «Дорогой, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич. Ни один писатель не сделал для меня столько, сколько сделали Вы, и я был бы неблагодарнейшим из неблагодарных, если бы в день Вашего юбилея не приветствовал вас. Не Ваша вина, если я, ученик, не оправдал Ваших усилий, но я никогда не забуду той настойчивой и строгой заботливости, с которой Вы направляли меня на первых шагах» [19, с. 305].

Для начинающегося писателя Алексея Ремизова Брюсов стал, по определению А.В. Лаврова, «своего рода путеводной звездой в хитросплетениях литературной жизни: письма Ремизова к нему из Вологды, Херсона, Киева пестрят расспросами, просьбами о содействии или совете, более всего, они, естественно, полны забот о напечатании ремизовских произведений или переводов» [10, с. 115]. Исследователь считает, что вступление в литературу Ремизова «происходило при самом непосредственном содействии Брюсова» [10, с. 109].

По опубликованным письмам Брюсова и Николая Гумилева можно проследить, что Гумилев сознательно выбрал Брюсова своим учителем, подчеркивая в переписке этот аспект отношений³. В посланиях к учителю он последователен, логичен (не случайно среди невысоких отметок по окончании Николаевской гимназии единственная пятерка — именно по логике). В письмах начинающего поэта чувствовалась сильная воля, была уверенность в своих силах и в поэтическом призвании. Это — безусловные признаки настоящего таланта. Гумилев, начавший эпистолярный диалог с Брюсовым, в свои двадцать с небольшим писал учителю уважительно-деловито и с долей юмора по отношению к себе. Например, в сентябрьском письме из Парижа 1907 г. читаем: «Дорогой Валерий Яковлевич! С моей прозой дело как-то не выходит, но зато стихи так и сыпятся. Сегодня посылаю Вам четыре новых. Если Вы захотели бы сохранить что-нибудь для “Весов” или “Столичного утра”, то напишите мне об этом, потому что огонь моей предприимчивости еще не погас, и я собираюсь писать все в новые и новые журналы» [14, кн. 2, с. 442]. Гумилев не создавал из Брюсова своего кумира и затем не

² Цит. по: [16, с. 134].

³ См. переписку В.Я. Брюсова и Н.С. Гумилева: [14, кн. 2, с. 400–514].

низвергал его с пьедестала, в отличие от Эллиса, Бориса Садовского и отчасти Сергея Соловьева. Несмотря на жесткую критику учителя в статье «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм» (Русская мысль. 1913. № 4), Гумилев, возможно, — лучший ученик Брюсова: он смог взять от учителя то, что считал важным, и двигаться дальше самостоятельно.

«Ученицы», испытывая влияние на них Брюсова, сознательно и бессознательно отстраняли литературу, искусство, творчество, составлявшие смысл жизни поэта, на второй план, первый всецело занимал образ Брюсова, из-за чего «учитель» временно или навсегда охладевал, терял интерес к любящим его женщинам. Отсюда — драмы и трагедии жизней учениц⁴.

В марте 1905 г. поэт писал одной из своей конфиденток, свояченице, сестре жены, Марии Рунт по поводу ситуации в семье из-за «смерча» с Ниной Петровской: «Я прихожу поздно домой, — она (И.М. Брюсова. — *М.О.*) что-то подозревает, рыдает, происходят мучительнейшие сцены, о которых не хочется рассказывать. Ее ошибка — что она всю свою жизнь положила в меня, и когда я ухожу — у нее не остается жизни. Ей надо создать свою жизнь, личную, собственную. Ибо жить только для нее я не могу. <...> Я очень хочу жить с ней еще много, много лет, — до конца дней. Мне было бы очень плохо без нее. Я очень рад, что моя жена — она, а не кто другой»⁵. Во время июньского 1905 г. «медового месяца» Брюсова и Петровской на озере Сайма в Финляндии Иоанна Матвеевна переживала тяжелые дни, несмотря на все уверения супруга в том, что он путешествует один, — это была ложь, необходимая поэту в письмах для сохранения семьи.

С позиции не только спутницы жизни, но и ученицы, Иоанна Матвеевна отвечала мужу между 4 и 7 июня на его письмо, которое, возможно, не сохранилось:

А со мной разве нельзя было жить хорошо. Я тебя слушаться готова во всем. Разве я не хочу быть твоим учеником.

Великий учитель, ты учишь каждым своим движением, жестом, тебе не нужно на это тратить сил.

---

⁴ Темы взаимоотношений Брюсова с каждой из учениц заслуживают отдельных исследований, и за рамками статьи остаются, например, имена Елены Сырейщиковой и Аделины Адалис.

⁵ Цит. по: [11, с. 157].

Что делать ученикам, когда учитель безумствует. Что делать ученикам, когда учитель отвернулся от них, когда учитель больше ничего не требует от них, когда учитель возненавидел их.

Валя, учитель мой, [ты] великий, [ты] мудрый, скажи как случилось, что ты возненавидел меня?

Ты когда-то взял мою душу показал мне мою душу, научил [любить] видеть мою душу. Ты научил любить тебя. Теперь ты отвернулся от меня. Вот я смотрю на тебя, на твой портрет. Вот твои правдивые глаза, твои губы, ты весь, весь. Ты светлый, радостный.

Кто смел бы тебе не верить. Как можно тебя не любить. Ты был моей гордостью, когда приближал меня к себе. Я всегда была твоей рабой. Надо мной смеялись. Я не боялась. Пусть смеется весь мир, когда ты со мной.

Ты прежде застилал меня узорами. Разве все узоры красивы? Разве каждое пятно — узор? Небо в сущности должно быть чистое, без узоров — облак <так! >, туч. Всегда ждут, когда тучи пройдут.

Ты никогда не был злым. Как мог ты допустить, чтобы я стала злой и безобразно грубой.

Ты никогда не лгал. Это я не хотела слушать правду. Это я боялась твоей правды. Да, моя слабая душа боится правды. Ты уступал моей слабости, ты скрывал правду⁶.

Возможно, в этом горестном бессвязном признании — поиски своей самостоятельности, собственного дела на восьмом году совместной жизни, в период семейного кризиса, близившегося к разрыву отношений, инициированному Иоанной Матвеевной.

Брюсов, несмотря на общение с Петровской, в письмах к жене повторял о своем желании работать и жить вместе с ней, к такому заключению он пришел к концу месяца, проведенного с Петровской в Лифляндии: «Понял, что без Тебя мне нельзя быть. Люблю Тебя здесь более чем когда либо, совсем, до конца. Люблю Тебя!»⁷. Действительно, несмотря на смерчи разной интенсивности, переживаемые Брюсовым в течение 27 лет семейной жизни, он неизменно возвращался домой. Затем, после смерти поэта, 41 год — без него — вдова продолжила литературную работу, публикуя и сохраняя его наследие, принимая визиты зарубежных исследователей и писателей, ведя переписку на иностранных языках, которые она изучала, будучи лингвистически одаренной.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 69. Ед. хр. 11. Л. 30–31 об.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 69. Ед. хр. 5. Л. 35.

Опубликованная Н.А. Богомоловым и А.В. Лавровым переписка Брюсова с Ниной Петровской составляет объемный том. Послания Петровской, не лишённые оригинальных зарисовок и художественных наблюдений, иногда написаны под влиянием морфия, и поэт советовал возлюбленной лечиться. Например, в многостраничном письме осенью 1911 г. она просит прощения у Брюсова за «нелитературность» своего душевного порыва:

С морфием я гибну, я почти уже погибла, и скоро я должна или застрелиться, если не переживу отвращения к себе, или жить, дышать, но порвать все с миром. <...> Зачем лечиться? Чтобы встать перед той же стеной? Чтобы, отодвинув морфий, сказать: он меня не любит так же, как любил два года назад?! И для забвения взять новое: кокаин? <...> И не будем больше говорить... Теперь же, пока у тебя игра с девочкой⁸, мне слишком тяжело быть с тобой. <...> Это хуже, чем знать о твоей жене. <...> Слишком много — две. <...> Не ходи ко мне, пока ты с девочкой, хотя бы это длилось год. Слишком страшно мне видеть тебя в это время [3, с. 693–696].

Биографию Петровской изучают и западные исследователи. Из заглавия книги Лилианы Керн [20] понятен авторский угол зрения: «Femme fatale» русского модернизма. Рассеянные по периодическим изданиям рассказы, очерки и критическая проза возлюбленной Брюсова собраны в толстую, около тысячи страниц, книгу [17], которая самим фактом существования в современном литературоведении показывает, что Петровская была не только музой Брюсова, *femme fatale*, пристрастившей его к наркотикам, но и, по устному замечанию составителя книги Марии Михайловой, неким *Скабичевским*, только писательницей следующего поколения, стремившейся к «созданию собственной художественной вселенной», как резюмировано в книге [17, с. 28]. Например, в рассказе «Белый дом с колоннами», опубликованном в Берлине в 1923 г., речь идет об обитателях психиатрической лечебницы. Сумасшествие пациентов и напряженность жизни тех, кто ежедневно находится рядом с живущими и умирающими, передаются Петровской на уровне стиля в потоке сознания как смена образов, как будто «наскакивающих», «натякающихся» один на другой, перебивающих друг друга, в том числе грамматически, но спаянных, упорядоченных в заданной последовательности волей

⁸ В жизни Брюсова в это время появилась поэтесса Н.Г. Львова (1891–1913). Осенью 1911 г. Петровскую убедили лечиться и проводили для этого за границу, откуда она не возвращалась.

автора, который спокойно ведет напряженный сюжет благодаря тонкому и разумному пониманию обстоятельств судьбы каждого героя и незаурядному чувству юмора, единственному здесь средству, способному преодолеть абсурдность бытия.

Анализируя прозу Петровской с краткостью, возможной в рамках вступительной статьи к собранию произведений автора, М.В. Михайлова приходит к выводу, что писательница в зрелом возрасте почувствовала независимость от прежних учителей (очевидно, что Брюсов — в их числе), выбрав новых, впитав «уроки орнаментальной прозы двадцатых годов», но этим исканиям, увы, не было суждено развиваться [17, с. 30]. Достоинствами книги являются подробные комментарии, воссоздающие культурно-исторический контекст эпохи, а также справочный аппарат: именной указатель и алфавитный указатель рецензируемых Петровской книг. Издание выпущено под общей редакцией поэта М.А. Амелина. Таким образом, не только исследователь Серебряного века, но и читатель, интересующийся эпохой, составит представление и о судьбе прототипа образа Ренаты в романе «Огненный ангел», и о влиянии поэта на ее творчество, и о главном — Нине Ивановне Петровской как о писательнице.

Иное дело — книга о другой возлюбленной и ученице Брюсова, раньше Петровской добровольно ушедшей из жизни, Надежде Львовой. Поэтессе посвящено недавно вышедшее в свет издание, которое может упоминаться в дальнейших исследованиях по культуре Серебряного века в связи с достоинствами издательства «Водолей», зарекомендовавшего себя одним из лучших, выпускающих в свет качественные книги. На первый взгляд книга московской исследовательницы Т.С. Карпачевой «“Мой недопетый гимн весне...”: жизнь и творчество Надежды Львовой» [7] оставляет хорошее впечатление. Ученые давно ждали выхода научной публикации писем Н.Г. Львовой и других архивных материалов, хранящихся не только в НИОР РГБ, но и в архиве г. Подольска, не введенных в исследовательский оборот. Однако при чтении книги не покидает ощущение торопливости, с которой ее автор Т.С. Карпачева готовила издание: книга не редактировалась, отсутствует именной указатель и какой-либо справочный аппарат, письма Львовой к Брюсову и републикуемое второе — посмертное — издание книги «Старая сказка»⁹, почти не

⁹ Стоит заметить, что тексты обеих книг Н.Г. Львовой (М., 1913 и М., 1914) без труда можно найти в Интернете. Например, первое издание: URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003805593/ (дата обращения: 29.10.2021). Второе издание: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Львова_-_Старая_сказка,_1914.djvu (дата обращения: 29.10.2021). Или: URL: https://librebook.me/staraiia_skazka_stihotvoreniia/voll1/7 (дата обращения: 29.10.2021).

комментируются¹⁰, а если единичные комментарии все-таки попадают, то их содержание вызывает серьезное недоумение. Например, письмо второе, по нумерации в книге, комментируется так: «Это единственное письмо Львовой Брюсову, которое написано по старой орфографии» [7, с. 300]. Удивительно, по какой другой орфографии могла писать поэтесса, если новая была принята спустя несколько лет после ухода Львовой из жизни?

Большую часть книги занимает монографическое описание жизни и творчества поэтессы, в которое цитаты из писем, публикуемых в этом же издании, включены для иллюстрирования суждений Т.С. Карпачевой. Классик русской литературы Валерий Брюсов, переводчик, именуемый великим бельгийцем Эмилем Верхарном «*Mon cher poète et ami*»¹¹, на страницах монографии упоминается как «опытный» и «знаменитый» «ловелас», который «перекраивал» Львову «на собственный лад», «ветренный любовник», «мнящий себя гением морфинист и развратник». Автором проводятся своеобразные литературные параллели: «Брюсов выглядит сродни герою Достоевского Свидригайлову», наконец, в итоге поэт назван «Сальери» и почему-то «“Раскольниковым” Серебряного века» [7, с. 76, 77, 84, 94, 105, 177, 227, 275]. Думается, что несправедливое суждение Акима Волинского о стиле «статей Антона Крайнего с его придириччивым тоном и повадками бабьих пересудов»¹² могло бы относиться не столько к характеристике, данной в свое время Флексером яркой критике З.Н. Гиппиус, сколько к стилю Карпачевой. Создается впечатление, что автор монографии не только мало знает, но и, возможно, особенно ничего не желает знать о творчестве выдающегося русского поэта, и это опасно как тенденция, учитывая то, что книга «Мой недопетый гимн...» написана вузовским преподавателем. В монографии досталось не только Брюсову, но и «брюсоведам», о которых в целом сказано, что они «всячески стремятся обелить»

¹⁰ Например, публикуя в виде некачественной иллюстрации [7, с. 291] ценный архивный документ, единственное сохранившееся послание Брюсова — открытку из Брюсселя, посланную Львовой 12 августа 1913 г. накануне визита с женой к Э. Верхарну и М. Верхарн (13 августа), автор не переводит короткий текст с французского: «12 août 1913 Encore un jour avant le départ pour Moscou V.V.» (12 августа 1913 Еще один день перед отъездом в Москву. — *фр.*) на этой странице, а помещает перевод, теряющийся в тексте монографии [7, с. 139], и не упоминает о событиях, связанных с интереснейшей, третьей по счету встречей двух классиков в Бельгии. Далее о приезде Верхарна в Россию и в Москву рассказано пунктирно, со ссылкой на небольшое количество источников [7, с. 209], без упоминания, в том числе, страниц тома «Литературного наследства» [13, с. 619–620].

¹¹ Мой дорогой поэт и друг. — *фр.*

¹² Цит. по: Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. № 12. С. 227.

своего «кумира» «из благоговения перед памятью “мэтра”». Но при этом блогеры и некто в Интернете, определяемые Карпачевой как «глас народа», укоряют поэта и даже «безапелляционно» обвиняют Брюсова в гибели поэтессы [7, с. 10, 238].

Между тем, часто цитируемый в книге В.Э. Молодяков — автор многих статей и книг, посвященных не только Брюсову, но и другим заметным фигурам в истории, от Иоахима фон Риббентропа до Шарля Моррасса, — не нуждается в представлении читателю. Не приходится рассказывать и о заслугах А.В. Лаврова (см.: [8, с. 8]). Вряд ли они, как и некоторые другие исследователи, цитируемые Т.С. Карпачевой, думали о сотворении и «обелении» «кумира», когда писали о Брюсове.

Мемуарные источники, на которые автор монографии опирается главным образом, — воспоминания З.Н. Гиппиус и В.Ф. Ходасевича¹³, известных в период эмиграции пристрастным отношением к поэту. Тем не менее, Гиппиус запомнила и описала, как в Петербурге увидела Брюсова, приехавшего сразу после гибели Львовой и почти ни с кем не видевшегося в эти дни, за исключением Верхарна. Об этом Карпачева все-таки кратко упоминает [7, с. 210–211]. В литературном портрете «Одержимый» Брюсов в ноябрьские дни — «человек в последнем отчаянии», «пронзенный своей виной, смертью этой девушки», хотя писательница в 1923 г. по ряду причин не договаривала о «человеческом», «страдающем» Брюсове [5, с. 64–65].

В свою очередь Ходасевич в очерке о поэте, обвиняя его в преступлении, сообщает о револьвере, из которого застрелилась Львова, как о «том самом браунинге», из которого Петровская «стреляла в Андрея Белого»¹⁴. Внимательный юрист только по этой путанице с типом оружия станет сомневаться в справедливости показаний для обвинения поэта. Т.С. Карпачева не сомневается и, более того, присоединяясь к упомянутому ею «гласу народа» из сетей Интернета, называет Брюсова виновником гибели поэтессы:

---

¹³ В 1925 г. Ходасевича в своей заметке охарактеризовал Максим Горький: «Странный человек. Умен, но в нем есть жалкая торопливость заявить о своем уме всему живущему, даже мухам. Талантливо, трогательно сочиняет очень хорошие стихи, весьма искусно соединяя в них Бодлера с Верленом. Но основным ремеслом своим сделал злое слово и весьма изощрился в этом <...>».

Убежден, что реальный мир ему, символисту по должности, враждебен и противен, но очень высоко ценит маленькие удовольствия и удобства мира сего.

Вне поисков “цветов зла” ум его ленив. В оценке людей и явлений жизни — беззаботен, тороплив, и часто эта беззаботность граничит у него с обывательским невежеством» [12, с. 567].

¹⁴ Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное. М.: Сов. писатель, 1991. С. 288.

Говоря здесь о категории вины, мы имеем в виду понятие юридическое, а не только вину нравственную. Предоставление средств для совершения самоубийства было на момент гибели Львовой уголовно-наказуемым деянием. Самоубийство поэтессы в настоящей монографии будет рассмотрено, в том числе, на основе исследований в области суицидологии, а также будет дан правовой анализ ее самоубийства — такое явление в современной юридической науке принято называть криминальным суицидом [7, с. 8].

Мнение современного юриста В.К. Чакилева, опровергающего данное заявление Т.С. Карпачевой, помещено в Приложении к нашей статье.

Подытоживая монографический раздел книги, автор заключает: «несмотря на постоянное личное и творческое взаимодействие с Брюсовым, влияние его на поэтессу оказалось минимальным» [7, с. 275], хотя до этого оговаривается и, цитируя Ходасевича о стихах Львовой, которые были «очень зелены, очень под влиянием Брюсова», подтверждает правоту такого суждения [7, с. 111]. Называя Львову «огромной потерей для нашей литературы», Карпачева утверждает, что «даже то, что ею оставлено, безусловно, имеет культурно-историческое значение», и надеется, что «ее стихи еще не раз станут предметом литературоведческих исследований» [7, с. 275–276]. Возможно, но пока в книге Ю.Б. Орлицкого «Стих и проза в культуре Серебряного века» (2018), в которой на 904 страницах исследовано многое и многие, имя Львовой не упомянуто ни разу. Очевидна несамостоятельность, да и неуверенность самой поэтессы в своем таланте.

По письмам Львовой к Брюсову, оставшимся после смерти поэтессы и сохранным И.М. Брюсовой, можно наблюдать, как складывались ее отношения с «учителем», чему он ее учил и как влиял на ее творчество. 113 писем Львовой хранятся в фонде Брюсова в РГБ (Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 3–8)¹⁵. К ним присоединены стихотворения Н. Львовой, некоторые — с пометами Брюсова. Чтобы подробно рассмотреть тему «учитель — ученица», необходимо отдельное исследование, в рамках статьи можно рассказать только об отдельных, связанных с этой темой сюжетах.

Письма в основном не датированы, что затрудняет восстановление хронологии событий, последовательность которых реконструировать можно лишь вероятностно. Корреспонденции отправлены на

¹⁵ В связи с ненадежностью подготовки книги Т.С. Карпачевой письма цитируются по архивным подлинникам.

адрес квартиры Брюсова на ул. Первой Мещанской, 32, в редакцию «Русской мысли», в дом Вострякова на Большой Дмитровке, 15 а, где Брюсов был директором Московского литературно-художественного кружка. Весной 1911 г. Н. Львова посетила редакция «Русской мысли». Она приезжала в Москву из родного Подольска, посещала собрания Литературно-художественного кружка и «Общества свободной эстетики». Брюсов передавал ей книги и свои стихи для прочтения. Советовал переводить сначала Поля Верлена, затем — Жюлья Лафорга, умершего молодым.

Обращения в письмах Львовой: «Милостивый Государь», «Многоуважаемый Валерий Яковлевич», «*Cher maître*», «Дорогой Валерий Яковлевич». После сближения с Брюсовым летом 1912 г. письма, как правило, не содержат обращений, но употребляется форма «Вы», затем — «ты», «Милая моя фарфоровая кукла», «Милая, милая глупая кукла, мой умный большой большой поэт!». Наконец, в предсмертном письме: «Милый Валечка».

В первом письме, отправленном, очевидно, весной 1911 г., Львова просила: «Я не хочу обивать пороги редакций — мне кажется, это не имеет смысла, — я только хочу услышать подтверждение или отрицание моего поэтического дарования и услышать именно от Вас. Если его нет, — я найду достаточно силы, чтобы, опираясь на Ваше мнение, отказаться от того, что в данный момент представляется мне наиболее ценным»¹⁶.

С самого начала между Львовой и Брюсовым возник ученически-учительский тип отношений. Например, в одном из писем: «*Cher maître!* <...> Думаю, что окажусь не слишком плохой ученицей, и, как первый залог этого, — посылаю несколько стихотворений. <...> Видите, какая я послушная: даже о Южном Кресте написала! И даже два стихотворения!»¹⁷. Что же касается сферы личного, то Брюсову летом 1911 г. было необходимо иногда отдыхать в компании Львовой и ее молодых друзей: отношения с женой из-за поездки с Петровской за границу в июле 1911 г. накалились до предела, сама писательница была серьезно больна, ей требовалось лечение от наркотической зависимости. Спустя непродолжительное время любящая супруга Брюсова поняла, что ее муж нуждался в помощи, которую могла оказать только мудрая, терпеливая женщина: он, как и Петровская, уже не мог обходиться без морфия. Новое свежее чувство к молодой, здоровой и душевно сильной, на первый взгляд, девушке на время могло отвлекать поэта от зависимости.

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 3. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 14–17.

В одном из приложенных к письму стихотворений Львовой с карандашными пометами Брюсова — подчеркиваниями и словом «сонет», — у нее возникает определение своего зародившегося чувства как «желанного креста» любви¹⁸. Подводя итоги 1911 г., она посылает «<...> последние стихи 1911, очень плохие», однако поступает так потому, что хочет показать поэту все свои опыты: «<...> пусть у Вас будет “полное собрание” моих сочинений за прошлый год»¹⁹. Немного позже, отправляя сонет, объясняет: «Посылаю Вам его с рифмами: они слишком легки. Можете раскритиковать его построже, но только в этом году: я не хочу в Новом году получать за свои стихи двоек»²⁰. Поэтесса пишет, по ее словам, «для практики», разные сонеты, которые отправляет учителю. Далее: «Посылаю Вам еще несколько стихотворений (видите, какая я стала прилежная!), только Вы отнеситесь к ним не слишком строго и постарайтесь увидеть в них только (подчеркнуто Н. Львовой. — М.О.) последние “песни” о чем-то старом <...>»²¹. Таким образом рождается название будущей книги «Старая сказка».

Львова пробует работать над разными стихотворными формами. Например, пишет газеллу, отправляя ее учителю с комментарием: «Видите, какая я прилежная!»²². Позже в ее книгу войдут также секстины и рондо. Она переводит, посылает и отдает Брюсову свои работы, рассказывает в письмах о чтении Гюго и Мюссе и расстраивается, что с переводами выходит плохо. Сообщает, что написала две рецензии — о Гиппиус и о Достоевском, попробует написать рецензию на биографию Грибоедова²³.

С июля по сентябрь 1912 г. в переписке она продолжает вести себя как ученица, пишущая сочинения и делающая переводы по заданию учителя: «Я очень люблю писать на заданные Вами темы»²⁴. «Думаю, что смогу послать Вам перевод завтра, т. е. Вы получите его во вторник. Гиля отошлю в конце недели»²⁵.

Затем настроение меняется, Львова грустит, жалуется на то, что «последнее время ничего не пишется». Зовет Брюсова приехать,

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ Там же. Л. 18–19.

²⁰ Там же. Л. 24–24 об.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 4. Л. 10–10 об.

²² Там же. Л. 33.

²³ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 4. Л. 51–53.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 5. Л. 1–2.

²⁵ Там же. Л. 14–15.

просит прислать стихи, укоряет за то, что он не приезжает²⁶. Письма наполнены личными объяснениями, сохранились телеграммы с просьбой о приезде, с сообщением о том, что приезжает сама. Литература в переписке отодвинута ею на второй план, потом — на последний, затем окончательно исчезнет во время обдумывания ухода из жизни. Девушка молит о встрече — где угодно, в Москве, в Подольске... В этот период для нее существуют только два выхода: быть вместе с Брюсовым «или совсем не быть»²⁷. В письме от 23 сентября 1912 г. появляется фраза: «А без тебя жить не буду. Ты можешь не верить — это ведь ничего не изменит»²⁸. Ее состояние очень тяжелое: «Я никого не вижу, я нигде не бываю, я не живу эти дни»²⁹. Она жалуется на усталость и просит поэта прийти к ней.

Тем не менее, поэтесса учится и много работает. Возможно, Брюсов пытается переключить девушку на активную деятельность в литературе, как это уже было в случае с Петровской, что отчасти у него выходит и со Львовой. Позже она не без кокетства сообщает, что расскажет о «вечере молодых поэтов», который она устроила с Ходасевичем: «(Он мне очень нравится, между прочим)»; «Ты не подозревал во мне “устроительские” способности?»³⁰. В ее письмах сохранился лист, вырванный из журнала «Русская мысль». Сверху — помета рукой Брюсова, чернилами: «1912 кн. IX». В № 9 журнала (с. 180) напечатаны три стихотворения Львовой. Одно имеет название «Старая сказка», два других — без названий. Стихотворение с римской цифрой «III» и эпитафией из Верлена затем с некоторыми изменениями будет опубликовано в «Старой сказке». В книге изменятся формы глаголов на безличные: прощается, забывается. Поменяется орфография и появится название стихотворения: «Berseuse» (Колыбельная песня. — *фр.*).

Журнальный вариант текста:

²⁶ Там же. Л. 20–24.

²⁷ Там же. Л. 50–51.

²⁸ Там же. Л. 58–60.

²⁹ Там же. Л. 61–61 об.

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 6. Л. 8–9.

III

Vous sans espérance,
 Mourez sans souffrance!
 P. Verlaine³¹.

Все безнадежные, усните без боли!
 Где-то есть нежные просторы воли,

Счастье не здешнее, солнце не жгучее...
 Духи безгрешные любят, не мучая.

Сладкою ласкою забвение веет,
 Вечною сказкою мгновение реет.

Тихо прощаю я — всем ненавидящим,
 Все забываю я сердцем не видящим.

Дали безбрежные бесстрастья и воли...
 Все безнадежные, усните без боли!

Н. Львова³².

Комментируя это стихотворение, напечатанное в «Русской мысли», при сопоставлении его с вариантом из книги Львовой, Т.С. Карпачева сообщила: «более известным в литературных кругах стало третье стихотворение цикла: “Все безнадежные, усните без боли!”», — этими же словами ее будут провожать на кладбище: они будут написаны на одном из венков, возложенных на гроб поэтессы» [7, с. 148–149]. Если это действительно было так, то о стихотворении Верлена, о влиянии Верлена на творчество Львовой при посредничестве Брюсова, о брюсовском изучении французского классика стоило бы написать особо. Вместо литературоведческого экскурса на эту тему из книги Карпачевой удастся узнать буквально следующее: «Верленом в начале XX в. очень увлекались в литературных кругах, особенно символисты. Можно сказать, что Брюсов ввел “моду на Верлена”» [7, с. 103–104]. Далее читатель озадачен другим пассажем, связанным с переводом названия стихотворения поэтессы: «Кто выдумал это название и предложил автору, неясно, в рукописи его нет. Это слово есть в самом стихотворении Верлена, откуда взято

³¹ Вы, безнадежные, умрите без страданий / боли! П. Верлен. — *фр.*

³² НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 6. Л.32.

эпиграф: “*Berceuse de râles*” (колыбельная для птичек-пастушков)³³. Но стихотворение Львовой нельзя назвать ни переводом, ни даже вольным переложением Верлена. У Верлена тематика стихотворения и образный строй совершенно иные» [7, с. 105]. Какие «иные» имеются в виду, автор не объясняет.

Если Львова по рекомендации Брюсова изучала творчество французского поэта, то она читала литературу по этой теме. Вряд ли она видела книгу Верлена, вышедшую в Париже с иллюстрациями Мориса Дени³⁴. Могла не знать и о русском издании Верлена «Избранные стихотворения в переводах русских поэтов. Биография и характеристика творчества. Учебное пособие по иностранной литературе» (СПб.: Издание Акц. общ. типогр. дела в СПб., 1911. XVIII, 19–82 с.). Также могла не увидеть в «Женском деле» первый перевод стихотворения «*La mer est plus belle*», выполненный Брюсовым и опубликованный 15 февраля 1911 г. Однако вряд ли она не знала о многочисленных переводах Верлена, которые появлялись в это время в России. Над ними работали Ф. Сологуб, Д. Раггауз, Н. Нович, И. Тхоржевский, С. Рафалович, О. Чюмина, Эллис, Н. Минский, И. Анненский, В. Мазуркевич, П. Петровский и многие другие авторы. Львова не могла также пройти мимо брюсовского издания³⁵, позже названного С.И. Гиндиным «фундаментальным»³⁶.

³³ *Berceuse de râles* — Колыбель хрипов. — *фр.* *Râle m* — вид птицы, поэтому автоматические переводчики в Интернет-поисковиках выдали значение, представленное Т.С. Карпачевой. Однако речь идет о другом: о хрипах морской стихии у Верлена в его стихотворении «*La mer est plus belle*» (1877) из книги «*Sagesse*». «*Action de râler. Bruit qu'on fait en râlant. Le râle de l'agonie. Certains bruits anormaux que l'on perçoit, à l'auscultation, dans les voies respiratoires*» (Хрип. Шум, который издают при хрипе. Хрипы агонии. Некоторые аномальные шумы в дыхательных путях, которые распознаются во время аускультации. — *фр.*) // *Dictionnaire Trésor de la langue française*. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/academie8/r/C3%A2le> (дата обращения: 30.10.2021). — Сообщено Н. Токаревой.

³⁴ *Verlaine Paul. Sagesse. Images en couleurs de Maurice Denis, gravées sur bois par Beltrand. Paris, Ambroise Vollard, Éditeur. 1911.* URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3271268/f105.item> (дата обращения: 04.11.2021).

³⁵ *Верлен Поль.* Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова: С крит.-биогр. очерком, библиогр. и 6 портр. Москва: Скорпион, 1911. 68, 201 с.

³⁶ В комментариях к своду брюсовских переводов С.И. Гиндин пишет: «В молодости Брюсов видел в Верлене создателя символизма, в зрелые годы характеризовал его как первого во всемирной литературе поэта-импрессиониста» (Брюсов В.Я. Из стихов Поля Верлена // *Русская мысль*. 1911. № 2. Отдел I. С. 157). В Т. XXI <Брюсов В.Я. Полн. собр. соч.: в 25 т. СПб.: Сирин, 1913. Т. XXI. Французские лирики XXI века. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. 296 с.> читаем: «Среди всех французских поэтов XIX века Верлен — наиболее лирик. Поражающие своей откровенностью, его стихотворные признания — драгоценнейшие жемчужины поэзии. Вместе с тем Верлен — самый значительный из религиозных поэтов нового времени. Брюсов перевел стихи Верлена (некоторые многократно) два

Брюсов, советуя ученикам переводить Верлена, решал определенные задачи. Расставляя «вехи», прокладывая «тропинки», он надеялся, что позже «тропинки» станут торными «дорогами» в истории литературы, и Львову он мог видеть надежным и вдумчивым помощником в этом деле. Действительно, после Брюсова в России Верлена основательно переводили и изучали, что подтверждают издания конца XX в. и двухтомник 2014 г. [4].

В предисловии от переводчика к изданию Верлена 1911 г. Брюсов писал: «Я поставил себе целью представить читателям Верлена, по возможности, во всех его характерных произведениях». Брюсов отметил, что его позиция — дать Верлена наиболее полно по образцам из разных сборников. Этим его подход отличался от вкусовых пристрастий других переводчиков, например, Ф. Сологуба, отказавшегося переводить так называемые «католические» стихи, т. е. стихи из сборника «Sagesse».

О самом сборнике, название которого Брюсов перевел как «Мудрость», поэт писал в комментариях, с большой скромностью отзываясь о себе как переводчике: «"Sagesse" — самая замечательная, самая оригинальная, самая самостоятельная из книг Верлена. <...> "Sagesse" создает как бы новый, во всяком случае основательно, в течение веков, забытый, род литературы: с него воскресает к истинному художественному бытию религиозная поэзия, бывшая в параличе с эпохи Возрождения. Книга разделена на три части. Первая содержит те стихи, в которых новые убеждения поэта выразились полно и определенно. Вторая — четыре гимна, непосредственно обращенных к Богу-Отцу, к Христу-Спасителю, к Богоматери. Среди этих гимнов есть замечательный мистический диалог, в ряде совершенных сонетов, между Богом и грешником: к сожалению, я не сумел (и отчасти не посмел) передать его на русском языке. Третья часть книги содержит стихи, написанные, по-видимому, до полного обращения, в которых новые настроения еще перемешаны со старыми. Всего в книге 48 стихотворений (считая мистический диалог за одно); из них переведено мною 18. Посвящение "Памяти моей матери" появилось лишь во втором издании (1888)»³⁷.

Структура книги продумана Брюсовым так, чтобы читатель смог получить максимально полное представление об этапах творчества французского поэта. Книга открывается двумя вступительными

десятилетия — с 1892 по 1911» [6, с. 832]. С.И. Гиндин отмечает, что после 1911 г. «отношение Брюсова к Верлену становится более умеренным» [6, с. 832].

³⁷ *Верлен Поль*. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1911. С. 167–168.

статьями: предисловием «От переводчика» и «Критико-биографическим очерком», далее идут переводы стихотворений, наиболее характерных, по мнению Брюсова, для Верлена: от сборника «Сатурнические поэмы» (Poèmes saturniens) до сборника «Плоть» (Chair). Затем напечатаны в последовательности примечания, библиография, рисунки, в конце — каталог изданий «Скорпиона». Брюсов пишет об иконографии Верлена, дает библиографический перечень к материалам биографии поэта, называет имена композиторов, написавших музыку к его произведениям — таким образом, книга представляет собой ценное для того времени издание, не утратившее значимости по сей день.

XV стихотворение из третьей части «Мудрости» «La mer est plus belle» с названием «Прекраснее море...» в переводе Брюсова находится в книге на с. 87–88:

Прекраснее море,
Чем наши соборы,
На вольном просторе
Немолчные хоры,
Могучей стихии —
Гимн Деве Марии!

То яростный гром,
То нежный напев,
Сливаются в нем —
Прощенье и гнев.
В безмерности вод
Ни дум, ни забот.

О! Ты терпеливо
И в буре мятежной!
Поешь ты призывы
Так вкрадчиво-нежно:
«Кто чужд упований,
Умри без страданий!»

Средь песен земных
Нет песни милей
Стальных, голубых,
Зеленых зыбей.
Твое торжество —
Превыше всего!

Текст подлинника Брюсов мог впервые прочитать в книге Поля Верлена «Confessions» (Paris: Publications du «Fin de siècle», 1895, p. 119–120), хранящейся в его библиотеке в коллекции Литературного музея. Этот текст остается неизменным во французских изданиях Верлена уже более сотни лет, в том числе, в фундаментальном собрании сочинений³⁸, куда включен и сборник «Sagesse». Заслуживает внимания и более современное издание, подготовленное профессором Оливье Бивором [21]³⁹.

В истории новейшей русской литературы стоит отметить переводы отдельных стихотворений из «Мудрости» в книге «Романсы без слов», изданной в Малой серии «Библиотеки мировой литературы» (СПб.: Терция; Кристалл, 1999. 445 с.). Название «La mer est plus belle» переведено А. Гелескулом как «Прекрасней и глуше...». В фундаментальном российском издании Верлена в серии «Литературные памятники» имя Брюсова упоминается неоднократно. Название «Sagesse» звучит как «Смиренномудрие», перевод сборника

³⁸ По мнению страсбургского исследователя О.А. Блиновой, самым солидным и по сей день остается «Полное собрание стихов» Верлена в книжной серии «Библиотека Пляяды», выпущенное издательством «Галлимар»: *Œuvres poétiques complètes, texte établi et annoté par Y.-G. Le Dantec, Bibliothèque de la Pléiade, Gallimard, 1938; complété et présenté par Jacques Borel, 1962. 1600 p.*

³⁹ См. аннотацию издания О. Бивора: Gandt de M. Olivier Bivort, édition de Sagesse de Verlaine. 2006. 152 p. URL: https://www.fabula.org/actualites/olivier-bivort-edition-de-sagesse-de-verlaine_14838.php (дата обращения: 20.10.2021).

В журнале «Revue d'histoire littéraire de la France» (2011/1 (Vol. 111), p. 229–252) вышла рецензия на книгу, подготовленную Бивором. Стоит обратить внимание на некоторые из достоинств издания [21], замеченные в этой рецензии исследователем из Сорбонны Наталией Токаревой. См. в ее переводе: «Первое преимущество данного издания — его оригинальный макет: текст Верлена печатается на нечетных страницах, в то время как как критический аппарат занимает четные страницы, что упрощает восприятие стихотворений благодаря возможности чтения заметок. Данное издание также предоставляет совокупность всех вариантов сборника “Мудрость”, известных на сегодняшний день: оно учитывает бумаги, найденные в семье Моте во время продажи в 2004 году, в том числе и рукопись “Мудрости”, приобретенную Национальной библиотекой Франции в том же году. <...> Представленный текст — это текст оригинального издания 1881 года, а не текст издания 1889 года, пересмотренного и исправленного Верленом и используемого большинством современных издателей. О. Бивор ищет предвещающие детали к созданию сборника в предшествующих произведениях Верлена. <...>. Благодаря тщательному анализу используемой Верленом лексики, данное издание проливает свет на смысл многих сложных стихотворений. Отмеченное как оригинальность Верлена, использование в рифмах длинных наречий образа действия, скорее всего, является наследием Парнаса: Леконт де Лиль прибегает к ним десятки раз в “Варварских стихотворениях”, в особенности в последнем стихе “Берника”, выражающем религиозное умиротворение, присущее этому природному раю. Наконец, данное издание предлагает невероятно интересный обзор, показывающий восприятие “Мудрости” в XIX веке: здесь раскрывается точка зрения Малларме, де Леметра, де Блуа, а также самого Верлена». URL: <https://www.cairn.info/revue-d-histoire-litteraire-de-la-france-2011-1-page-229.htm> (дата обращения: 18.10.2021).

полностью выполнен А. Ревичем и помещен в первом томе [4, т. 1, с. 128–199], варианты переводов из «Sagesse» авторов разных лет — во втором томе, где «La mer est plus belle» открывается стихотворением Брюсова «Прекраснее море...», продолжается «Полнозвучней море...» Ю. Корнеева, «Прекрасней и глуше...» А. Гелескула, «Ах, море, ты даже...» Е. Баевской [4, т. 2, с. 258–362].

Построчный перевод стихотворения «La mer est plus belle» со ссылками на отдельные комментарии из издания О. Бивора [21, р. 222–223] выглядит так (перевод с фр. Н. Токаревой):

La mer est plus belle	Море прекраснее ⁴⁰
Que les cathédrales,	Соборов,
Nourrice fidèle,	Верная кормилица,
Berceuse de râles,	Колыбель хрипов
La mer sur qui prie	Море, над которым молится
La Vierge Marie!	Дева Мария!
Elle a tous les dons	У него все дары
Terribles et doux.	Ужасные и нежные.
J'entends ses pardons	Я слышу его прощение
Gronder ses courroux ⁴¹ .	Когда оно грохочет своим праведным гневом
Cette immensité	Эта необъятность
N'a rien d'entêté ⁴² .	Не имеет земной привязанности.
Oh! si patiente,	О! так спокойно,
Même quand méchante!	Даже когда сердито!
Un souffle ami hante	Дружественное дыхание посещает
La vague, et nous chante:	Волну и поет нам:
«Vous sans espérance,	«Вы, без надежды,

⁴⁰ Название стихотворения Верлена связано с тем, что в сентябре 1876 г. поэт обосновался в английском Борнмуте, откуда открывались морские пейзажи. Стихотворение носило также название «Море Борнмута» [21, р. 222].

⁴¹ Courroux — Action de se courroucer, irritation véhémement et noble. Courroux du ciel (Становиться разгневанным, проявлять пылкое и благородное раздражение. Праведный гнев. — *фр.*). Dictionnaire Trésor de la langue française. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/courroux> (дата обращения: 30.10.2021).

⁴² D'entêté — Qui manifeste un intérêt passionné pour quelqu'un ou pour quelque chose. Qui manifeste un attachement borné et opiniâtre pour quelque chose (Тот, кто проявляет страстный интерес к кому-то, чему-то. Тот, кто проявляет недалекую и упрямую привязанность к чему-то. — *фр.*). Dictionnaire Trésor de la langue française. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/ent%C3%AAt%C3%A9> (дата обращения: 30.10.2021).

Mourez sans souffrance!» ⁴³	Умрите без мучений!»
Et puis sous les cieux Qui s'y rient plus clairs,	А затем под небесами, Которые возрадовались, став ярче и яснее,
Elle a des airs bleus, Roses, gris et verts... Plus belle que tous, Meilleure que nous!	Его воздух стал синим, Розовым, серым и зеленым... Прекраснее всего, Лучше, чем мы!

Брюсов и Львова упомянули строки из этого стихотворения в разных поэтических контекстах. Брюсов, осмысляя образ Богородицы, покровительницы моряков, *Stella maris*, — впервые в сборнике «*Tertia vigilia*» с эпиграфом «*La mer sur qui prie / La Vierge Marie. P. Verlaine*» к стихотворению «Звезда морей»⁴⁴, по-своему развивая образ из мировой литературы. Он послал первый вариант перевода, датированный 30 августа 1897 г., своей невесте Иоанне Рунт во время поездки в Малороссию для прощания с умирающей Е.И. Павловской⁴⁵. Львова использовала стихи Верлена в качестве эпиграфа к стихотворению для выражения чувств, далеких от темы и настроения поэта, описавшего мощную морскую стихию. Таким образом, строки «*Vous sans espérance, / Mourez sans souffrance!*»⁴⁶ у Львовой не относились к теме моря и гимну Богородицы, покровительницы моряков, не имели ничего общего с образом *Stella maris* раннего Брюсова, но стали очень личными в заключительном стихотворении

⁴³ Брюсов и Львова использовали в разные годы строки «*La mer sur qui prie / La Vierge Marie!*» из первой строфы и «*Vous sans espérance*» из третьей. О. Бивор, комментируя строки из стихотворения, сообщает: Верлен, вероятно, ссылается на «*Chanson de la plus haute tour*» (Песнь с самой высокой башни) и на «*L'éternité*» (Вечность) Артюра Рембо. Стихи метрически совпадают со строками Рембо: «*Est-ce que l'on prie / La Vierge Marie?*» («Молимся ли мы / Деве Марии?» «Если иметь в виду подразумеваемый диалог Верлена с Рембо, или другой вариант перевода:» «Молятся ли Деве Марии?» — *фр.*) и строками, с трудом переводимыми на русский язык вне текста стихотворения Рембо: «*Là pas d'espérance, / Nul orietur. / Science avec patience, / Le supplice est sûr*» («Здесь нет надежды, / Никакого восхода. / Наука с терпением, / Несомненна боль». — *фр.*). (См. комментарии 4 и 7) [21, р. 222]. Интересно сопоставить комментарии О. Бивора с комментариями И.Б. Булатовского в первом томе Верлена (СПб., 2014), в которых даются отсылки не только к А. Рембо, но и к стихотворению А. Теннисона «Морские сны» («*Sea-dreams*»), которое Верлен читал в Стикни. Подробнее об этом: [4, т. 1, с. 191–192].

⁴⁴ Текст стихотворения и комментарии к нему см.: [1, с. 216, 601].

⁴⁵ Подробнее об этом: [15, с. 17–20].

⁴⁶ Ср. переводы Ю. Корнеева: «Без мученья / Да смежите вежды, / Если нет надежды»; А. Гелескула: «Все те, что страдали, — / Умрут без печали»; Е. Баевской: «Надежда лишь манит, / А смерть не обманет!» [4, с. 352–355].

цикла «Над вечным покоем», предварявшим цикл «Непонятные страны» (именно туда отправляется лирическая героиня).

В сентябре 1913 г. вышла «Старая сказка» Львовой (М.: Альциона, 1913). Книга пронизана мотивами ожидания счастья и невозможности этого счастья: «Напрасно я весны моей ждала» (с. 22)⁴⁷, «счастье — не для нас» (с. 38), «Счастье — не здешнее» (с. 26), «О, грустное счастье! / ...Мне больно, Мне больно!» (с. 39); усталости: «Весенней радостью дышу устало» (с. 23), «Я странно устала» (с. 81); одиночества: «И ты — одна!» (с. 59), «Я плачу одна над стихами Верлена» (с. 64); скорой смерти: «Все дышит предсмертным, томящим молчаньем / Над вечным покоем» (с. 21), «Смерть за мою стоит головой» (с. 83).

По эпиграфам из Гейне, Брюсова, Бальмонта, Пушкина, Верлена, Данте, которые Львова дала к своим стихам, можно сделать вывод, что она много читала, приобщаясь к мировой культуре. Например, образами из «Божественной комедии» навеяно одно из стихотворений: «И Данте»⁴⁸. Тем не менее, вся книга — еще очень слабая, ученическая. Если бы поэтесса прожила дольше, возможно, она, как в случае Николая Гумилева, вела бы отсчет поэтических книг не от своего первого сборника. Испытав любовный крах во взаимоотношениях с женатым мужчиной⁴⁹, поняв, что поэт никогда не будет с ней, девушка болезненно отнеслась и к неудаче своего поэтического дебюта. В последних письмах к Брюсову нет никаких слов о литературе. Львова чудовищно терзается сама и изматывает письмами возлюбленного. В издательском предисловии к посмертному, второму изданию книги «Старая сказка» (М.: Альциона, 1914), помещенном вместо предисловия Брюсова к первому изданию, о Львовой, в частности, замечено: «<...> талант жить был в ней выше и замечательнее таланта литературного».

В обзорной статье «Год русской поэзии» (Русская мысль. 1914. № 5–7), посвященной стихотворной продукции с апреля 1913 по апрель 1914 г., рассматривая в разделе «Продолжатели» сборник Ахматовой «Четки», стихи Марии Моравской и Веры Инбер, Брюсов

⁴⁷ Указываем страницы по первому изданию «Старой сказки» (1913); URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003805593/ (дата обращения: 14.05.2022); см. примеч. 9.

⁴⁸ Рассуждая о Беатриче, Т.С. Карпачева цитирует перевод М. Лозинского [7, с. 148–149], который Львова читать не могла. Издания «Божественной комедии» в переводах Н. Голованова и Д. Мина 1899 и 1909 гг. сохранились в библиотеке Брюсова, не исключено, что он мог давать эти книги поэтессе.

⁴⁹ Лирическая героиня Львовой осознала себя виновницей разлада, связанного в народной поэзии с образом листа повилики: «Ах, я повилики веточка гибкая / В миг увядания!» («Старая сказка», 1913, с. 77).

заклучил: «Новое, посмертное издание, дополненное несколькими стихотворениями, еще раз показывает нам, какие надежды мы утратили в лице г-жи Львовой»⁵⁰. Стоит обратить внимание на употребление поэтом слова «надежды». С одной стороны, это — отсылка посвященного читателя к имени Львовой, с другой — к общему смыслу: надежды, в том числе возложенные на учеников, иногда не оправдываются, а упования не всегда сбываются.

Приложение

В.К. Чакилев

In dubio pro reo⁵¹

Не возьмусь судить о моральной ответственности Брюсова за самоубийство Надежды Львовой, равно как и высказываться по психиатрическим аспектам суицидального поведения, но позволю себе несколько замечаний о юридической ответственности поэта за смерть девушки, безоговорочно возлагаемую на него Т.С. Карпачевой в ее книге «“Мой недопетый гимн весне...”: жизнь и творчество Надежды Львовой» (М.: Водолей, 2021) [7].

1. Принцип презумпции невиновности известен юристам со времен Древнего Рима. Суть его проста — человек считается невиновным до тех пор, пока его вина в совершении преступления не будет установлена судом.

Автор на стр. 225 указывает, что 1 декабря 1913 г. Брюсов вернулся в Москву и тогда же забрал из полиции предсмертное письмо Надежды Львовой, оставленное ему, и вряд ли даже был допрошен в полицейском участке.

Таким образом, с момента трагедии прошла неделя, но полиция не усмотрела в действиях Брюсова признаков преступления, и уголовное дело, судя по всему, даже не возбуждалось.

Соответственно, не было судебного процесса и приговора суда. На этом можно было и поставить точку, но все же хочется обратить внимание и на некоторые обстоятельства, которые вселяют существенные сомнения в юридической виновности Брюсова.

⁵⁰ Цит. по: [2, с. 447].

⁵¹ В случае сомнения — в пользу обвиняемого. — *лат.*

2. На стр. 203 автор ссылается на воспоминания Ходасевича: «С лета 1913 г. она стала очень грустна. Брюсов систематически приучал ее к мысли о смерти, о самоубийстве. Однажды она показала мне **револьвер** — подарок Брюсова. Это был тот самый **браунинг**, из которого восемь лет тому назад Нина стреляла в Андрея Белого. В конце ноября, кажется — 23 числа, вечером, Львова позвонила по телефону к Брюсову, прося тотчас приехать. Он сказал, что не может, занят. Тогда она позвонила к поэту Вадиму Шершеневичу: “Очень тоскливо, пойдемте в кинематограф”. Шершеневич не мог пойти — у него были гости. Часов в 11 она звонила ко мне — меня не было дома. Поздним вечером она застрелилась. Об этом мне сообщили под утро» [7, с. 203–204].

Свидетель, что называется, «путается в показаниях».

Объясню, в чем дело: револьвер⁵² (от англ. revolve «вращать») — многозарядное короткоствольное стрелковое оружие с вращающимся барабаном, выполняющим функцию магазина. Барабан имеет несколько камер, в которых располагаются боеприпасы. В момент выстрела очередная камера служит патронником.

Т. е., говоря об оружии «револьвер», подразумевают совершенно конкретный тип короткоствольного оружия. Выглядит оно так:

⁵² См.: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Револьвер> (дата обращения: 07.11.2021).

лась Надежда Львова, которое было якобы подарено ей Брюсовым и из которого, в свое время, 8 лет назад, Петровская стреляла в Белого?

Маловероятно. Во-первых, как это ни удивительно звучит, в те беспокойные годы короткоствольное оружие можно было приобрести сравнительно свободно и за относительно небольшие деньги, в том числе и женщине, для самообороны. Посмотрите на цены на рекламных проспектах — они колеблются от 8 до 12 рублей. Примерно столько стоило в то время пальто. Т. е. пистолеты были широко вовлечены в гражданский оборот и являлись чуть ли не обычным предметом быта, особенно в среде интеллигенции и дворян.

Во-вторых, Ходасевич год отучился на юридическом факультете Московского университета и был образованным человеком. Представляется, что ему было вполне по силам отличить и правильно назвать тип оружия хотя бы в силу названия, однако он этого не делает.

Следует обратить внимание, что путаница с названием оружия у него происходит и при описании покушения Петровской на Андрея Белого.

По свидетельству Ходасевича: «Весной 1905 г. в Малой аудитории Политехнического музея Белый читал лекцию. В антракте Нина Петровская подошла к нему и выстрелила из браунинга в упор. Револьвер дал осечку: его тут же выхватили из ее рук». Однако же, Брюсов в письме Зинаиде Гиппиус описывает события 14 апреля 1907 г.:

На лекции Бориса Николаевича подошла ко мне одна дама (имени ее не хочу называть), вынула вдруг из муфты браунинг, поставила мне к груди и спустила курок. Было это во время антракта, публики кругом было мало, все разошлись по коридорам, но все же Гриф, Эллис и Сережа Соловьев успели схватить руку с револьвером и обезоружить [13, с. 694].

Вот версия Белого, которую приводит И. Одоевцева — с его слов: «Она действительно навела на меня револьвер, прицелилась в меня. А я не шелохнулся. Я стоял перед ней на эстраде, раскинув руки и ждал. Ждал смерти. Но она не выстрелила в меня. Она перевела револьвер на Брюсова. А он, как барс, — и откуда в нем такая ловкость, в нем, неповоротливым и хилом? — прыгнул с эстрады и выхватил у нее из руки револьвер. Она все же успела выстрелить, но пуля попала в потолок. Никто не был убит. Никто даже ранен не был. Но бедная Нина — она в письмах всегда подписывалась “бедная

Нина” — погибла от этого выстрела в потолок. Она больше не оправилась. Ее жизнь кончилась в ту ночь»⁵⁴.

Все вызывает вопросы: револьвер или браунинг? Тот ли самый, из которого покушалась Петровская? Дарил ли его Брюсов Львовой? А если дарил — то когда и с какой целью? Можно ли Ходасевича считать беспристрастным и точным свидетелем этого дарения?

Насчет последнего замечания — представляется, что беспристрастным Ходасевича назвать трудно. Во всяком случае, после прочтения его воспоминаний о Брюсове (как и о Белом) остается другое впечатление.

И несколько слов об уголовном законе.

Автор совершенно права, в том, что на момент совершения самоубийства Уголовное уложение 1903 г. в части ст. 462 (доставление средств к самоубийству) и 463 (подговор к самоубийству) не вступили в силу:

462. Виновный в доставлении средства к самоубийству, если вследствие сего самоубийство последовало, наказывается:

заклчением в исправительном доме на срок не свыше трех лет или заключением в крепости на срок не выше трех лет.

463. Виновный в подговоре к самоубийству лица, не достигшего двадцати одного года, или лица, заведомо неспособного понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками, или в содействии самоубийству таких лиц советом или указанием, доставлением средства или устранением препятствия, если вследствие сего самоубийство или покушение на оное последовали, наказывается:

каторгою на срок не свыше восьми лет⁵⁵.

Отдельно отмечу, что ответственность по не вступившей в силу ст. 463 наступала применительно к недееспособным лицам или лицам, не достигшим 21 года (о чем автор умолчала). Надежде Львовой на момент самоубийства было полных 22 года и 4 месяца, а с Брюсовым она познакомилась весной 1911 г., т. е. незадолго до своего 20-летия. Бурное развитие романа началось у них осенью 1912 г., с приездом Львовой в Москву, т. е. в возрасте 21 года.

---

⁵⁴ *Одоевцева И.* На берегах Невы: Литературные мемуары / вступ. ст. К. Кедрова, послесл. А. Сабова. М.: Худож. лит., 1988. С. 224.

⁵⁵ Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Изд. В.П. Анисимова, 1903. С. 148. URL: <https://library6.com/8569/item/553030> (дата обращения: 07.11.2021).

Есть ли доказательства тому, что ранее осени 1912 Брюсов начал приучать ее к мысли о смерти, о самоубийстве? И можно ли разговоры и переписку о бренности считать подговором к самоубийству?

Применимым законом на тот период следует считать ст. 1475 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции от 1885 г.

Стоит обратить внимание на следующее — ответственность и за доставление средств к самоубийству и за подстрекание («подговор» в Уголовном уложении 1903 г.) к самоубийству наступала по указанной статье только при «обдуманном намерении или умысле» — как и при соучастии в убийстве.

Что же представляет собой умысел?

Умышленная форма вины предполагает осознание виновным сущности совершаемого деяния, предвидение его последствий и наличие воли, направленной к его совершению.

В свою очередь, умышленная форма вины подразделяется на два вида: прямой и косвенный умысел.

При прямом умысле лицо осознает общественную опасность своих действий или бездействия, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий (интеллектуальный момент) и желает их наступления (волевой момент).

Безотносительно к тому, что ответ на вопрос о наличии в действиях Брюсова умысла мог дать только суд, попытаемся ответить на этот вопрос самостоятельно.

Предвидел ли Брюсов возможность трагедии в результате своих действий, если исходить из позиции автора? Возможно, но уверенности в этом нет.

Желал ли Брюсов наступления трагических последствий? Возможно, но уверенности в этом нет.

Автор книги «Мой недопетый гимн весне...» не учла два правила:

1. Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какой мерой мерите, такой и вам будут мерить. (Матфея 7:1–2).

2. Мертвые сраму не имут (и сдачи дать не могут).

Представляется совершенно недопустимым спустя более века, основываясь на предположениях и сомнительных свидетельствах пристрастных свидетелей, пытаться возложить юридическую ответственность на любого человека. Попробуйте примерить это на себя, своих предков или своих потомков, и все станет ясным.

Литература

1. Брюсов В. Собр. соч.: в 7 т. / под общ. ред. П.Г. Антокольского и др. М.: Худож. лит., 1973. 1973. Т. 1. 672 с.
2. Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии / сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. М.: Сов. писатель, 1990. 720 с.
3. Валерий Брюсов, Нина Петровская. Переписка: 1904–1913 / вступ. статьи, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова, А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 776 с.
4. Верлен Поль. Стихотворения: в 2 т. / отв. ред. В.Е. Багно. СПб.: Наука, 2014.
5. Гиппиус З.Н. Одержимый // Гиппиус З.Н. Собр. соч. в 15 т. / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. 2-е изд., испр. М.: Дмитрий Сечин, 2014. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. С. 44–71.
6. Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. Сборник. На разных языках с параллельным русским текстом / сост. С.И. Гиндин. М.: Радуга, 1994. 896 с.
7. Карпачева Т.С. «Мой недопетый гимн весне...»: жизнь и творчество Надежды Львовой / Львова Н.Г. Письма В.Я. Брюсову (1911–1913). Старая сказка: Стихотворения. М.: Водолей, 2021. 508 с.
8. Коростелев О.А. Неакадемичный академик // Александр Васильевич Лавров / сост. Т.В. Павлова, Н.А. Савина, Г.Н. Тихомирова. М.: Наука, 2021. С. 5–13.
9. Корчагин А. Из воспоминаний о Брюсове // Брюсовские чтения 1971 года / ред.-сост. К.В. Айвазян. Ереван: Айастан, 1973. С. 627–633.
10. Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 632 с.
11. Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение. 2015. 768 с.
12. Литературное наследство. М.: Наука, 1963. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. 736 с.
13. Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. 854 с.
14. Литературное наследство. М.: Наука, 1991–1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1–2.
15. Орлова М.В. Письма Валерия Брюсова к невесте // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 8–30. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-8-30>
16. Петренко Д.И. К вопросу о метапоэтике эпистолярия: Письма К.И. Чуковского В.Я. Брюсову (1904–1924) // Брюсовские Чтения 2010 года: Сб. ст. / ред. С.Т. Золян. Ереван: Лингва, 2011. С. 132–142.
17. Петровская Н.И. Разбитое зеркало: Проза. Мемуары. Критика / сост. М.В. Михайловой; вступ. ст. М.В. Михайловой и О. Велавичюте; коммент. М.В. Михайловой и О. Велавичюте, при уч. Е.А. Глуховской. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. 960 с.
18. Тимофеев Л.И., Поспелов Г.Н. Устные мемуары. М.: Изд-во МГУ, 2003. 224 с.

19. Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969: в 2 т. / подгот. текста, коммент. Е.Ц. Чуковской. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. Т. 1. 638 с.

20. Kern Liliانا. Der feurige Engel. Das Leben der Nina Petrowskaja. Nina Petrowskaja. Muse und Femme fatale der russischen Dekadenz. Berlin: Verlag Taschenbuch, 2006. 256 p.

21. Verlaine Paul. Sagesse, édition critique établie, annotée et présentée par Olivier Bivort. Paris: Le Livre de Poche, 2006. 348 p.

Research article

Valery Bryusov and his Students. The Case of Nadezhda L'vova

© 2022. Monika V. Orlova

Vladimir Dahl State Museum for the History of Russian Literature,
Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the outstanding Russian poet of the late 19th–early 20th century Valery Bryusov as a teacher who influenced many of his contemporaries. The paper starts with his students at “Bryusov Institute” overview. Then the critic Korney Chukovsky’, the writer Alexei Remizov’, and the poet Nikolai Gumilyov’ attitudes to their teacher Bryusov are briefly reviewed. The article mostly focuses on the relationships between Bryusov and his female students including his wife Ioanna Bryusova, and a writer Nina Petrovskaya. The special attention is given to Bryusov’s influence on Nadezhda L’vova. The article contains a review of a recently edited book about Nadezhda L’vova by Tat'yana Karpacheva. The appendix document “In dubio pro reo” written by lawyer V.K. Chakilev refutes all the charges against Bryusov who was accused of the suicide of L’vova in the book.

Keywords: V.Ya. Bryusov, I.M. Bryusova, N.I. Petrovskaya, N.G. L’vova, Paul Verlaine, Russian literature of the early 20th century, French literature of the late 19th century, correspondences.

Information about the author: Monika V. Orlova — PhD, Leading Research Fellow, Silver Age museum (V.Ya. Briusov House), Vladimir Dahl State Museum for the History of Russian Literature, Mira ave. 30, 129090 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7943-8181>

E-mail: dombrusova@yandex.ru

For citation: Orlova, M.V. "Valery Bryusov and his Students. The Case of Nadezhda L’vova." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 199–229. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-199-229>

References

1. Briusov, V. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [*Collected Works: in 7 vols.*], vol. 1, ed. by P.G. Antokolsky. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973. 672 p. (In Russ.)
2. Briusov, V.Ia. *Sredi stikhov: 1894–1924. Manifesty, stat'i, retsenzii* [*Among the Poems: 1894–1924. Proclamations, Articles, Reviews*], ed. by N.A. Bogomolov and N.V. Kotrelev. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 720 p. (In Russ.)
3. *Valerii Briusov, Nina Petrovskaya. Perepiska: 1904–1913* [*Valery Bryusov, Nina Petrovskaya. Correspondence: 1904–1913*], ed. by N.A. Bogomolov, A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 776 p. (In Russ.)
4. Verlen, Pol'. *Stikhotvoreniia: v 2 t.* [*Poems: in 2 vols.*], ed. by V.E. Bagno. St. Peterburg, Nauka Publ., 2014. (In Russ.)
5. Gippius, Z.N. "Oderzhimyi" ["Obsessed"]. Gippius, Z.N. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*], vol. 6: Zhivye litsa: Vospominaniya. Stikhotvoreniya [Living Faces: Memoirs. Poems], 2-d ed., rev., ed. by T.F. Prokopov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2014, pp. 44–71. (In Russ.)
6. *Zarubezhnaia poeziia v perevodakh Valerii Briusova. Sbornik* [*Foreign Poetry Translated by Valery Bryusov. Collection*], ed. by S. Gindin. Moscow, Raduga Publ., 1994. 896 p. (In Russ.)
7. Karpacheva, T.S. "Moi nedopetyi gimn vesne...": zhizn' i tvorchestvo Nadezhdy L'vovoi" ["My Unfinished Song to Spring': Life and Work of Nadezhda L'vova]. L'vova, N.G. *Pis'ma V.Ia. Briusovu (1911–1913). Staraya skazka: Stikhotvoreniya* [*Letters to V.Ia. Bryusov (1911–1913). Old Tale: Poems*]. Moscow, Vodolei Publ., 2021. 508 p. (In Russ.)
8. Korostelev, O.A. "Neakademichnyi akademik" ["Non-academic Academician"]. *Aleksandr Vasil'evich Lavrov* [*Alexander Vasilievich Lavrov*], comp. by T.V. Pavlova, N.A. Savina, G.N. Tikhomirova. Moscow, Nauka Publ., 2021, pp. 5–13. (In Russ.)
9. Korchagin, A. "Iz vospominanii o Briusove" ["From the Memories about Bryusov"]. *Briusovskie chteniia 1971* [*Bryusov Proceedings 1971*], ed. by K.V. Aivazyan. Erevan, Aiastan Publ., 1973, pp. 627–633. (In Russ.)
10. Lavrov, A.V. *Russkie simvolisty: etiudiv i razyskaniia* [*Russian Symbolists: Studies and Research*]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2007. 632 p. (In Russ.)
11. Lavrov, A.V. *Simvolisty i drugie: Stat'i. Razyskaniia. Publikatsii* [*Symbolists and the Others: Articles, Researches, Publications*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
12. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 70: Gor'kii i sovetskie pisateli. Neizdannaya perepiska [Gorky and Soviet Writers. Unpublished Correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 736 p. (In Russ.)
13. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 854 p. (In Russ.)
14. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 98: Valerii Briusov i ego korrespondenty: v 2 kn. [Valery Bryusov and his Correspondents: in 2 books]. Moscow, Nauka Publ., 1991–1994. (In Russ.)

15. Orlova, M.V. "Pis'ma Valeriia Briusova k neveste" ["V. Brusov's Letters to his Fiancee"]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), pp. 8–30. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-8-30> (In Russ.)

16. Petrenko, D.I. "K voprosu o metapoetike epistolariia: Pis'ma K.I. Chukovskogo V.Ia. Briusovu (1904–1924)" ["To the Issue of Epistolary Metapoetics: K. Chukovsky's Letters to V. Bryusov (1904–1924)"]. *Briusovskie chteniia 2010. Sbornik Statei [Bryusov Proceedings 2010. Collection of Articles]*, ed. by S.T. Zolyan. Erevan, Lingva Publ., pp. 132–142. (In Russ.)

17. Petrovskaia, N.I. *Razbitoe zerkalo: Proza. Memuary. Kritika [A Broken Mirror: Prose, Memoirs, Critics]*, comp. by M.V. Mikhailova, introd. and comment. by M.V. Mikhailova, O. Velavichiute. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2014. 960 p. (In Russ.)

18. Timofeev, L.I., Pospelov, G.N. *Ustnye memuary [Oral Memoirs]*. Moscow, Moscow State University Publ., 2003. 224 p. (In Russ.)

19. Chukovskii, K.I. *Dnevnik. 1901–1969: v 2 t. [Diary. 1901–1969: in 2 vols.]*, vol. 1, texts prep. and notes by E. Chukovskaya. Moscow, OLMA-PRESS Zvezdnyi mir Publ., 2003. 638 p. (In Russ.)

20. Kern, Liliana. *Der feurige Engel. Das Leben der Nina Petrowskaja. Nina Petrowskaja. Muse und Femme fatale der russischen Dekadenz*. Berlin, Verlag Taschenbuch, 2006. 256 p. (In German)

21. Verlaine, Paul. *Sagesse, édition critique établie, annotée et présentée par Olivier Bivort*. Paris, Le Livre de Poche, 2006. 348 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 19.12.2021

Одобрена после рецензирования: 25.03.2022

Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 19.12.2021

Approved after reviewing: 25.03.2022

Date of publication: 25.06.2022

Литературный факт.
2022. № 2 (24)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (24), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-230-249>
<https://elibrary.ru/EKFWJC>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Конфуций во «Всемирной литературе». Доклад В.М. Алексеева о китайском философе в 1921 году (по материалам Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН)

© 2022, Я.Д. Чечнёв

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00494 «История издательства “Всемирная литература” в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького»).

Аннотация: В научный оборот вводится неизвестный доклад Китаиста В.М. Алексеева о предполагаемом переводе Конфуция, сделанный на заседании редакционной коллегии издательства «Всемирная литература». Выступление, зафиксированное в машинописном протоколе 1 апреля 1921 г., представляет собой событие как в истории самого издательства, так и в истории отечественной Китаистики. Представленный материал показывает, что «Всемирная литература» была не только книгоиздательской институцией первых лет советской власти, но и крупным научным центром, где удалось собрать ведущих литераторов и ученых. Доклад В.М. Алексеева сопровождается развернувшей дискуссией, наглядно иллюстрирующая научный уровень прений, которые велись во «Всемирной литературе» при подготовке большинства как изданных, так и задуманных книг. Вместе с тем публикуемый доклад ценен как самостоятельное исследование, освещающее историю изучения Конфуция, существующие переводы, а также отечественную рецепцию учения китайского философа.

Ключевые слова: Конфуций, Лунь юй, Суждения и беседы, В.М. Алексеев, Всемирная литература.

Информация об авторе: Яков Дмитриевич Чечнёв — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9439-0430>
E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

Для цитирования: Чечнёв Я.Д. Конфуций во «Всемирной литературе». Доклад В.М. Алексеева о Конфуции в 1921 году (по материалам Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН) // Литературный факт. № 2 (24). С. 230–249. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-230-249>

Издательство «Всемирная литература» было основано в сентябре 1918 г. (переговоры велись в августе) и находилось в подчинении Наркомпроса (Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН (далее АГ. — Я.Ч.). Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 502. [Л. 1]). Позднее, в 1919 г., в связи с проводимой большевиками политикой монополизации книжного рынка и появлением Государственного издательства, «Всемирная литература» перешла в его ведение, но пользовалась правами автономии и отстаивала их вплоть до своего закрытия в январе 1925 г., когда редакционная Коллегия объявила себя распущенной [9]. Несмотря на большое количество работ, посвященных первому советскому специализированному издательству переводной литературы, остается еще немало белых пятен, связанных с изданием тех или иных произведений, а также деятельностью его сотрудников, ученых, поэтов, писателей, переводчиков — А.А. Блока, Н.С. Гумилева, Е.И. Замятина, А.Л. Волынского, М.Л. Лозинского, Г.Л. Лозинского, К.И. Чуковского, А.Я. Левинсона, Ф.А. Брауна, Ф.Д. Батюшкова, В.М. Алексеева, И.Ю. Крачковского, Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбурга, Б.Я. Владимирцова и мн. др.

При реконструкции деятельности «Всемирной литературы» одним из малоизученных аспектов является сотрудничество с ней востоковедов. Напомним, что издательство состояло из двух отделов — Западного и Восточного (появился позднее, в апреле 1919 г.). На начальных этапах, когда оформлялась материальная база «Всемирной литературы» и подбирались сотрудники (1918–1919), существовало две редакционные Коллегии, ответственные за выпуск книг, подготовку к ним предисловий и комментариев. После того как формирование издательства в качестве институции завершилось (точную дату еще предстоит установить по документам), появилась единая редакционная Коллегия¹, в которую вошли представители Западного и Восточного отделов. При передаче дел в Государ-

---

¹ О необходимости соединить две коллегии в одну говорил, в частности, А.Л. Волынский 1 апреля 1921 г.: «...хочу еще раз поднять вопрос о необходимости слить Коллегию Западно-европейскую с Коллегией Восточной, потому что ваши темы очень близки нашим интересам, а наши темы постоянно находят в вашем лице внимательнейших слушателей» (АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 9).

ственное издательство после закрытия «Всемирной литературы» составлялись различные списки выпущенных книг, находящихся на балансе рукописей и т. п. В числе этих документов был перечень сотрудников, имевший подзаголовок «Бывший состав Коллегии “Всемирной литературы”» (т. е. состав на момент закрытия издательства в 1925 г.): В.М. Алексеев, Б.Я. Владимирцов, А.Л. Волынский, В.М. Жирмунский, Е.И. Замятин, И.Ю. Крачковский, Н.О. Лернер, М.Л. Лозинский, С.Ф. Ольденбург, А.А. Смирнов, Ф.К. Сологуб, А.Н. Тихонов, К.И. Чуковский и секретарь В.А. Сутугина (АГ. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 543. [Л. 1]).

За шестилетнюю историю «Всемирной литературы» (20 августа 1918 – 13 января 1925) состав редакционной Коллегии издательства менялся, но неизменно в том или ином качестве туда входили востоковеды С.Ф. Ольденбург, И.Ю. Крачковский, Б.Я. Владимирцов и В.М. Алексеев.

К началу своего сотрудничества с издательством «Всемирная литература» Алексеев уже был достаточно известным синологом, профессором Санкт-Петербургского (Петроградского) университета. До той всесоюзной и общемировой известности, которую впоследствии приобрел ученый, оставалось совсем недолго. Благодаря сотрудничеству Алексеева, а также других известных ученых-востоковедов со «Всемирной литературой», горьковское издательство стало не только переводоведческим, но и научным центром, где совершались важные открытия, которые оказалось возможным опубликовать лишь почти столетие спустя. Как известно, разыскания Алексеева сильно продвинули вперед отечественную синологию, но заданная ученым «программа китаеведных исследований и по сей день остается далеко не осуществленной и, скорее всего, в ближайшей перспективе реализована не будет» [17, с. 482]. Наше исследование — это небольшой вклад в освещение малоизученных аспектов сотрудничества В.М. Алексеева со «Всемирной литературой» в 1920-е гг.

На этапе формирования горьковского издательства Алексеев исполнял обязанности секретаря Восточного отдела, а также участвовал как редактор и автор в подготовке сборников статей по литературе Востока [12, 13], произведений новеллиста Пу Сун-лина [14, 15] и Антологии китайской лирики VII–IX вв. [3]. Однако вклад ученого в книгоиздательский процесс «Всемирной литературы» этим не ограничился: он также давал отзывы на переводы, вводные статьи к восточным и западным авторам, активно участвовал в выработке принципов художественного перевода иноязычных произведений.

При обсуждении вводных статей и переводов Алексеев оперировал фактами из близкой его научным интересам области — китаеведения, приводил примеры из текстов различных авторов, в том числе из Конфуция. Одно из первых упоминаний китайского философа появляется 25 ноября 1919 г. в контексте обсуждения предисловия к поэме «Гулистан» персидского поэта Саади (книга вышла в 1922 г. под грифом «Всемирной литературы» с предисловием С.Ф. Ольденбурга [16]). А.Н. Тихонов, заведующий редакцией «Всемирной литературы»², неизменный помощник А.М. Горького, находя преамбулу очень удачной, тем не менее недоумевал по поводу ее основной мысли: для поэзии Саади характерен культ среднего человека. Его поддерживал В.М. Алексеев, предполагая, что такая мысль не появилась бы без личной убежденности в этом автора предисловия к «Гулистану». Далее произошел обмен мнениями.

И.Ю. Крачковский, возражая, указывает ту точку зрения, которая наиболее применима к данному поэту: он не моралист, не идеалист и не мистик, а так сказать золотая середина. Поэт был не из средних, но по укладу своих мыслей именно средний человек, — человек середины. Н.Я. Марр думает, что для поэта является большим достижением воплощение в поэзии типа среднего человека³.

Имя Конфуция как раз возникает в контексте этих размышлений. В.М. Алексеев добавляет к сказанному Крачковским и Марром, что «философия Конфуция, в одном из своих синтезов, рисует идеал совершенного человека как человека Средины и Неизменности, т. е. не уклонения ни в одну крайность»⁴. Без обращения к истории личной эволюции В.М. Алексеева как ученого эта реплика о Конфуции, зафиксированная в протоколе от 25 ноября 1919 г., может показаться случайной, поскольку обсуждалась не китайская литературная и философская традиция, а персидская. Между тем отраженное в документе указание, что человек середины обрисован только в одном из многочисленных синтезов учения Конфуция, является для ученого принципиальным.

С первых шагов в науке В.М. Алексеев интересовался Конфуцием. Как свидетельствует опись сохранившихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН документов, уже в 1904 г. ученый включил

² Его подпись в этом качестве в письме Горького к С.И. Цыпкину, управляющему Петроградским отделением Наркомпрода, см.: [7, с. 54].

³ АГ. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 270. Л. 1 об.

⁴ Там же.

в свое магистерское сочинение фрагмент о конфуцианстве — «Судьбы конфуцианства после сожжения книг при Цинь Ши-хуанди и отношение к нему государей западной ханской династии»⁵. С 1910-х гг. Алексеев начинает собирать материалы для реконструкции учения самого Конфуция (в совокупности насчитывается 1319 листов)⁶, изложение его последующими толкователями, прибавляя к этому обстоятельную библиографию⁷. В архиве хранятся и материалы к лекциям о конфуцианстве, например «Основные черты учения Конфуция» для слушателей Педагогического института⁸ или «Первый синтез конфуцианского учения (Да сё и Чжун Юн) (“Дасюэ” и “Чжунъюн”))»⁹. Таким образом, к апрелю 1921 г., когда будет сделан доклад о Конфуции, Алексеевым накоплен обширный материал, насчитывающий более 2000 листов заметок, выписок, конспектов и т. п., и выработан собственный подход к изучению философии Конфуция.

Доклад Алексеева на заседании «Всемирной литературы» настолько резюмирует более чем десятилетнее погружение ученого в материал, сколько открывает собой новый этап в отечественном конфуциановедении. На заседании редакционной Коллегии Алексеев объявляет о задуманном им переводе Конфуция, точнее главной его книги «Лунь юй» (название переводят по-разному — «Суждения и беседы», «Аналекты», «Изречения»). И впоследствии ученый предложил *литературный перевод* (курсив наш. — Я. Ч.) трех первых глав трактата с полным переводом традиционного основного комментария Чжу Си и примечаниями переводчика к тексту и всему комментарию¹⁰. Этот перевод опубликован впервые в 1978 г. в книге трудов В.М. Алексеева «Китайская литература». В дополненном издании 2002 г. в первом примечании к главам из «Лунь юй» сказано, что «перевод сделан в 1920–1921 гг.» [2, с. 161].

Тем не менее в протоколе редколлегии «Всемирной литературы» от 1 апреля 1921 г. зафиксированы следующие слова Алексеева: «Аким Львович (Волинский. — Я. Ч.) предложил мне сегодня сделать в Западной Коллегии сообщение относительно предполагаемого мною перевода Конфуция» (АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 4). Поскольку, как

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее СПФ АРАН. — Я. Ч.). Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 381.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 383; СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 386.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 382.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 385.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 384.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 820. Оп. 1. Ед. хр. 387.

следует из приведенной цитаты, перевод был только задуман, необходимо задаться вопросом: Алексеев начал активно переводить главы из «Лунь юй» после доклада о Конфуции на заседании «Всемирной литературы» или какая-то работа по переводу велась и раньше? Это не праздный вопрос, так как в докладе (мы помещаем его в Приложении) речь идет в первую очередь о принципах перевода Конфуция и составления комментариев к нему. Алексеев использует условное наклонение («я бы задался целью двоякой и применил бы к этим двояким целям двоякий принцип»), формы настоящего времени в значении будущего («вот почему я предполагаю поместить перевод глоссы», «я полагаю дать эту глоссу») и т. д. Из этого следует, что подготовительная работа была уже проведена, но за сам перевод ученый принялся после апробации своих подходов к Конфуцию после апреля 1921 г.

Почему Алексеев взялся переводить только несколько глав одной книги Конфуция, причем сделать литературный, а не научный перевод? На этот вопрос отвечает сам ученый: «...научный перевод Конфуция невозможен в настоящее время, — китайская экзегетическая литература не может быть прочитана во всю жизнь, даже прочесть одну книгу, о которой идет речь, — “Суждения и беседы”, — понимая под прочтением использование как указателя, как системы, я считаю невозможным для одного человека, а говорить о научном переводе Конфуция без прочтения материала на оригинальном китайском языке бесполезно — это химера»¹¹.

В своем подходе к переводу оригинального текста книги Конфуция «Лунь юй» Алексеев отстаивал принцип точности. Даже не столько точности, сколько особо понимаемой дословности: «...перевод должен быть по возможности дословный. Конечно, нет никаких оснований пропускать, как это делается в китайском языке, местоимения — в этом отношении перевод будет не дословным, понимая под дословностью рабскую дословность. Но этот перевод не должен вводить никаких комментариев в перевод, за исключением некоторых отступлений» (АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 7). В задачу переводчика, как видно из приведенного текста, не входит толкование тех или иных мест оригинала, поскольку уже существуют комментаторы Конфуция, суждения которых можно присовокупить к переводу. Переводчик должен с максимальной возможной точностью подойти к передаче смысла и приобщить к этому делу наиболее распространенные в Китае толкования различных аспектов учения. Привлечение

---

¹¹ АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 6.

именно автохтонных толкований для Алексеева было принципиальным, поскольку русская традиция еще не усвоила Конфуция так, как это было необходимо для составления научного комментария к тексту (об этом также говорится в докладе ученого). Таким образом, целью перевода, по Алексееву, является предоставление читателю понятного текста, в котором оригинал, комментарий и пояснения переводчика не противоречат, а взаимодополняют друг друга.

В чем же тогда заключается понимание «литературности» перевода? Такой перевод должен читаться без необходимости «продираться» через смысловые и стилистические «дебри» оригинала. Текст в первую очередь должен быть выстроен в соответствии с грамматическими принципами русского языка и включать в себя адекватные оригиналу, насколько это возможно, лексические и смысловые аналоги (в задачу переводчика входит их подбор и адаптация). Такой «подстрочник» должен снабжаться ссылками на трактовку тех или иных мест китайскими комментаторами, к которым переводчик при необходимости может добавить свои объяснения:

Литературное кредо должно состоять в том, что они (т. е. подстрочник, глосса и комментарий на глоссу переводчика. — *Я.Ч.*) должны читателю, подготовленному настолько, чтобы вообще читать эту книгу, дать возможность читать все, что в этой книге есть, и сделать так, чтобы туземную глоссу втиснуть в рамки литературного перевода русского уклада и чтобы она совпала с пониманием русского читателя. Вот на этом основании я бы считал предполагаемый перевод литературным и литераторским, — не научным, не вульгарным и никоим образом не так называемым научно-популярным, — это не популярный перевод в том смысле, как мы это понимаем, ибо ярких вывесок и завлекательных принципов там найти будет нельзя, но вместе с тем это перевод литературный и литераторский, которым может пользоваться всякий литературно-образованный и во всяком случае интеллигентный русский человек¹².

Как следует из приведенной цитаты, ознакомиться с переводом Конфуция сможет только подготовленный читатель.

В своем докладе на заседании «Всемирной литературы» 1 апреля 1921 г. В.М. Алексеев представляет краткий обзор основных вех в истории переводов Конфуция как в Европе, так и в России. Обозревая разные зарубежные переводы, ученый приходит к выводу,

¹² АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 8.

что наиболее авторитетным следует считать работу английского миссионера шотландского происхождения Джеймса Легга. Позднее это имя появится и в «Рабочей библиографии китаиста». Состояние отечественного конфуциановедения на 1921 г. оценивается Алексеевым как плачевное, и во многом это связано не столько со слабой материальной базой, сколько с нежеланием российских миссионеров, а вслед за ними и синологов вникать в суть концепции китайского философа.

Позднее, в 1923 г., спустя два года после выступления 1 апреля 1921 г. на заседании редакционной Коллегии, Алексеев предпримет попытку обозначить основные тезисы конфуцианской философии в статье «Учение Конфуция в китайском синтезе» для журнала «Восток» [1], издаваемого «Всемирной литературой». В этой работе, как видно уже из названия, в фокусе внимания ученого будет рецепция философской доктрины Конфуция в Китае. По сути же, Алексеев проанализирует содержание книги современного ему китаеведа и философа Ху Ши «История китайской философии в больших линиях» (так перевел название Алексеев). Ценность статьи Алексеева состоит в критических комментариях к изложению философии Конфуция Ху Ши. Ученый указывает на трудности систематического изложения конфуцианской доктрины, связанные в первую очередь с неразберихой в атрибуции книг, реально написанных Конфуцием и ему приписываемых, а также с произвольным изложением этого учения многочисленными комментаторами, постулаты которых зависят от точки зрения излагающего и способа его аргументации. Беря за основу работу о конфуцианстве Ху Ши, как одну из немногих критически написанных и научно обоснованных книг, Алексеев вместе с тем показывает шероховатости и лакуны в объяснениях самого Ху Ши, что, разумеется, не отменяет ценности этого труда.

В статье 1923 г. Алексеев вновь поднимет вопрос об адекватной передаче учения Конфуция, как и в докладе на редакционной коллегии «Всемирной литературы» 1 апреля 1921 г.

Как видно из нашего изложения, важной вехой в истории «Всемирной литературы» стал доклад будущего академика Василия Михайловича Алексеева о Конфуции. Это сообщение довольно подробно зафиксировано машинисткой в протоколе и представляет определенный интерес, поскольку впервые в нем оцениваются существующие переводы и переложения Конфуция на русский язык и обсуждается возможность адекватной передачи стиля и смысла учения ключевого для китайской культуры автора. Вместе с тем доклад Алексеева встраивается в традицию теоретических переводческих

штудий, развернувшихся во «Всемирной литературе», а также свидетельствует о неослабевающем интересе ученого к учению Конфуция.

Выдержка из протокола заседания редакционной Коллегии издательства «Всемирная литература» от 1 апреля 1921 г. публикуется по машинописи, хранящейся в фонде А.Н. Тихонова в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН (далее — АГ). Текст печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности исправлены без оговорок. Подчеркнутые в оригинале слова выделены курсивом. Вставки и вычеркивания оговариваются в сносках в тех случаях, когда это важно для понимания смысла.

**Заседание Коллегии
издательства «Всемирная литература»
1 апреля 1921 года¹³**

Алексеев. Аким Львович¹⁴ предложил мне сегодня сделать в Западной Коллегии сообщение относительно предполагаемого мною перевода Конфуция.

Председатель. Вы не находите, что я несколько превысил председательские обязанности...

Ольденбург. Мы всегда стоим за сближение Востока с Западом.

Алексеев. В европейской литературе переводы Конфуция существуют с очень ранних дат. Конфуцием интересовались все постольку, поскольку имели к этому дело. Прежде всего Конфуцием интересовались именно как делом, деловито — миссионеры, миссионеры христианские, которым нужно было эту твердыню сокрушить. Я всегда стоял на той точке зрения, что здесь миссионеры потерпели крах. Они взялись за дело и продолжали его вести совершенно вслепую, безрезультатно и беспочвенно. Объясняется это тем, что христиане хотели сокрушить на почве своего догматизма религию, если можно назвать конфуцианство религией, конечно, только в больших кавычках, которая нигде с христианством не сталкивается, нигде ему не противоречит, но, по их мнению, она именно противоречила. И, исходя из основного неправильного понимания конфуцианства как религии, т. е. явления, тождественного христианству, буддизму и т.п., христианство вело борьбу с открытыми дверями. С точки зре-

¹³ АГ. КГ-изд. 4-4-9. Л. 4-9.

¹⁴ Аким Львович Вольнский (1861 или 1863–1926) — председатель редакционной Коллегии издательства «Всемирная литература» практически с момента основания по январь 1925 г.

ния конфуцианства, христианская религия есть не больше, как суеверие. И вот, исходя из этой точки зрения, христианские проповедники и начали борьбу с конфуцианством. Меня интересует отправной пункт — с чего они начали борьбу. Они начали борьбу с изучения Конфуция. Изучать Конфуция стали прежде всего миссионеры, изучать схематически. Прежде всего — язык. Ни язык Конфуция, ни язык комментария не был доступен миссионерам, и они обратились к языку подходящему, подсобному — маньчжурскому. Как раз маньчжурцы¹⁵ к тому времени достигли наибольшего расцвета, перевели Конфуция и играли роль переводчиков¹⁶. Таким образом, первый перевод Конфуция сделан не с китайского, а с маньчжурского, причем перевод был сделан совершенно не заботясь о терминологии, обычными, обыкновенными словами, такими, какими может быть ведена пропаганда, окружающая текст. Миссионерам здесь не оставалось ничего, они перевели перевод без перевода, перевод без объяснений. Схематика первая выразилась в том, что они взяли чужой язык, схематика вторая — в том, что перевели без всяких подразделений материала. Большинство этих переводов хранится в рукописях в Париже, в частных брульонах¹⁷.

Вслед за миссионерами явились коммерсанты. Они проявили более толерантное отношение к Конфуцию, т. е. они не смотрели на него глазами врагов, они взялись за дело иначе, они добросовестно переделывали оригинал китайский на оригинал английский или французский и придавали ему вид правильный, рационалистичный, снабдив комментариями, но комментариями только такими, какие они могли понимать. А такие комментарии были несложны. Это были выдержки из школьных китайских комментариев. Дальше школьных книг люди эти не пошли. Так продолжалось дело до шестидесятых годов, когда опять дело дошло до миссионеров. И вот миссионер Легг¹⁸, шотландский миссионер, перевел всю китайскую библию с китайского на английский язык¹⁹. Это был первый серьезный перевод, основанный на хорошем переводном тексте. Комментарии тоже не плохи, особенно в некоторых частях, где не было почвы для религиозных суждений. Этот перевод с комментариями до сих пор существует, до сих пор ему замены нет. Но даже в этом лучшем

¹⁵ Так в протоколе.

¹⁶ Подробнее см.: [11, с. 99–100].

¹⁷ Брульон — черновик, черновая тетрадь.

¹⁸ Джеймс Легг (1815–1897) — переводчик, комментатор классических произведений древнекитайской философии, первый профессор кафедры синологии Оксфордского университета (с 1876 г.).

¹⁹ Подробнее об этом см.: [4].

труде, в этом серьезнейшем труде мы видим отношение к Конфуцию свысока. Конфуцианство представляется каким-то дефективным материалом и естественной считается замена конфуцианства христианством, ибо это единственно вечное, а конфуцианство лишь местная, не мировая, культура и никоим образом не может заменить мировой, что этому ослеплению должен прийти конец. Здесь перевод сделан в таком духе, перевод добросовестный, но все <пред>принято к тому, чтобы Конфуций был так или иначе представлен в осмыслении. Филологии тут нет — это не филология, это эклектика, которая филологии претит. После этого перевода появился перевод для нас еще более существенный — перевод миссионеров католических на латинский язык²⁰. С китайского языка дословно переводить нельзя на языки новые, ибо они стоят на непримиримых точках зрения в размещении слов. Неизменяемые слова китайского текста не могут быть жонглерным образом брошены в текст, как у Вергилия или Овидия, нельзя разбросать произвольно слова по строкам — окончания нет. В то же время английский язык и французский, благодаря всем известным особенностям, не очень-то позволяют располагать свои слова так или иначе. Кроме того, захватанность многих терминов и отсутствие новых на их замену производила то, что из текста перевода получался пересказ. Латинский язык в этом отношении громадная помощь, потому что он позволяет дословнейшим образом переводить с китайского, переводить языком церковным, создавать пафос, создавать торжественность. Во всяком случае тон получался эквивалентный, и это очень важно.

Таково состояние перевода Конфуция на европейские языки. К этому придется добавить еще третичную стадию, стадию переводов, сделанных уже в Европе любителями, теософами, которые старались отыскать в Конфуции некоторое основание для нужных им доктрин, а то и не теософами, а просто людьми, пишущими переводы с китайского, старающимися обработать Легга французских

²⁰ Имеется в виду миссия иезуитов, во главе которой стоял итальянец Матео Риччи (1552–1610). «Именно он был первым европейцем, переведшим китайские классические тексты, и он был первым человеком с Запада, который в совершенстве овладел китайским языком. И не просто овладел, но стал ученым-*шенъши*, равным которому были лишь сами китайские книжники. Это достижение редко повторялось кем-либо из европейцев, и ни разу никто не превзошел его в учености. А ведь Риччи приходилось составлять свои собственные словари, чтобы в одиночку одолеть труднейший омонимический иероглифический язык, в котором значение слога зависит еще и от тона, а в случае с древними авторами — от индивидуальных особенностей употребления тем или иным книжником. Перевод пяти классических книг конфуцианского канона даже сейчас кажется делом, которого хватило бы на целую жизнь, для Риччи же это было лишь побочным занятием» [8, с. 89]. Перевод конфуцианских текстов был завершен в 1592 г.

католических миссионеров. Существует приблизительно шестьдесят переводов, и ни один из <них> не может быть признан вообще, не говоря уже о том, что ни один не может быть признан научным уже потому, что научный перевод Конфуция невозможен в настоящее время, китайская экзетическая литература не может быть прочитана во всю жизнь, даже прочесть одну книгу, о которой идет речь — «Суждения и беседы»²¹, — понимая под прочтением использование, как указателя, как системы, я считаю невозможным для одного человека, а говорить о научном переводе Конфуция без прочтения материала на оригинальном китайском языке бесполезно — это химера²².

Когда мы подходим к вопросу о русском изучении Конфуция, то мы находим, что наши миссионеры заботились об этом еще с восемнадцатого века²³. Ученики, посылающиеся в Пекин духовной миссией, старались с помощью маньчжурского языка так или иначе к этому вопросу подойти. Несомненно, к Конфуцию подойти они не могли. Они подходили к подсобным трактатам, которые изображают схему конфуцианства, и издавали переводы, которые не имеют ни малейшего значения, — никто их не читал ни в восемнадцатом, ни в девятнадцатом столетии. Когда изучение Китая попало из Казани в Петербург²⁴, то предмет его серьезного насаждения явился Конфуций, который проповедовался все время в течение пятидесяти-шестидесяти лет существования китаеведения в Петербурге. За это время издано два перевода Конфуция. Один перевод²⁵ покойного академика В.П. Васильева²⁶, а другой — его ученика, тоже покойного, П.С. Попова²⁷. Оба перевода одинаковы, но последний хуже

²¹ Алексеев имеет в виду первую книгу из т.н. «Четверокишия» (свода канонических конфуцианских текстов, составленных китайским философом-энциклопедистом XII в. Чжу Си) «Лунь юй».

²² В настоящее время существует несколько переводов «Лунь юй», в том числе и научных: Л.И. Головачёвой (Рубеж. Владивосток. 1992. № 1. С. 259–310), Л.С. Переломова (1998), Р.В. Грищенко (1999), И.И. Семененко (2000), А. Мартынова и И. Зограф (2000) и др.

²³ Подробнее об учении Конфуция в России см.: [11, с. 280–288].

²⁴ В 1855 г. в Петербургском университете был образован Восточный факультет.

²⁵ Вероятно, имеются в виду «Примечания на второй выпуск китайской хрестоматии. Перевод и толкования Лунь-юй'я» (1884). Отрывки из Конфуция также были помещены В.П. Васильевым в книги «Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания» (1863) и трехтомную «Китайскую хрестоматию» (1868).

²⁶ Василий Павлович Васильев (1818–1900) — ученый-синолог, буддолог, санскритолог. Академик Петербургской Академии наук (1886). Декан Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Васильев был первым русским историком китайской литературы.

²⁷ Имеется в виду книга «Изречения Конфуция, учеников его и других лиц» (СПб., 1910). Павел Степанович Попов (1842–1913) — синолог, переводчик, старший

первого в том отношении, что пытался наложить литературную руку на дословщину Васильева, но потерпел на этом аварию. Переводы эти нужно охарактеризовать как учебные, что авторы и не оспаривали. Сам В.П. <Васильев> говорит — мы желали дать дословный перевод учащимся. Нужно принять во внимание, что положение китаеведения было в то время менее ужасно, чем теперь пропорционально, но абсолютно все же было ужасно. У студентов не было словарей на руках, они жили как при царе Горохе²⁸, диктовками со слов профессоров. В примечания входили описания слов — и этим все исчерпывалось. Вот почему переводы Васильева представляют собой перевод дословный плюс примечания, вечно иронизирующие над текстом китайщины. Перевод Попова хуже, хотя словари были тогда на руках²⁹. В таком положении находится перевод Конфуция на русский язык. В литературе их нет, потому что перевод Васильева достать нельзя, а Попова почти нельзя, а если бы и было можно, то не стоит, потому что это скорее вред принесло бы, чем пользу.

Перед переводчиком стоят две проблемы: или сделать перевод научным, что невозможно, потому что книг нет, потому что это история очень длинного времени, работа аскетическая, схим<н>ическая на очень долгий срок без всякой возможности выполнения; или сделать впервые, наконец, перевод литературный, причем, вступая на путь второй проблемы, я бы задался целью двоякой и применил бы к этим двояким целям двоякий принцип — перевод должен быть по возможности дословный. Конечно, нет никаких оснований пропускать, как это делается в китайском языке, местоимения, в этом отношении перевод будет не дословным, понимая под дословностью рабскую дословность. Но этот перевод не должен вводить никаких комментариев в перевод, за исключением некоторых отступлений. Что касается глоссы, то или она будет за кулисами, или надо вынести ее наружу. Глосса слишком велика для того, чтобы можно было как-нибудь стараться переводить ее целиком, тем паче в литературном переводе большое количество глоссы заглушит самый текст, поэтому

драгоман императорской дипломатической миссии в Пекине. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1890).

²⁸ Исправить эту ситуацию пытался В.П. Васильев. См.: [6, с. 313–317].

²⁹ К 1900-м гг. в Российской империи уже существовало несколько словарей, например, «Маньчжуро-русский словарь» (1866), подготовленный В.П. Васильевым, «Полный маньчжурско-русский словарь, составленный преподавателем маньчжурского языка при Императорском С.-Петербургском университете, действительным стат. советн. Иваном Захаровым» (1875), два издания «Русско-китайского словаря, составленного первым драгоманом Российской миссии в Пекине П.С. Поповым» (1879; 1896), «Краткий русско-китайский словарь и карта Маньчжурии» (1904) А. Домбровского и В. Ворошилова и др.

для литературного перевода мне, казалось бы, достаточно дать такую глоссу, которая является наиболее распространенной. Такой глоссой является сунская глосса двенадцатого века известнейшего китайского философа и толкователя Конфуция — Джусси³⁰. Книга имеется в хорошем издании³¹. Здесь нужно поступить таким образом, чтобы не давать эклектического комментария, а дать цельное миропонимание, лежащее в основе. Вот почему я предполагаю поместить перевод глоссы Джусси целиком, но так как это все-таки комментарий, то применять к нему метод такого священнодействия, как к Конфуцию, т. е. строжайшую дословность, я бы считал ненужной, потому что эта глосса рассчитана на то, чтобы создать почву для понимания основного текста. Я полагаю дать эту глоссу в таком виде, чтобы русский читатель, читая фразы перевода Конфуция в самом тексте, нашел бы в глоссе понимание всего, что есть в тексте. Таким образом переводчик как личность сходит на нет — нужно дать перевод Конфуция точный, затем указания глоссы, где их недостаточно, можно взять другой источник, но указать, затем дать понимание туземное с определенным мировоззрением. Так я мыслю перевод классический, — получается таким образом троякоярусный перевод³² — текст дословный, глосса в переводе литературном и затем внизу примечания, которые говорят о тех вещах в самом тексте глоссы, о которых неудобно говорить от себя, — это будет глосса переводчика. В некоторых случаях эти примечания будут объемистые, потому что Джусси писал китайским ученикам, он не предполагал, что человек не будет ничего знать о китайской конституции³³, и он говорит об этом поэтому кратко, предполагая, что сидячий учитель объяснит подробнее³⁴. Затем нужно, конечно, предисловие, очень солидное предисловие, которое должно заключать в себе и жизнь Конфуция, и, главным образом, мне кажется, впервые синтез его доктрины, в данной книге находящейся³⁵. У нас не принято рассказывать заранее фабулы, хотя я лично большой сторонник этого, но тут фабулы нет, и нетерпения,

³⁰ Имеется в виду китайский философ-энциклопедист Чжу Си (1130–1200), известнейший систематизатор канонов конфуцианства.

³¹ Эта книга опубликована. См.: [11, с. 508–523].

³² Подробнее см.: [5, 10].

³³ Т. е. устройстве языка.

³⁴ Конфуций при жизни активно занимался педагогикой, сам он не записывал свои сентенции, это делали ученики. После смерти китайского философа в 479 г. до н. э. его взгляды нашли аутентичное выражение в составленном сборнике «Лунь юй», содержавшем как высказывания самого Конфуция, так и его учеников. Записи велись учениками кратко, «для себя», поскольку у них имелась возможность прояснить какие-то моменты непосредственно у учителя.

³⁵ Такое предисловие написано Л.С. Переломовым. См.: [11, с. 12–288].

с которым читатель будет перевертывать страницы Конфуция, я не предполагаю. Предисловие было бы здесь уместно. Перевод этот, который, может быть, когда-нибудь будет доведен до конца, должен прежде всего не быть одним и единственным, но литературное кредо должно состоять в том, что они должны читателю, подготовленному настолько, чтобы вообще читать эту книгу, дать возможность читать все, что в этой книге есть, и сделать так, чтобы туземную глоссу втиснуть в рамки литературного перевода русского уклада и чтобы она совпала с пониманием русского читателя. Вот на этом основании я бы счел предполагаемый перевод литературным и литературским, не научным, не вульгарным и никоим образом не так называемым научно-популярным, это не популярный перевод в том смысле, как мы это понимаем, ибо ярких вывесок и завлекательных принципов там найти будет нельзя, но вместе с тем это перевод литературный и литературский, которым может пользоваться всякий литературно-образованный и во всяком случае интеллигентный русский человек.

Председатель. Василий Михайлович, разрешите спросить, к какому веку глосса относится?

Алексеев. К двенадцатому, но она же и в шестнадцатом, и в семнадцатом...

Председатель. Изложение глоссы отличается от изложения Конфуция?

Алексеев. Совершенно, отличается крайней ясностью...

Председатель. Вы язык Конфуция считаете типичным китайским или смешанным?

Алексеев. Я боюсь по этому поводу говорить определенно, потому что это язык архаический, из чего он состоит, это гипотеза, я думаю, что это язык Китая³⁶.

Председатель. Я считаю, что такого рода перевод мог бы составить событие в истории русской литературы. Восток явно показал превосходство над Западом, и возвращение к восточным первоисточникам я считаю величайшим делом. За возможность прочесть Конфуция в Вашем переводе я бы отдал десять лет жизни не сомневаясь.

Владимирцов. Два маленьких замечания. Василий Михайлович заметил, говоря о воинственном отношении миссионеров против Конфуция и отношении коммерсантов, что, с точки зрения конфуци-

---

³⁶ Речь идет о древнекитайском языке (вэньяне), который начал формироваться в XIV в. до н. э. Произведения конфуцианской и даосской классики V–III вв. до н. э., наряду с историческими хрониками, относят к раннему классическому периоду развития древнекитайского языка.

анства, христианство является ни больше ни меньше как суеверием, и как будто Василий Михайлович согласен с этим...

Алексеев. То есть Вы хотите меня привлечь к тому, что с моей точки зрения христианство есть суеверие... Господа, я призываю свидетелей...

Председатель. Никаких сомнений на этот счет у меня не возникло, я ясно понял мысль Василия Михайловича.

Владимирицов. Потом Василий Михайлович говорит о враждебном отношении миссионеров к Конфуцию, абсолютно нетерпимом, но нам известно, что как раз первые миссионеры-иезуиты в своих целях добились у Папы признания Конфуция христианским проповедником. Это им почти удалось, но они вообще потерпели крушение...³⁷

Алексеев. Совершенно верно, это течение было, это было нужно для приобщения некоторых китайских книг к своим, но это течение потерпело аварию.

Ольденбург. Это была гнуснейшая фальсификация, не то, что они к Конфуцию так относились, но они считали, что это есть выгодный подход.

Владимирицов. В семнадцатом веке иезуиты, которые были на службе монгольского императора, очень терпимо относились к Конфуцию...

Алексеев. Они не смели иначе относиться.

Владимирицов. Это показывает ничтожное знание христианства.

Председатель. Они не знали христианского мышления.

Алексеев. Они судили по пропаганде христианства.

Ольденбург. Они и на буддизм так смотрели.

Алексеев. Да, и это им не простительно, потому что они имели возможность ознакомиться, литература огромная, они смотрели как на посягательство на их туземный авторитет, считали, что учитель есть только один — туземный, а иностранных не нужно.

Председатель. Смеею Вам принести благодарность от имени Коллегии за интересный доклад...

---

³⁷ Речь идет о деятельности Матео Риччи и его последователей. См.: [8, с. 65–138].

Литература

1. Алексеев В. Учение Конфуция в китайском синтезе // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. М.; Л.: Гос. изд-во, 1923. Кн. 3. С. 126–149. (Всемирная литература)
2. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: в 2 кн. М.: Вост. лит., 2002. Кн. 1 / сост. М.В. Баньковская; отв. ред. Б.Л. Рифтин. 574 с.
3. Антология китайской лирики VII–IX вв. по Р. Хр. / пер. в стихах Ю.К. Щуцкого; ред., вводные обобщения и предисл. В.М. Алексеева. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 144 с. (Всемирная литература)
4. Головачева Л.И. Джеймс Легг об истории текста «Лунь юй» // Ориенталистика. 2020. № 3 (5). С. 1280–1297. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2020-3-5-1280-1297>
5. Головачева Л.И. Изначальные трудности перевода, метод В.М. Алексеева и проблема аутентичности текста «Лунь юй» // Проблемы литератур Дальнего Востока: Сборник материалов VI Международной научной конференции, 25–29 июня 2014 г. СПб, 2014. Т. 2. С. 35–44.
6. Горбачева З.И., Петров Н.А., Смыкалов Г.Ф., Панкратов Б.И. Русский китаевед Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Сб. 2. С. 313–317.
7. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2007. Т. 13. Письма. Июнь 1919–1921. 736 с.
8. Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.) / отв. ред. Д.Д. Васильев. М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2001. 256 с.
9. Иванова Е.В., Чечнёв Я.Д. Как и почему было закрыто издательство «Всемирная литература» (по материалам из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН) // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 366–391. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-366-391>
10. Ичань В. Идеи академика В.М. Алексеева о трёхъярусном переводе китайской классики на примере «Лунь юй» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 99–107. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-2-99-107>
11. Конфуций: «Лунь юй» / исслед., пер. с кит., коммент. Л.С. Переломова. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 588 с.
12. Литература Востока. Пб.: Гос. изд-во, 1919. Вып. 1: Статьи: С.Ф. Ольденбурга, И.Ю. Крачковского, А.Н. Самойловича, В.Г. Богораза. 68 с. (Всемирная литература)
13. Литература Востока. Пб.: Гос. изд-во, 1920. Вып. 2: Статьи: В.М. Алексеева, С.Г. Елисеева, Б. Владимирцова, В.А. Котвича, Б.А. Тураева, И.Ю. Крачковского: «Памяти Б.А. Тураева». 174 с. (Всемирная литература)
14. Пу Сун-лин. Избранные рассказы Ляо Чжая. Пб.: Гос. изд-во, 1922. Т. 1: Лисьи чары: из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай Чжи И) / пер. и предисл. В.М. Алексеева. 158 с. (Всемирная литература. Китай)
15. Пу Сун-лин. Избранные рассказы Ляо Чжая. Пб.: Гос. изд-во, 1922. Т. 2: Монахи волшебники. 276 с. (Всемирная литература. Китай)
16. Саади М. Гулистан: Избранные рассказы / пер. Е. Бертельса; предисл. С.Ф. Ольденбурга. Берлин: Гос. изд-во, 1922. 114 с. (Всемирная литература. Персия)
17. Смирнов И.И. «...Имеет отношение к воспитанию души». Над страницами «Трудов по китайской литературе» акад. В.М. Алексеева // Аспекты компаративистики 1 / под ред. А.В. Дыбо, Г.С. Старостина. М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 479–500. (Orientalia et Classica VI)

Research article and Publication of Archival Documents

Confucius in “World Literature.” V.M. Alekseev’s Report on the Chinese Philosopher in 1921 (Based on the Materials of A.M. Gorky Archive of IWL RAS)

© 2022. Yakov D. Chechnev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 21-18-00494: “The History of the ‘World Literature’ Publishing House in documents: the fate of Russian creative intelligentsia in the postrevolutionary space through the prism of Maxim Gorky’s publishing project”).

Abstract: The article introduces an unknown report of the sinologist V.M. Alekseev on the alleged translation of Confucius, made at the editorial Board of the publishing house “World Literature,” into scientific circulation. The speech preserved in the typewritten record of the meeting of April 1, 1921, represents a prominent event both in the history of the publishing house itself and in the history of Russian Sinology. The presented material shows that the “World Literature” was not only a publishing institution of the first years of Soviet power, but also a major scientific center, where it was possible to gather leading writers and scientists. The attached report by V.M. Alekseev is supplemented by an extended discussion, which clearly illustrates the scientific level of the debates that were conducted in the “World Literature” during the preparation of the majority of both published and conceived books. At the same time, the published report is valuable as an independent research covering the history of the study of Confucius, existing translations, as well as the domestic reception of Chinese philosopher’s teachings.

Keywords: Confucius, Analects, Judgments and Conversations, V.M. Alekseev, “World Literature.”

Information about the author: Yakov D. Chechnev — PhD in Philology, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9439-0430>

E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

For citation: Chechnev, Ya.D. “Confucius in ‘World Literature.’ V.M. Alekseev’s Report on the Chinese Philosopher in 1921 (Based on the Materials of A.M. Gorky Archive of IWL RAS).” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 2 (24), pp. 230–249. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-230-249>

References

1. Alekseev, V. "Uchenie Konfutsiia v kitaiskom sinteze" ["The Teachings of Confucius in Chinese Synthesis"]. *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva* [The East. Journal of Literature, Science and Art], book 3. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923, pp. 126–149. (Vsemirnaia literatura) (In Russ.)
2. Alekseev, V.M. *Trudy po kitaiskoi literature: v 2 kn.* [Works on Chinese literature: in 2 books], book 1, comp. M.V. Ban'kovskaia, ex. ed. B.L. Riftin. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2002. 574 p. (In Russ.)
3. *Antologiiia kitaiskoi liriki VII–IX vv. po R. Khr.* [Anthology of Chinese Lyrics of 7th–9th Centuries A. D.], trans. by Iu.K. Shchutsky, ed., introd. by V.M. Alekseev. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923. 144 p. (In Russ.)
4. Golovacheva, L.I. "Dzheims Legg ob istorii teksta 'Lun' iui'." ["James Legg on the History of 'Analects'."]. *Orientalistika*, no. 3 (5), 2020, pp. 1280–1297. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2020-3-5-1280-1297> (In Russ.)
5. Golovacheva, L.I. "Iznachal'nye trudnosti perevoda, metod V.M. Alekseeva i problema avtenticnosti teksta 'Lun' iui'." ["The Initial Difficulties of Translation, the Method of V.M. Alekseev and the Problem of Authenticity of 'Analects'."]. *Problemy literatur Dal'nego Vostoka: Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 25–29 iunია 2014 g.* [Issues of Far East Literature: Proceedings of the VI International Scientific Conference, June 25–29, 2014], vol. 2. St. Petersburg, 2014, pp. 35–44. (In Russ.)
6. Gorbacheva, Z.I., Petrov, N.A., Smykalov, G.F., Pankratov, B.I. "Russkii kitaevd Vasiliu Pavlovichu Vasil'ev (1818–1900)" ["Russian Sinologist Vasily Pavlovich Vasiliev (1818–1900)"]. *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniia* [Essays on the History of Russian Oriental Studies], coll. 2. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1956, pp. 313–317. (In Russ.)
7. Gor'kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 vols.], vol. 13: Pis'ma. Iiun' 1919–1921 [Letters. June 1919–1921]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 736 p. (In Russ.)
8. Dubrovskaia, D.V. *Missiia iezuitov v Kitae. Matteo Richchi i drugie (1552–1775 gg.)* [The Jesuit Mission in China. Matteo Ricci and Others (1552–1775)]. Moscow, Kraft+, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001. 256 p. (In Russ.)
9. Ivanova, E.V., Chechnev, Ia.D. "Kak i pochemu bylo zakryto izdatel'stvo 'Vsemirnaia literatura' (po materialam iz Arkhiva A.M. Gor'kogo IMLI RAN)" ["How and Why the 'World Literature' Publishing House was Closed (on Materials from A.M. Gorky Archive of IWL RAS)"]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 366–391. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-366-391> (In Russ.)
10. Ichan', V. "Idei akademika V.M. Alekseeva o trekhriusnom perevode kitaiskoi klassiki na primere 'Lun' iui'." ["The Ideas of Academician V.M. Alekseev about the Three-tiered Translation of Chinese Classics on the Example of 'Analects'."]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria: Lingvistika*, no. 2, 2019, pp. 99–107. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-2-99-107> (In Russ.)
11. *Konfutsii: Lun' iui* [Confucius: Analects], research, trans. from Chinese, comment. by L.S. Perelomov, facsimile text of "Analects" with comment. by Chzhu Si. Moscow, Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAS Publ., 1998. 588 p. (In Russ.)
12. *Literatura Vostoka* [Literature of the East], issue 1: Stat'i: S.F. Ol'denburga, I.Iu. Krachkovskogo, A.N. Samoilovicha, V.G. Bogoraza [Articles by S.F. Oldenburg, I.Yu. Krachkovsky, A.N. Samoilovich, V.G. Bogoraz]. Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1919. 68 p. (Vsemirnaia literatura) (In Russ.)

13. *Literatura Vostoka* [*Literature of the East*], issue 2: Stat'i: V.M. Alekseeva, S.G. Eliseeva, B. Vladimirtsova, V.A. Kotvicha, B.A. Turaeva, I.Iu. Krachkovskogo: "Pamiati B.A. Turaeva" [Articles by V.M. Alekseev, S.G. Eliseev, B. Vladimirtsov, V.A. Kotvich, B.A. Turaev, I.Yu. Krachkovsky: "In Memory of B.A. Turaev"]. Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1920. 174 p. (Vsemirnaia literatura) (In Russ.)

14. Pu Sun-lin. *Izbrannye rasskazy Liao Chzhaia* [*Selected Stories by Liao Zhai*], vol. 1: Lis'i chary: iz sbornika strannykh rasskazov Pu Sun-lina (Liao Chzhai Chzhi I) [Fox Charms: from the Collection of Strange Stories by Pu Song-ling (Liao Zhai Zhi Yi)]. Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 158 p. (In Russ.)

15. Pu Sun-lin. *Izbrannye rasskazy Liao Chzhaia* [*Selected Stories of Liao Zhai*], vol. 2: Monakhi volshebnyki [Monks Magicians]. Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 276 p. (In Russ.)

16. Saadi, M. *Gulistan: Izbrannye rasskazy* [*Gulistan: Selected Stories*], trans. by E. Bertel's, introd. by S.F. Ol'denburg. Berlin, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 114 p. (In Russ.)

17. Smirnov, I.I. "...Imeet otnoshenie k vospitaniiu dushi.' Nad stranitsami 'Trudov po kitaiskoi literature' akademika V.M. Alekseeva" ["...It has to do with the education of the soul.' Over the Pages of 'Works on Chinese Literature' by Academician V.M. Alekseev"]. *Aspekty komparativistiki 1* [*Aspects of Comparative Studies 1*], ed. by A.V. Dybo, G.S. Starostin. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2005, pp. 479–500. (Orientalia et Classica VI) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.04.2022

Одобрена после рецензирования: 19.05.2022

Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 05.04.2022

Approved after reviewing: 19.05.2022

Date of publication: 25.06.2022

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Письма Е.В. Бакуниной к Н.Н. Евреиннову (1931–1934) История «маленькой» писательницы

© 2022, Ю.А. Сьоли
Университет Гренобль-Альпы
Франция

Публикуемая впервые переписка (1931–1934) эмигрантской писательницы Екатерины Бакуниной (1889–1976) и драматурга, режиссера и историка театра Николая Евреиннова (1879–1953) важна и уникальна тем, что позволяет погрузиться в творческую лабораторию писательницы (поэтический сборник «Стихи», романы «Тело» и «Любовь к шестерым»), узнать о ее тревогах и сомнениях (тело и телесное в литературе), о некоторых особенностях литературного быта эмиграции, а также о маргинальном положении ряда авторов, особенно женского пола, пишущих на запретные темы (спешно сделанный, плохо написанный, «маленький» текст). Публикация состоит из краткой вступительной статьи, переписки с комментариями и списка литературы.

«Человек становится лучше после больших переживаний» (Письма Тани Вагнер. 1939–1945)

© 2022, А.Ю. Заднепровская,
Франция, Дижон

В статье публикуются письма ленинградской девочки-подростка Тани Вагнер 1939–1946 гг., сохранившиеся в семейном архиве. Они адресованы ее матери М.Ф. Вагнер, отбывавшей ссылку после ареста и гибели мужа. Письма представляют собой дневник, хронику жизни в предвоенном и блокадном Ленинграде. В приложении даны воспоминания Т.Н. Вагнер-Заднепровской о блокаде, написанные в поздние годы жизни.

Церковь пьяниц: таверна в лирике вагантов

© 2022, Н.М. Долгорукова, К.В. Бабенко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

В статье представлен анализ застольных песен из латинского сборника XIII в. «*Carmina Burana*». В выбранных стихотворениях выделены мотивы, характерные для описания таверны и связанных с ней сюжетов (азартные игры, вино, плотская любовь, Венера, Деций, Вакх, радость и смерть). Песни вагантов рассматриваются не только в связи друг с другом, но и в контексте официальной церковной литературы и Священного Писания. Исследование показало, что таверна в вагантской литературе представлена одновременно и как пародийный аналог Церкви, и как её противоположность: почти каждое явление церковной жизни в вагантских текстах переосмысливается и заменяется пародийным дублетом или дублером (молитвы – тосты, Вакх – Христос, литургическое вино – профанное вино). Однако цель такого пародирования не исчерпывается осмеянием церковного культа или издевкой над ним в современном смысле этих слов, пародийные механизмы вагантской поэзии устроены сложнее: смех в лирике гориардов амбивалентен (в терминологии М.М. Бахтина), он направлен одновременно и на уничтожение, и на возвеличивание. Последовательный анализ текстов показывает, как именно функционирует эта сложная пародийная система в самом большом сборнике вагантской поэзии.

Голгофа

© 2022, И.З. Сурат

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Статья посвящена теме распятия в русской лирике XIX–XXI вв., в ней рассмотрено пять стихотворений, по-разному представляющих поэтический образ Гол-

гофы. При анализе «Мирской власти» А.С. Пушкина выявлена лексическая связь стихотворения с молитвами и богослужебными текстами. Стихотворение А.А. Блока «Когда в листе сырой и ржавой...» рассмотрено в двух ракурсах: в ряду других его христологических стихов и на фоне общесимволистской тенденции к эротизации христианских образов. Показано, что тема со-распятия органична для Блока, что она вызревала постепенно в его лирике 1900-х гг. Стихотворение О.Э. Мандельштама «Неумолимые слова...» анализируется в контексте его лирики 1910-х гг., а также в сопоставлении с более поздней вариацией образа в стихотворении «Как светотени мученик Рембрандт...». «Материнская проекция» темы Голгофы рассмотрена на примере стихотворения В.В. Набокова «Мать», отрывков из поэмы А.А. Ахматовой «Реквием» и стихотворения И.А. Бродского «Натюрморт». Экфрастические версии евангельского сюжета представлены стихотворением Ел.А. Шварц «Офорт Рембрандта — Христос и разбойники».

«Соревнователи» А.Н. Толстого: к вопросу о формировании образа усадьбы в прозе писателя

© 2022, А.С. Акимова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Черновой автограф рассказа под названием «Соревнователи» публикуется впервые по тексту рукописной тетради А.Н. Толстого 1909 г., которая хранится в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. В нее вошли стихотворные и прозаические тексты, наброски и заметки к произведениям 1910-х гг. Под названием «Соревнователь» (в единственном числе) рассказ был опубликован в петербургском альманахе «Любовь» в 1910 г. Текстология первых прозаических произведений Толстого, новелл-стилизаций «Соревнователь» и «Яшмовая тетрадь», не привлекала внимание исследователей. В черновом автографе зафиксирован не только первоначальный вариант

заглавия рассказа, но и детали изображения усадебного быта и характеристики главного героя, дядюшки Кобелева, от которых автор отказался при подготовке текста к публикации. В преамбуле рассматриваются примеры авторской правки: при помощи динамической транскрипции воспроизводится работа над образами старого гусара и его племянника, восстанавливается созданный первоначально образ усадьбы (с садом, белой колоннадой). Сопоставление чернового автографа с опубликованным рассказом позволяет описать движение текста, охарактеризовать образы главных героев и особенности изображения образа усадьбы в ранней прозе писателя. Толстой неоднократно возвращался к рассказу «Соревнователь» и в исправленном виде включал его в собрания сочинений, что свидетельствует о значимости этого, одного из первых текстов, посвященных усадебной теме и описанию быта дворянской усадьбы, в творчестве писателя.

Испанская классическая литература в переводах Константина Тимковского

© 2022, К.С. Корконосенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Впервые дается анализ литературной деятельности Константина Ивановича Тимковского (1814–1881), переводчика и пропагандиста испанской литературы в России. В отличие от своих предшественников Тимковский хорошо владел письменным и отчасти разговорным испанским языком и не пользовался переводами-посредниками. Выделяется Тимковский и количеством переведенных им произведений и авторов: Сервантес, Кальдерон, Франсиско де Рохас, Леандро Моратин, Агустин Морето. Будучи первопроходцем в прямом переводе испанской драматургии на русский язык, Тимковский допускал регулярное, но непоследовательное сокращение текстов: пропущены места, которые в силу внутренней или внешней цензуры могли показаться непристойными

или затрагивали религию; в драме Кальдерона «Жизнь есть сон» все упоминания о России и русских заменены Богемией и богемцами; вместо перевода каламбуров Тимковский в примечаниях сообщает, что передать их по-русски невозможно и для сравнения приводит оригинал. Важнейшая и до сих пор нигде не упомянутая особенность всех работ Тимковского — выбор прозы для перевода стихотворных драматических текстов.

Приговор по делу петрашевцев и ссылка помешали Тимковскому осуществить масштабный проект: составить переводной свод испанской литературы и написать ее «полную историю» в форме цикла статей.

«Великая могила»: Мавзолей В.И. Ленина во французском травелоге 1920–30-х гг.

© 2022, Е.А. Легенькова

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается изображение Мавзолея Ленина и связанного с ним культа вождя в травелогах французских писателей и журналистов второй половины 20-х и начала 30-х гг. XX в. Мавзолей — неизменное место паломничества как советского народа, так и иностранных гостей. Для французских путешественников он представляет интерес как московская достопримечательность, отражающая идеологию советского строя, средство его пропаганды, место насаждения новых культа и религии, странных в провозгласившей атеизм Москве. Авторы отмечают азиатский характер этого культа, демонстрирующего непроницаемость ментальностей Запада и Востока. Споря с советской пропагандой, эффективной в стране, где подавляющая часть населения малограмотна, они приходят к выводу о невозможности создания мифа о бессмертии вождя в цивилизованных странах с давней демократической традицией. Опираясь на вошедшие в сознание французов со времен маркиза де Кюстина стереотипы и создавая новые, авторы пытаются

осмыслить Мавзолей как явление культуры. На подробные экфрастические описания и выхваченные из стоящей в очереди в Мавзолей толпы зарисовки накладываются философские размышления и публицистический пафос. Контраргументом советской пропаганде становится метафора мертвеца, выдаваемого за живого, распространенная не только на образ Ленина, но и на господствующую идеологию построенного им государства. В Приложении приводятся переводы выдержек из травелогов французских авторов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2022 № 2 (24)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 15.06.2022
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 16,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н